

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

630

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ
ПОЗНАНИЯ

Труды по философии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 630 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ
ПОЗНАНИЯ

Труды по философии

ТАРТУ 1983

Редакционная коллегия:

Р.Н. Блюм (отв. редактор), П.О. Кенкманн, Э.Н. Лооне,
Я.К. Ребане, Л.Н. Столович, Ю.Н. Чертин (секретарь).

Авторы сборника

"Философско-методологические проблемы
социально-исторической детерминации познания"

Труды по философии ХХУ.

- Р.А. Вихалемм - к.филос.н., доцент кафедры философии ТГУ
И.В. Розенфельд - аспирант кафедры философии ТГУ
Я.Л. Кивистик - стажер кафедры философии ТГУ
А.А. Ранникмяэ - аспирант кафедры философии ТГУ
В.В. Парве - преподаватель кафедры философии ТГУ
Л.Я. Няпинен - аспирант кафедры философии ТГУ
В.А. Голиков - ст. преподаватель кафедры философии ЭСХА
Ю.Н. Чертин - к.филос.н., ст. преподаватель кафедры философии ТГУ
Р.Н. Блюм - д.филос.н., профессор кафедры философии ТГУ

© Тартуский государственный университет, 1983

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 630.
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОЗНАНИЯ.
Труды по философии.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор Р. Блюм.
Корректор Н. Чикалова.
Подписано к печати 24.12.1982.
МБ 07338.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Фотапринт.
Учетно-издательских листов 9,63.
Печатных листов 10,0.
Тираж 500.
Заказ № 1319.
Цена 1 руб. 40 коп.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Нялсона, 14.

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ КАК ИДЕОЛОГИЯ

Р.А. Вихалемм

Рассматривая в данной статье современную буржуазную методологию науки как идеологию, мы понимаем термин "идеология" в его первоначальном марксистском смысле, т.е. исходим из понятия, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в "Немецкой идеологии"¹. Как известно, К. Маркс применял это понятие и при критике буржуазных теоретиков политической экономики: он показал, в чем заключались их научные достижения, а в чем они выступали как идеологи. Аналогичный анализ можно проделать и относительно буржуазной методологии науки. Однако в данной статье проблему научности методологических концепций современной философии науки мы рассматривать не будем, т.е. не будем останавливаться на возможностях и результатах анализа науки средствами специальных наук, на попытках построения специально-научных концепций развития науки. Цель настоящей статьи - обратить внимание именно на идеологичность современной буржуазной методологии науки. Мы хотим показать, что методологи науки нередко выражают свои идеологические намерения весьма эксплицитно, причем они выступают именно как классические буржуазные идеологи, которых в свое время критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс.

В современных условиях, конечно, следует иметь в виду и ленинскую концепцию научной коммунистической идеологии (в смысле марксистской мировоззренческой теории) как противоположности буржуазной антикоммунистической идеологии (систематическому выражению классового сознания буржуазии). Но в данной статье мы не будем обсуждать данный вопрос в этом смысле, поскольку он имеет лишь косвенную связь с нашей темой. Было бы слишком сильным упрощением рассматривать проблемы методологии науки непосредственно с точки зрения классовой борьбы. Но нападки на марксизм в буржуазной методоло-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-я, т.3, с. 11, 19, 24-26, 30, 71 и др.

гии науки, конечно, встречаются, и мы покажем, как это делается.

1. Понятие идеологии и особенности современной буржуазной философии науки

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс определили идеологию как основанный на идеалистическом понимании общественно-исторических феноменов тип мыслительного процесса, содержание и форма которого выводится идеологом "из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников ... Исторический идеолог ... располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел самостоятельный, свой собственный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений"². Идеолог обобщает, критикует, рационализирует, пропагандирует общественное сознание, которое порождается в действительности стихийно (естественноисторически) общественным бытием и от деятельности идеолога вообще не зависит. Общественное сознание, разумеется, обладает относительной самостоятельностью, однако реальный "механизм" образования общественного сознания и его роль в развитии общества являются идеологу чуждыми. "... Проникающая в идеологию рационализация лишь выводит из некоторого единого принципа, систематически объясняет и делает теоретически возможным, понятным для человека то, что уже существует как интенциональный предмет сознания, что уже на деле "кажется" в этом предмете, что уже фактически утверждается им (но принимается пока еще как неизвестно откуда и почему взявшееся, например, происхождение и причины табу в примитивных обществах остаются неизвестными). Введение в идеологию такой систематизации делает логически допустимым и понятным то, что уже существует, но существует неизвестно как, почему и откуда. В этом — то и состоит ее задача, этой "аполлогетической" ролью она и ограничивается"³.

Идеологией является и современная буржуазная философия науки, а, в конечном счете, также историография науки. Дело

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т.39, с. 83.

³ М а м а р д а ш в и л и М.К. Анализ сознания в работах Маркса. — Вопросы философии, 1968, № 6, с. 24.

в том, что неидеологическое понимание научного познания и истории науки предполагает социально-практическую трактовку природы человека и познания, что непосредственно связано с материалистическим пониманием истории общества. "Не существует /независимой от истории общества - Р.В./ истории политики, права, науки и т.д.....," - подчеркивал в этой связи К. Маркс⁴. Философия науки относится к профессиональной идеологии, о которой К. Маркс писал, что каждый представитель своей профессии "считает свое ремесло истинным. Относительно связи их ремесла с действительностью они тем неизбежнее создают себе иллюзии, что это обусловлено уже самой природой данного ремесла. Отношения становятся в юриспруденции, политике и т.д. - в сознании - понятиями; так как они не возвышаются над этими отношениями, то и понятия об этих отношениях превращаются в их голове в застывшие понятия; судья, например, применяет кодекс, поэтому он считает законодательство истинным активным двигателем"⁵.

Современная буржуазная философия, в том числе философия науки, хотя и претендует на полный отказ от классической философии, опирается, по сути дела, все же на традиционный, порожденный классической буржуазной культурой рационалистический и просветительский способ мышления с точки зрения разумного и как бы надсоциального индивида и в теории познания является наследником дилеммы эмпиризма-рационализма. Причем, "стоит только присмотреться к связанному с традицией эмпиризма социальному мышлению эпохи, взяв для анализа ее социальных философов, экономистов, антропологов, моралистов, психологов, представителей теории "естественного права", "общественного договора" и т.д., как мы увидим, что Руссо и Кант, Тюрго и Гегель, Кондильяк и Фихте являются мыслителями одной формации. У эмпириков и сенсуалистов даже более отчетливо, без метафизического и теологического тумана, проявляется основная посылка рационализма: действительные отношения суть реализация рациональных отношений сознания или "рационально понятого интереса"⁶.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. *Противоположность материалистического и идеалистического воззрений.* (Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии"). М., 1966, с. 100.

⁵ Там же.

⁶ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швириев В.С. *Классика и современность: две эпохи в*

Особенность современной буржуазной философии заключается, однако, в том, что она уже не может, как классическая философия, считать себя выразителем в принципе одинаковых для всех очевидностей, которые лишь затемнены предрассудками непросвещенной массы: "предрассудки" оказываются подкрепленными своими очевидностями. "Начиная с 20-30-х годов нынешнего столетия (а особенно после второй мировой войны) мыслитель, внутренне следующий классическим установкам, имеет своим контрагентом уже не просто непросвещенную, предоставленную самой себе массу, но массу, подвергшуюся целенаправленной психо-идеологической обработке. Не удивительно, что в современной буржуазной философии не происходит действительно последовательного преодоления просветительских и миссионерских иллюзий классического периода. Сомнению подвергаются не они, а отвергающая их жестокая реальность..."⁷. Поэтому современная буржуазная философия вынуждена использовать такие стороны и формы духовной деятельности, которые неподвластны вмешательству общества, социальному манипулированию.

Одной из таких сфер подлинности, непредубежденной рациональности считается и "внутренний мир" науки. В то же время, однако, существует также давняя традиция гуманитарной критики науки. Дело в том, что наука оказывается противоречивым феноменом в современной буржуазной культуре. Идеологическое сознание может видеть науку и как сферу подлинной рациональности, и как некую иррациональную силу. Наука XX века, даже с точки зрения идеологического сознания, уже не "делается" в сфере индивидуального сознания. Производство научных знаний стало общественно организуемым процессом. Практическая эффективность применения науки придала ей огромный социальный

в развитии буржуазной философии. - В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972, с. 47. Ср.: М.А. К и с е л ь. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М., 1974, с. 97: "Любопытно отметить, что классический эмпиризм подобно своему антиподу опирался на один и тот же теоретический принцип: картезианскую непосредственную очевидность. Более того, в теории познания и эмпирики и рационалисты исходили из одной и той же предпосылки, заключавшейся в том, что внешняя по отношению к субъекту реальность познается посредством "идей", понимаемых как состояния сознания субъекта или "мышления" (если пользоваться терминологией Декарта)".

⁷ М а м а р д а ш в и л и М.К., С о л о в ь е в Э.Ю., Ш в и р е в В.С., Указ. соч., с. 60-61.

престиж. Поэтому любая концепция, претендующая на общественную значимость, выдается, пытаясь соблюдать внешние формы научности, от имени науки.

Естественно, что в такой ситуации возникает необходимость в специальном анализе рациональности науки. Философы науки пытаются фиксировать критерии подлинной научности и показать, что правильно понятая, освобожденная от деформирующих факторов наука является эталоном рациональности в современном мире. Критики науки, однако, обращают внимание на возрастающую неподвластность науки сознательной деятельности индивида. Они считают естественными проявлениями иррациональной сущности науки все то, что философы науки подлинной наукой не признают.

Современная буржуазная философия науки, как и классические формы позитивизма, выражает профессиональную идеологию ученых. С одной стороны, эта философия критикует классическую философию, противопоставляя себя спекулятивным схемам (в том числе и гносеологическим схемам) "метафизики". С другой же стороны, считая, что в лице подлинной науки существует неподвластное искажающим воздействиям объективное знание, развивающееся на основе рациональных принципов, она продолжает классическую идеологическую линию.

Все исторические формы буржуазной философии науки, начиная с классического позитивизма прошлого века, претендовали на чисто научный подход к анализу научного знания как единственной формы подлинного объективного взгляда на мир. В конечном счете, однако, все они оказались именно философско-идеологическими концепциями, трактующими научное познание в духе классической идеалистической гносеологии, так как не исходили из действительных предпосылок научного познания, т.е. из социально-практической трактовки природы человека и познания в свете материалистического понимания истории общества. Идеологическая природа современной буржуазной философии науки проявляется, конечно, и в том, что она критикует со своих идеалистических позиций историко-материалистическое понимание общества и познания, считая, как правило, своим долгом показать, что марксизм не является наукой и именно поэтому не заслуживает внимания в рациональных дискуссиях.

На критике позитивистской (непозитивистской) философии науки нет смысла останавливаться, так как несостоятельность этого течения философии науки уже всесторонне раскрыта не только в марксистской, но и в немарксистской философской ли-

тературе последних десятилетий. Рассмотрим (в аспекте нашей темы) лишь "постпозитивистскую" философию науки, которая выдвигает различные варианты рациональной реконструкции истории науки и критикует логический позитивизм за то, в частности, что тот на историю науки не опирался.

Прежде всего обратим внимание на эксплицитно выраженные идеологические намерения философов науки исторической школы. В советской философской литературе буржуазная философия науки обычно не рассматривается с такой точки зрения, а это обстоятельство, как нам кажется, не только не позволяет получить адекватное представление о методологических изысканиях буржуазных философов, но и вообще ограничивает понимание философско-методологических проблем науки.

2. Критический рационализм К. Поппера и И. Лакатоша - пример философии науки как профессиональной идеологии

Хотя об "исторической школе" как альтернативе позитивизма в современной буржуазной философии науки стали говорить начиная с 1960-х годов, с серьезной критикой позитивистской методологии науки, разделяя при этом общую идеологическую позицию позитивизма, выступал уже во время расцвета Венского кружка Карл Поппер. Поппера не удовлетворяла ссылка на эмпирический и индуктивный метод, в том числе метод верификации неопозитивистов, как критерий отличения науки от псевдонауки и метафизики.

В своей лекции "Философия науки", опубликованной в 1957 году⁸ (впоследствии - первая глава книги "Предположения и опровержения"⁹), Поппер описывает атмосферу, в которой он в 1919 г. впервые начал интересоваться проблемой демаркации между наукой и псевдонаукой, следующим образом: "После крушения австрийской империи в Австрии совершилась революция: воздух был полон революционных лозунгов и идей, новых и часто фантастических теорий. Среди интересовавших меня в ту пору теорий, теория относительности Эйнштейна была, несомненно, наиболее значительной. Тремя другими теориями были теория истории Маркса, психоанализ Фрейда и так называемая "ин-

⁸ P o p p e r, K.R. Philosophy of Science: A Personal Report.-In: British Philosophy in the Mid-Century. A Cambridge Symposium. London, 1957.

⁹ P o p p e r, K.R. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge.- London, 1972 (1-st ed. 1963).

дидуальная психология" Альфреда Адлера"¹⁰. Пытаясь ответить на вопросы "Что ошибочно в марксизме, психоанализе и индивидуальной психологии?", "Почему они так отличаются от физических теорий, от теории Ньютона и теории относительности?" Поппер и сформулировал свой известный принцип фальсифицируемости¹¹. Он пришел к заключению, что в случае упомянутых нефизических теорий постоянно говорят об их подтверждении, но не устанвлено, при каких обстоятельствах они могли бы оказаться опровергнутыми. Критерием же научного статуса теории является именно ее фальсифицируемость, и подтверждающее свидетельство "должно пониматься как результат серьезной, но безуспешной попытки фальсифицировать эту теорию"¹².

Поппер утверждает, что марксизм является "усиленным догматизмом" и "историцизмом", который избегает опровержений при помощи ad hoc изменений в своей теории¹³ и предполагает, что историческое пророчество составляет его "главную цель и ... что эта цель может быть достигнута путем раскрытия "ритмов" или "моделей", "законов" или "тенденций", лежащих в основе эволюции истории"¹⁴. Он подчеркивает, что с точки зрения научного метода бессмысленно говорить о законах истории, на основе которых были бы возможны научные предсказания, ибо история является уникальным процессом, о котором поэтому нельзя сформулировать проверяемых на новых примерах суждений¹⁵. Признание законов истории вело бы к некоторому фатализму¹⁶, "историцист видит в индивиде пешку, какое-то незначительное орудие в общем развитии человечества"¹⁷. Историцизм, согласно Попперу, связан также с другими ошибками

¹⁰ P o p p e r, K.R. Philosophy of Science, p. 156.

¹¹ Его соответствующая методологическая концепция наиболее полно изложена в: P o p p e r K.R. The Logic of Scientific Discovery. London, 1968 (первое издание на немецком языке: Logik der Forschung. Wien, 1935).

¹² P o p p e r, K.R. Philosophy of Science, p. 160.

¹³ P o p p e r, K.R. The Open Society and its Enemies. Vol. II. London. 1966, pp. 116, 187, 326, 329 a.o.

¹⁴ P o p p e r, K.R. The Poverty of Historicism. London, 1961, p. 3.

¹⁵ Ibid., pp. 107 - 109, 117 - 118 a.o.

¹⁶ Ibid., pp. 43, 49, 51 a.o.

¹⁷ P o p p e r, K.R. The Open Society and its Enemies. Vol. I. London. 1966, pp. 7 - 8.

ненаучного подхода, такими как "эссенциализм", "холизм" и "утопизм", что ведет к отрицанию свободы и демократии — к "закрытому обществу"¹⁸. Поппер пишет, что, хотя и Маркс "допускал любовь к свободе ... вера Маркса, я полагаю, была в сущности верой в открытое общество"¹⁹, он все же "был ложным пророком ... ответственным за разрушительное влияние историчесистского метода мышления в рядах тех, кто желал продвигать вперед дело открытого общества"²⁰. "Пророческий элемент в убеждениях Маркса доминировал во взглядах его последователей. Он сметал все вокруг, изгоняя способность к холодному и критическому суждению и разрушая веру в то, что с помощью разума мы можем изменить мир"²¹.

В указанной марксистской литературе уже показано, что попперовское нападение на марксизм является необоснованным, но, наряду с этим, признается и некоторый вклад Поппера в разработку научного метода. Например, М. Корнфорт пишет: "Отвечая на его опровержение марксизма, я понимаю, сколь многим мы ему обязаны. Мы обязаны ему прежде всего тем, что положения, которые он высказал о "логике научного открытия", оказывают большую помощь в формулировании и объяснении действительных научных методов марксизма. Во-вторых, его попытки сказать, что мы думаем, по меньшей мере помогают понять, чего мы не думаем"²².

Шведский философ И. Кхансон приходит в своей монографии, посвященной критике методологии К. Поппера, в частности, к следующему выводу: "... Поппер только заявляет, что марксизм фальсифицирован или нарушает его методологические правила. Он не показывает это". Нередко его аргументы основаны больше на неверной интерпретации марксизма, чем на его методологических правилах ... Поппер как обществовед оставляет

¹⁸ См. подробный анализ в работе английского марксиста: М. Корнфорт. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М., 1972, с. 176 и сл.

¹⁹ Popper, K.R. The Open Society..., Vol. II, p. 200.

²⁰ Ibid., p. 82.

²¹ Ibid., p. 198.

²² Корнфорт М. Указ. соч., с. 33.

лишь видимость того, что он отвергает теорию при помощи методологических правил, выдвинутых им как философом науки...²³.

Начиная с 1960-х годов методологическая концепция Поппера широко обсуждается - применяется, развивается и критикуется - в "исторической школе" философии науки, и сам Поппер выдвигает свою модель развития науки, основанную на идее "третьего мира" - мира объективного знания (мышления), созданного и развиваемого субъектом (индивидуальными учеными), однако не содержащего этого знающего и познающего субъекта (психического мира субъекта, названного Поппером "вторым миром"), как и физического, внешнего мира ("первого мира"), т.е. "третий мир" - это мир теорий, идей, аргументов, проблем и проблемных ситуаций, возможных решений и рациональной критики этих решений²⁴.

Хотя в "исторической школе" философии науки в центре внимания и находится построение модели науки, которая выдержала бы сопоставление с фактической историей науки, разработка этой модели по-прежнему исходит из идеологических предпосылок, из классической концепции рациональности. Лишь у Т. Куна, который является прежде всего историком науки, а также у С. Тулмина, претендующего на рассмотрение реальной истории науки (на основе идей биологической эволюции), идеологичность не выявлена, обнаруживается иначе (мы еще вернемся к этому вопросу), чем у тех философов науки, которые считают, что прогресс науки можно и должно реконструировать, исходя из каких-то уже известных принципов рациональности. Кстати, Кун согласен с Поппером, что марксистская историография (как и психоанализ) не является наукой (правда, этим он еще ничего не хочет сказать о значении марксизма!), однако его критерии демаркации отличаются от попперовских²⁵. Тулмин отвергает марксистскую концепцию истории, считая ее, как и Поппер, "историцизмом". Тулмин утверждает, что, хотя и Маркс и Энгельс дали высокую оценку эволюционной теории Дарвина, в действительности они не поняли, в чем заключается

²³ Johansson, I. A Critique of Karl Popper's Methodology. Stockholm, 1975, p. II7.

²⁴ Popper, K.R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, 1972.

²⁵ Kuhn, T.S. Logic of Discovery or Psychology of Research? - In: Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, 1970, p. 7.

действительный смысл дарвиновской идеи изменчивости и естественного отбора для понимания объективного механизма развития и сами не сумели выработать научную историографию²⁶.

Основная полемика между Куном и его оппонентами возникает именно по поводу рациональности. Возражения вызывают социально-психологические черты куновских понятий, таких как "научное сообщество", "парадигма", "нормальная наука", его точка зрения о несоизмеримости сменяющих друг друга теорий (парадигм), утверждение, что выбор между теориями (как парадигмами) не может определяться только логикой и экспериментом и др. Куна обвиняют в иррационализме. Кун же пишет, что он "никогда не считал, что наука по своему существу является иррациональной деятельностью. Поведение ученого, рассматриваемое в целом, — лучший пример рациональности"²⁷. Он только не согласен с такой позицией исследователя науки, при которой "в качестве критерия отбора рациональность предшествует занятиям историей и не зависит от нее"²⁸. Кун считает, что историю следует "рассматривать серьезно, как самостоятельную дисциплину" и если она "приводит нас к убеждению, что развитие науки существенно зависит от поведения, которое мы раньше считали иррациональным, то отсюда мы должны заключить не то, что наука иррациональна, а то, что наше понимание рациональности нуждается в исправлении"²⁹.

Аргументы против Куна, а также против Тулмина носят прежде всего именно идеологический характер. И. Лакатос, например, обвиняет Тулмина (а также Куна) в своеобразном "элитизме" (об этом скажем еще ниже). Он пишет: "Тем, что Тулмин выбрал элитизм, нагруженный прагматизмом и историцизмом, он, на мой взгляд, выбрал наихудший из возможных философских миров"³⁰. Поппер считает, что, хотя и описанная Куном "нормальная наука" существует, ее нельзя считать (как считает Кун)

²⁶ T o u l m i n , S. Human Understanding. Vol. I. General Introduction and Part I. Oxford, 1972, pp. 328-334.

²⁷ К у н Т. Замечания на статью И. Лакатоса. — В кн.: Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978, с. 279.

²⁸ Там же, с. 275.

²⁹ Там же, с. 279-280.

³⁰ Л а к а т о с , I. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge, 1978, p. 241.

"нормальной". Великие ученые не были "нормальными" в куновском смысле этого слова. Поппер пишет: "На мой взгляд, "нормальный" ученый, как его описывает Кун, является человеком, которому следует посочувствовать. (...) Я, как и многие другие, надеюсь, что ученые на университетском уровне (и ниже, если возможно) должно быть обучением критическому мышлению. Описанный Куном "нормальный" ученый плохо обучен. Он обучен в догматическом духе..."³¹. Далее он допускает, что отношение к науке как к "нормальной науке" действительно существует, но "Я могу только сказать, что вижу в таком отношении большую опасность, а в возможности становления его нормальным (как и в повышении специализации, что тоже является неоспоримым историческим фактом) я действительно вижу большую опасность науке и нашей цивилизации. Я надеюсь, однако, что Кун ошибается, когда считает, что то, что он называет "нормальной" наукой, и является нормальной"³².

Ясно вырезил свою идеологическую позицию и Имре Лакатош, который, как известно, создал на основе критически переработанной методологии Поппера оригинальную концепцию "методологии научных исследовательских программ". Позиция Лакатоша является тем же "критическим рационализмом" или "рациональным критицизмом", что и позиция Поппера, т.е. точкой зрения, согласно которой научный прогресс основывается на рациональной критике выдвигаемых идей, гипотез, теорий в попперовском "третьем мире". "Критические рационалисты" являются, с точки зрения Лакатоша, также "демаркационистами"³³, так как они считают, что в "третьем мире" существуют универсальные рациональные критерии для оценки научности, для отличия науки от ненауки и прогресса науки от ее стагнации и регресса. "Демаркационисты" признают, что "третий мир" является в познавательной деятельности человека лишь как бы надводной частью айсберга, но именно в этой небольшой области и действуют рациональные критерии научности. Лакатош считает важным подчеркнуть демократичность своей позиции: критерии демаркации между наукой и псевдонаукой понятны даже неспециалисту, исключена возможность, что лишь некоторые ("избранные", "посвященные") люди или институции (церковь, партия) имеют пра-

³¹ P o p p e r , K.R. Normal Science and its Dangers.- In: Criticism and the Growth of Knowledge, pp.52-53.

³² Ibid., p. 53.

³³ L a k a t o s , I. Op. cit., p.109-110.

во и возможность решить (по только им известным, только им понятным критериям), что считать наукой и что псевдонаукой. Именно по этой причине (т.е. недемократичности) Лакатос отвергает те концепции философии науки ("культурного релятивизма" П.Фейерабенда, "элитизма" Т.Куна, М. Поляни, С.Тульмина), которые отрицают возможность сформулировать рациональные (нормативные) критерии для оценки научных теорий³⁴. (Здесь следует, однако, сразу отметить, что оппоненты Лакатоса возражают ему потому, что его критерии оказываются в реальных ситуациях неэффективными, недостаточными).

Лакатос, как и Поппер, считал своим долгом отвергать марксизм как псевдонауку. Только он показал, что, следуя критериям Поппера, это сделать нельзя. Во-первых, попперовская критика марксизма не совсем ясна: по Попперу оказывается, что марксизм является как фальсифицируемым (и фальсифицированным), так и нефальсифицируемым³⁵. Поппер, с точки зрения концепции Лакатоса, должен был бы сказать, что марксизм как "ядро" "исследовательской программы" является нефальсифицируемым, а как некоторая полная "исследовательская программа", т.е. вместе со своими конкретными вспомогательными гипотезами, начальными условиями и требованием прочих равных условий, фальсифицирована. Во-вторых, дело вовсе не заключается в фальсификации или фальсифицируемости - все научные теории оказываются, строго говоря, фальсифицированными, - дело заключается, согласно Лакатосу, в том, что научные исследовательские программы преобразуются после их "фальсификации" таким образом, что они успешно предсказывают новые факты, псевдонаучные же теории никаких новых фактов успешно предсказать не могут. Именно последний аргумент приводится Лакатосом³⁶ (а также, например, Дж. Уорралом³⁷) против марксизма. Все подобные аргументы, конечно, бьют мимо

³⁴ L a k a t o s , I. Op.cit., vol.I, pp.6-7; Vol.2, pp. 107 - 120, 224 - 243.

³⁵ L a k a t o s , I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes.-In: Criticism and the Growth of Knowledge, p.119, fn.2.

³⁶ L a k a t o s , I. Philosophical Papers, vol.I, pp.3-6.

³⁷ W o r r a l l , J. The Ways in which the Methodology of Scientific Research programmes Improves on Popper's Methodology.-In: Progress and Rationality in Science. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol.58. Dordrecht a.o., 1978, pp.55-56.

цели, даже независимо от того, насколько они соответствуют действительному положению дел в науке, поскольку марксизм и не претендует на статус "чисто" научной теории типа физики.

3. Идеологические предпосылки концепций

Т. Куна и С. Тулмина

"Историческая школа" в философии науки явно направлена против эмпиризма логического позитивизма. Суть этого эмпиризма заключается в трактовке научного познания с точки зрения сознания свободного индивида - познающего индивидуально-го субъекта - и наблюдаемого им, данного ему в его опыте объекта познания. Задачей философа-методолога, с точки зрения эмпиризма логического позитивизма, является выработка философско-логического метода, гарантирующего, чтобы полученные субъектом знания были обоснованы опытом, уточнялись и расширялись с уточнением и расширением его опыта. Прогресс науки зависит, с этой точки зрения, от совершенства метода, от выбора и выработки субъектом правильного метода познания. "Третий мир" Поппера-Лакатоша, "научное сообщество" и "парадигма" Куна, "интеллектуальная экология концептуальных популяций", "интеллектуальная дисциплина и профессия" Тулмина - это понятия, которые немислимы в рамках "гносеологической робинзонады" "чистого" эмпиризма. Тем не менее, концепции Поппера и Лакатоша, а также концепции Куна и Тулмина не выходят за пределы "гносеологической робинзонады" эмпиризма в том смысле, что они по-прежнему трактуют человека, так сказать, по Фейербаху, т.е. в абстракции от общества а человек подразумевается в качестве необходимого агента познавательного процесса, без решений, без деятельности которого рост знания, эволюция науки оказывается немислимой даже в "третьем мире" Поппера.

Вопросы теории познания (например, проблема истины - применимость или неприменимость понятия истины для характеристики научного познания) рассматриваются, в конечном счете, с точки зрения традиционных исходных "полюсов": с одной стороны - результаты познания - знания (научные теории и т.п.), с другой стороны - наблюдаемый субъектом объект знаний - природа, данная субъекту в его опыте. Хотя в "пост-позитивизме" появились опосредствующие звенья между этими "полюсами", сами "полюсы" не изменились, их сущность не стала общественно-исторической.

Так, хотя и Поппер, и Лакатош говорят о мире объективного знания, — не содержащем познающего субъекта "третьем мире"; реальное движение науки, в конечном счете, все же зависит от решений, от познавательной деятельности индивидуальных ученых. Субъект (индивид) является посредником, только через которого и возможна связь между познаваемым "первым миром" (реальным, физическим миром) и этим "третьим миром" объективного знания³⁸. Таким образом, получается схема старой "робинзонады" эмпиризма с той лишь разницей, что между познающим субъектом и объектом познания существует, с точки зрения концепции Поппера-Лакатоша, еще созданный субъектом и оказывающий на него обратное воздействие самостоятельный мир объективного знания.

Кун и Тулмин являются, конечно, более последовательными в своей борьбе против эмпиризма логического позитивизма. В конечном счете, однако, гносеология этих исследователей науки тоже основана на фундаменте эмпиризма (в вышеуказанном широком смысле этого слова).

Кун считает свой подход социально-психологическим. Он исходит из системы ценностей, из идеологии³⁹ группы ученых. Эти ученые рассматриваются Куном как абстрактные (никак не представляющие общественные отношения определенной исторической формы практики) психологические индивиды. Кун подчеркивает, что конкретное научное сообщество с одинаково понимаемой и применяемой системой ценностей формируется из исследователей, которые "получили сходное образование и профессиональные навыки"⁴⁰, научились одинаково видеть мир, идентифицировать и решать "головоломки" на основе одних и тех же образцов⁴¹.

С логико-гносеологической точки зрения, "образцы" в концепции "парадигмы" Куна⁴² играют, в конечном счете, роль тра-

³⁸ P o p p e r , K.R. Objective Knowledge, p. 155.

³⁹ K u h n , T.S. Logic of Discovery or Psychology of Research, pp. 21-22.

⁴⁰ К у н Т. Структура научных революций. М., 1975, с.222.

⁴¹ Там же. с. 236-257; K u h n , T.S. Second Thoughts on Paradigms.-In: The Structure of Scientific Theories. Urbana. a. o., 1974.

⁴² См. особенно: K u h n , T.S. Second Thoughts ...

традиционных остенсивных определений эмпириков⁴³.

Философия науки Тулмина представляется особенно явной аналогией антропологической философии Фейербаха: если Фейербах пытался исходить из реального человека, то Тулмин стремится исходить из реального ученого; и, аналогично тому, как Фейербах исходил в действительности лишь из абстракции человека и пришел к определенному варианту биологизма потому, что он не рассматривал человека с самого начала с точки зрения социальных отношений, также пришел и Тулмин к биологизму, к биологическим аналогиям в объяснении развития науки.

Протестуя против культа логической систематичности и отождествления рационального с логическим, Тулмин подчеркивает, что его подход не исходит из формально-логических соображений, в рамках которых еще находится критика логического позитивизма у таких представителей исторического подхода, как Поппер, Лакатос и даже Кун (парадигма Куна является аналогом логической системы⁴⁴). По мнению Тулмина, традиционные логико-методологические исследования не имеют никакого отношения к тем проблемам, с которыми сталкиваются ученые в своей реальной исследовательской деятельности⁴⁵. Центральным является в действительности следующий вопрос: "Каковы те умения и традиции, виды деятельности, процедуры и инструменты интеллектуальной жизни и воображения - одним словом - понятия, через которые достигается и выражается человеческое понимание?"⁴⁶ "... Нашей отправной точкой, - пишет Тулмин, - будут живые, исторически развивающиеся интеллектуальные предприятия..."⁴⁷ "... Не физика, а физики объясняют физические явления", - подчеркивает он⁴⁸. Физики же объясняют физические явления (здесь Тулмин выделяет те же моменты, что и Кун) не столько при помощи формально-логических дедукций, сколько при помощи различных процедур предметной деятельности - начертания диаграмм и графиков, конструирования при-

---

⁴³ Ср.: The Structure of Scientific Theories, pp.483 - 499, 507.

⁴⁴ T o u l m i n, S. Op.cit., pp.479, 106, 482-484.

⁴⁵ Ibid., p.230.

⁴⁶ Ibid., p.II.

⁴⁷ Ibid., p.85.

⁴⁸ Ibid., p.I57.

боров и интеллектуальных моделей и пр.⁴⁹

Но, как только мы обратимся к исходному тезису Тулмина о предпосылках предполагаемой реальной исследовательской деятельности реальных ученых, сразу обнаруживается идеологическая позиция буржуазного мыслителя (в данном случае - прагматического толка), рассуждающего с точки зрения мыслящего индивида. "Человек рожден со способностью к оригинальному мышлению, - пишет Тулмин, - но везде эта оригинальность скована определенным концептуальным наследием; однако при более тщательном рассмотрении, эти понятия оказываются тоже необходимыми инструментами эффективного мышления"⁵⁰. Задача исследователя, по Тулмину, заключается в концептуальном доказательстве на фоне и на основе уже существующих концептуальных средств эффективности своего мышления. Тулмин, как и Кун, считает, что в научной практике вопрос об истине не возникает. Вместо этого возникает вопрос о том, какое из возможных концептуальных изменений имело бы в данных условиях наибольшие шансы на "экологический успех", т.е. наибольшие шансы стать признанным научной профессией (научным сообществом, если использовать термин Куна)⁵¹. Поэтому Тулмин и считает, что история науки является "интеллектуальной экологией", понимаемой как один из частных случаев эволюционных процессов, объясняемых популяционной теорией изменчивости и естественного отбора. Теория Дарвина является, по мнению Тулмина, лишь наиболее известным и пока наиболее разработанным вариантом такой теории.

Трактовка проблемы истины Тулминым и Куном хорошо выражает ограниченность гносеологической позиции этих авторов: она критикует эмпиризм в рамках эмпиризма. Действительно, Кун и Тулмин убедительно показывают, что, с точки зрения историко-научного подхода, понятие истины в качестве критерия научного прогресса не работает в том смысле, как не работают гносеологические принципы эмпиризма: нельзя сказать, что в истории естествознания, например, возникает новая теория только потому и только тогда, когда удастся доказать, что лучшее подтверждение этой теории опытными фактами свидетельствует о том, что эта теория дает более похожую на саму при-

⁴⁹ Об этом Тулмин писал уже в книге "The Philosophy of Science" (London, 1967), первое издание которой вышло в 1953 году.

⁵⁰ G o u l m i n, S. Human Understandig, p.35.

⁵¹ Ibid., p. 225.

роду картину, чем предшествующая ей теория⁵². А так как на этой основе делается вывод о неприменимости в науке понятия истины вообще, то можно утверждать, что критика эмпиризма Тулминым и Куном в важных гносеологических вопросах не выходит за пределы мышления в категориях эмпиризма.

Итак, Кун и Тулмин (несмотря на то, что они во многих вопросах — мы здесь на эти вопросы не обратили внимания — критикуют друг друга, их концепции в рассмотренном аспекте весьма близки), не выходя за рамки профессиональной идеологии ученых и предпосылок идеологического подхода вообще, весьма резко критикуют традиционные в буржуазной философии науки концепции, построенные на основе принципов формальной логики и эмпиризма и не отражающие конкретной деятельности ученых в реальной истории науки.

Перейдем теперь к рассмотрению позиции Пауля Фейерабенда, который продолжает критическую линию Куна и Тулмина, но уже критикует и профессиональную идеологию ученых, т.е. в этом аспекте и линию Куна-Тулмина.

4. Идеология эпистемологического анархизма П. Фейерабенда

Откровенно идеологическая позиция Фейерабенда является весьма любопытной в философии науки. Фейерабенд оказывается во многих отношениях "предельным" философом. Он, во-первых, "доводит историко-эволюционистскую традицию в философии науки до ее последних пределов, которые едва удерживают его в числе представителей данного направления"⁵³. А, во-вторых, его анархистская концепция, изложенная наиболее полно в книге "Против метода. набросок анархистской теории познания"⁵⁴,

⁵² В этой связи можно согласиться с Н.Максвеллом, критиковавшим понимание цели научного познания в "стандартном эмпиризме", согласно которому "целью науки является просто открыть все больше и больше о мире или об исследуемых явлениях, какими он они не оказались" (Maxwell, N. The Rationality of Scientific Discovery. Part I :The Traditional Rationality Problem.—Philosophy of Science, 1974, Vol. 41, No 2, p. 124.

⁵³ Зиневич Ю.А., Федотова В.Г. Проблемы теории развития науки и методологический анархизм П. Фейерабенда. — Вопросы истории естествознания и техники, 1980, № 3, с. 53.

⁵⁴ Feysabend, P. Against Method. Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. London, 1979 (1-st ed. 1975).

представляет собой "в эпистемологическом аспекте - разложение эмпиризма в рамках эмпиризма"⁵⁵, а в этико-политическом аспекте - разложение либерализма в рамках либерализма"⁵⁶.

Фейерабенд, занимаясь философско-методологическими вопросами науки, выступает с точки зрения буржуазно-гуманистических ценностей, прежде всего - свободы личности (индивиду). Он видит, что эти ценности в современном мире подавлены, искалечены, в том числе и наукой как феноменом современного общества⁵⁷, "научным шовинизмом", как он пишет,⁵⁸ и полагает, что именно в этой ситуации (в других условиях требуется уже что-то другое) его "анархизм является, несомненно, превосходящим лекарством для эпистемологии и философии науки"⁵⁹.

Фейерабенд беспощадно выявляет слабые места в предложенных методологических концепциях, чтобы продемонстрировать иллюзорность надежды выработать универсальную методологию или теорию развития науки, адекватно воспроизводящую реальную историю науки. И делает это потому, что, по его мнению, "наука по существу является анархическим предприятием: теоретический анархизм более гуманистичен и с большей вероятностью поддерживает прогресс, чем его правопорядковые альтернативы"⁶⁰. "Попытка увеличить свободу, прийти к полной и вознаграждающей жизни и соответствующая попытка открыть тайны природы и человека требует ... отказа от всех универсальных стандартов и от всех жестких традиций"⁶¹.

Такая позиция, естественно, приводит тех исследователей

---

⁵⁵ Здесь эмпиризм понимается в уже указанном широком смысле слова. Хочется также напомнить, что эмпирики и рационалисты исходят, в конечном счете, из одной и той же предпосылки и поэтому предельные возможности эмпиризма совпадают с предельными возможностями буржуазного рационализма.

⁵⁶ C u r t h o y s , J. and S u c h t i n g , W. Feyerabend's Discourse against Method: A Marxist Critique.- Inquiry, 1977, Vol. 20, No 2-3, p. 339.

⁵⁷ F e y e r a b e n d , P. Op.cit., pp. 188 f.

⁵⁸ Ibid., pp. 50 f.

⁵⁹ Ibid., p. 17, cf. p. 22.

⁶⁰ Ibid., p. 17.

⁶¹ Ibid., p. 20.

науки, которые считают важной разработку методологических вопросов науки, не интересуясь оценкой науки в более широком мировоззренческом контексте, к игнорированию критики Фейерабенда. Например, Кун отмечает, что бессмысленно реагировать на критику Фейерабендом методологических концепций, поскольку "любой пробел в конкретном методологическом аргументе кажется ему признаком невозможности всего предприятия"⁶². Или, как пишет Дж. Уоррал в своей рецензии на книгу Фейерабенда "Против метода", "... хотя и "рациональная" методология не может спастись от атаки Фейерабенда совершенно невридим, эта атака не наносит смертельных ран. "Метод" живет!"⁶³.

Фейерабенд начинает свою книгу "Против метода" со ссылки на работу В.И. Ленина "Детская болезнь "левизны" в коммунизме"⁶⁴, отмечая, что "здесь мы можем очень ясно видеть, как немногие подстановки могут превращать политический урок в методологический. И это вовсе не неожиданно. Как методология, так и политика являются средством для перехода от одной исторической стадии к другой. Естественное различие заключается лишь в том, что стандартная методология игнорирует тот факт, что история постоянно продуцирует новые особенности. Мы также видим, как такой человек, как Ленин, который не стеснен традиционными границами и мышление которого не привязано к идеологии определенной профессии, способен давать советы каждому, в том числе и философам науки"⁶⁵. Фейерабенд использует указанный текст Ленина следующим образом: "История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, хитрее, чем воображают самые лучшие" историки и самые лучшие методологи [...]. "Отсюда (из характера исторического процесса) вытекают два очень важных практических вывода...: первый, что революционный класс (т.е. класс, который хочет изменить часть общества - науку -, или общество в целом) для осуществления своей задачи должен уметь овладеть всеми, без ма-

⁶² K u n , T. The Halt and the Blind: Philosophy and History of Science.-The British Journal for the Philosophy of Science, 1980, Vol. 31, No 3, p. 191.

⁶³ W o r r a l l , J. Against Too Much Method.-Erkenntnis, 1978, Vol. 13, No 2, p. 295.

⁶⁴ Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80-81.

⁶⁵ F e y e r a b e n d , P. Op.cit., p. 18, fn. 5.

лейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (он должен быть способным понять и применить не только какую-нибудь одну методологию, а любую мыслимую методологию и ее вариации)...; второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другой"⁶⁶. Единственный методологический принцип, на который мы можем положиться при всех обстоятельствах, не рискуя препятствовать прогрессу, — это "все пойдет" (anything goes).⁶⁷

Фейерабенд разъясняет, что его "идеология эпистемологического анархизма"⁶⁸ отличается как от "скептицизма, так и от политического (религиозного) анархизма ... В то время как политический или религиозный анархист хочет изменить определенную форму жизни, эпистемологический анархист, возможно, хочет защитить ее, так как ни к какому институту и ни к какой идеологии нет у него ни сверхпрочной лояльности, ни сверхпрочной антипатии. Подобно дадаисту, на кого он больше похож, чем на политического анархиста, он "не только не имеет никакой программы, а против всякой программы"...⁶⁹. Полемический смысл фразы "все пойдет" заключается именно в том, что "ученый, который перейдет к неизвестному, может нарушить любую систему (методологических правил и стандартов.— P.B.), какой бы "рациональной" она ни была"⁷⁰. Фейерабенд отмечает, что по чисто "мнемоническим соображениям" можно сформулировать два "методологических принципа": 1) "принцип" упорства (любую теорию можно сохранять сколь угодно долго, поскольку нет однозначных и всегда надежных методологических правил, на основе которых следовало бы от нее отказаться), 2) "принцип" пролиферации (желательно выдвигать как можно больше альтернативных теорий, поскольку нет также однозначных и всегда надежных методологических правил, на основе которых можно было бы безошибочно сказать, какая теория является наилучшей).

---

⁶⁶ F e y e r a b e n d, F. Op.cit., pp. 17-18, fn.5.

⁶⁷ Ibid., p.23 a.o.

⁶⁸ Ibid., p. 196.

⁶⁹ Ibid., p. 189.

⁷⁰ F e y e r a b e n d, P. Marxist Fairytales from Australia. — Inquiry, 1977, vol.20, No 2-3, p.379.

Предшественниками своей идеологии эпистемологического анархизма Фейерабенд считает "Заключительное ненаучное послесловие" Кьеркегора и "К критике гегелевской философии права" Маркса⁷¹. Современный марксизм, однако, кажется Фейерабенду неинтересным, поскольку он стал доктриной⁷², философией лунатиков, потерявшей связь с реальностью⁷³, представителям которой следует напомнить, что "марксизм не является просто некоторым множеством фраз, а философией и требует от своих представителей немножко больше, чем чистое сердце, сильный голос и хорошая память"⁷⁴. Современные марксисты, по мнению Фейерабенда, "заботятся лишь о тех высказываниях, которые смутно согласуются с тем, что по их мнению является марксистской партийной доктриной, а не об анализе и совершенствовании этой доктрины"⁷⁵. В то же время Фейерабенд считает, что и его взгляды (несмотря на критику со стороны современных марксистов) в действительности не противоречат взглядам основоположников марксизма⁷⁶, к которым он, кстати, кроме Маркса, Энгельса и Ленина, по-видимому, причисляет и Троцкого⁷⁷.

Критических рационалистов Поппера и Лакатоша Фейерабенд считает продолжателями старомодного и наивного рационализма Декарта и Канта, согласно которым существуют универсальные, стабильные, не зависящие от содержания и контекста правила и стандарты рациональности⁷⁸. По Фейерабенду, во-первых, с точки зрения гуманистических идеалов, нежелательно жить в согласии с правилами критического рационализма школы Поппера, а, во-вторых, наука, которую мы реально знаем, была бы невозможной, если бы познание действительно подчинялось этим

⁷¹ F e y e r a b e n d , P. Marxist Fairytales from Australia-Inquiry, 1977, vol.20, No 2-3, p.377.

⁷² Ibid., p.385.

⁷³ C u r t h o u s , J. and S u c h t i n g , W. Op.cit., p.366, fn.216.

⁷⁴ F e y e r a b e n d , P. Marxist Fairytales..., p.373.

⁷⁵ Ibid., p.393, fn.33.

⁷⁶ Ibid., p. 379. Марксистский ответ на критику Фейерабенда дан в статье S u c h t i n g , W. "Rising Up from Downunder. Comments on Feyerabends 'Marxist Fairytales from Australia' - Inquiry, 1978, Vol.21, No 3.

⁷⁷ F e y e r a b e n d , P. Consolations for the Specialist - In: Criticism and the Growth of Knowledge, p.211.

⁷⁸ F e y e r a b e n d , P. Marxist Fairytales..., p.377.

правилам⁷⁹. В то же время он считает своего оппонента Лакатоша замаскированным анархистом и посвящает свою книгу "Против метода" ему - "другу и собрату-анархисту"⁸⁰. Дело в том, что методология научных исследовательских программ Лакатоша не дает "правил получения решений, а просто указывает на оценку уже существующих решений"⁸¹. С точки зрения Лакатоша, "можно рационально придерживаться регрессирующей программы до тех пор, пока ее не обгонит конкурирующая программа и даже после этого. Однако то, чего нельзя делать, - это способствовать ее слабой публичной гласности"⁸². А так как Фейерабенд понимает методологическую оценку именно в непосредственной связи с рекомендациями относительно того, что нужно делать (т.е. он считает, что разделенные традиционными методологами науки контексты подтверждения и открытия в действительности неотделимы друг от друга⁸³), то, естественно, методологические правила Лакатоша кажутся ему слишком "мягкими", лишь "красивыми словами", "вербальным орнаментом"⁸⁴.

Фейерабенд отмечает, что Лакатош взял свои методологические стандарты из истории науки, однако "ученые используют эти стандарты оппортунистически - они то придерживаются их, то не обращают на них никакого внимания ... Что остается, это - масса изменяющихся от случая к случаю правил, применяемых со здоровым оппортунизмом. Одним словом, что останется, это - все пойдет"⁸⁵. При этом, конечно, никто не "собирается начать войну относительно такого тривиального дела", что, в конечном свете, оказывается "единственным "рациональным" оружием, выработанным им (Лакатошем) против "хаоса": недопустимо "называть дегенерирующую исследовательскую программу

⁷⁹ F e y e r a b e n d , P. Against Method, pp.174 f.

⁸⁰ Ibid., p.5.

⁸¹ Л а к а т о ш И. История науки и ее рациональные реконструкции. - В кн.: Структура и развитие науки, с.204, прим. 2.

⁸² Там же, с. 228.

⁸³ F e y e r a b e n d , P. Against Method, pp.165-167.

⁸⁴ F e y e r a b e n d , P. Consolations for the Specialist pp. 215-229.

⁸⁵ F e y e r a b e n d , P. More Clothes from the Emperor's Bargain Basement.- The British Journal for the Philosophy of Science, 1981, Vol.32, No 1, p. 66, fn. I.

прогрессивной"⁸⁶. По этому поводу Фейерабенд, однако, иронизирует следующим образом: "А что толку от такой точки зрения (= от таких методологических правил или принципов научности - Р.В.), согласно которой вор (=ученый, нарушающий принципы научности - Р.В.) может воровать (= получить новые знания, нарушая принципы научности - Р.В.) сколько угодно, но быть признанным честным человеком (= ученым - Р.В.) как полицией (= методологами науки - Р.В.), так и обыкновенными людьми, если только он всем говорит, что он вор?"⁸⁷.

Существенная разница между позициями Лакатоша и Фейерабенда заключается в том, что первый защищает профессиональную идеологию современной науки, а второй противопоставляет ей идеологию эпистемологического анархизма. Лакатош, например, оправдывает "слабую публичную гласность" регрессирующей исследовательской программы, т.е. консервативность редакторов научных журналов или субсидирующих науку организаций, которые отказываются публиковать соответствующие статьи или финансировать исследования и т.п.⁸⁸ Фейерабенд же выступает против такой консервативности, так как она может тормозить развитие познания: он обращает внимание на то, что даже с точки зрения Лакатоша в регрессирующей программе может произойти "творческий сдвиг", в результате которого регрессирующая до сих пор исследовательская программа станет прогрессирующей. И Фейерабенд суммирует: "... поскольку методология исследовательских программ является "рациональной", постольку она не отличается от анархизма, поскольку же она отличается от анархизма, постольку она не является "рациональной"⁸⁹.

Концепцию Куна (а также, наверно, и концепцию Тулмина) Фейерабенд тоже не признает по идеологическим соображениям. Но, тем не менее, он во многом согласен с Куном, прежде всего с постановкой проблемы несоизмеримости парадигм⁹⁰. В этой связи он пишет, что Кун, а также Лэнсон и он сам "от-

⁸⁶ Fe y e r a b e n d , P. Nore Clothes from the Emperor's Bargain Basement.- The British Journal for the Philosophy of Science, 1981, Vol.32, No 1, p.66, fn. 1.

⁸⁷ Fe y e r a b e n d , P. Marxist Fairytales...,p.392,fn. 20.

⁸⁸ Л а к а т о с И. История науки и ее рациональные реконструкции, с. 228-229.

⁸⁹ Fe y e r a b e n d , P. Against Method,p.198.

⁹⁰ Fe y e r a b e n d , P. Consolations for the Specialist, p.219.

крылья" и попытались показать..., что научное рассуждение, которое содержит детальные и весьма утонченные дискуссии относительно сравнительных преимуществ парадигм, подчиняется законам и стандартам, которые очень мало касаются наивных моделей, предназначенных философами науки для этой цели"⁹¹. Тезис о несоизмеримости теорий (парадигм), разъясняет Фейерабенд, не следует отождествлять с несравнимостью их: несоизмеримые теории несравнимы лишь по их, якобы нейтральному в отношении к теории, эмпирическому содержанию или степени правдоподобности, но сравнимы во многих других отношениях. "Используя термин "несоизмеримый", я всегда имел в виду дедуктивную несвязность и ничего больше", — подчеркивает он"⁹². При этом он все же довольно резко отличает свои взгляды от куновских, поскольку Кун не является эпистемологическим анархистом, потому что он отнюдь не отрицает, как думают некоторые его критики, что в научном исследовании существуют некоторые методологические нормы, Кун только видит такие нормы не там, где их видели традиционные методологи"⁹³.

Очень интересной и революционной называет Фейерабенд мысль Куна о том, что "физика является исторической традицией и поэтому нуждается столь же много в *Verstehen*, как и собственно история"⁹⁴. Настоящим открытием Куна считает он также выделение им "нормальной науки"⁹⁵. Но тут же Фейерабенд отмечает (впрочем, как и Поппер), что описанная Куном "нормальная наука" является нежелательным, консервативным, антигуманистическим феноменом в науке и Кун ошибается, когда считает "нормальную науку" определенным и необходимым периодом в развитии науки, предшествующим революционному периоду. Вместо этих двух периодов можно говорить о нормальном и философском компонентах в науке, которые в действительности сосуществуют и постоянно взаимодействуют между собой"⁹⁶.

⁹¹ Feysabend, P. More Clothes..., p.63.

⁹² Feysabend, P. Changing Patterns of Reconstruction.- The British Journal for the Philosophy of Science, 1977, Vol.28, No 4, p.365.

⁹³ Feysabend, P. Consolations for the Specialist, p.218.

⁹⁴ Feysabend, P. More Clothes..., pp.62-63.

⁹⁵ Feysabend, P. Consolations for the Specialist, p.212.

⁹⁶ Ibid.

С точки зрения Фейерабенда, основой теоретических взглядов Куна является определенная идеология. "Эта идеология, как мне кажется, — пишет Фейерабэнд, — может только одобрить самую ограниченную и самую самонадеянную специализацию. Она непременно ведет к задерживанию продвижения познания. Она также связана с увеличением антигуманистических тенденций, что является весьма тревожной особенностью после-ньютоновской науки"⁹⁷. Фейерабэнд обращает внимание на двусмысленность концепции Куна: с одной стороны, она как будто является просто описанием того, как наука реально развивается, с другой же стороны, содержит методологические предписания о том, что следовало бы сделать, чтобы определенное исследование стало научным. Он (Фейерабэнд) считает, что такая двусмысленность является у Куна намеренной и используется им в идеологических целях — для обеспечения более широкого признания своей сциентистской идеологии. Во-первых, он хочет, чтобы его ценностная концепция выглядела объективной, обоснованной фактами реальной истории науки. Во-вторых, тем, кто вообще отвергает ценностные положения, как в принципе отличающиеся от дескриптивных, он всегда может сказать, что его концепция является чисто описательной⁹⁸.

Сам Кун подчеркивает, что его заметки о развитии науки, конечно, следует понимать и как описание и как предписание: "Если у меня есть теория о том, как и почему наука действует, то она обязательно должна иметь значение для определения способа, как следует ученым работать, чтобы их предприятие преуспевало"⁹⁹. Он, однако, возражает Фейерабенду, разъясняя, что из его аргументации никак нельзя вычитать какую-либо оценку самой науке: "Объяснять, как определенное предприятие действует, не значит одобрять или опровергать его"¹⁰⁰.

Мы уже обратили внимание на то обстоятельство, что Кун, в некотором смысле также Тулмин, претендуют прежде всего на конкретно-научный анализ истории науки и эксплицитно не имеют в виду каких-либо идеологических намерений. Однако ана-

⁹⁷ F e y e r a b e n d, P. Consolations for the Specialist, pp. 197-198.

⁹⁸ Ibid., pp. 198- 199.

⁹⁹ K u h n, T. Reflections on my Critics.— In: Criticism and the Growth of Knowledge, p. 237.

¹⁰⁰ Ibid.

лиз проблематики философии науки с точки зрения методологии историографии науки и прежде всего в свете проблемы "Возможна ли теоретическая историография науки естественнонаучного типа?" выходит за пределы настоящей статьи¹⁰¹.

ж ж
ж

Итак, мы надеемся, что в статье удалось показать то, что обещали. Такие методологи науки, как Поппер и Лакатош, выражающие свои идеологические намерения весьма эксплицитно, выступают в качестве представителей определенной профессиональной идеологии — идеологии ученых — в духе классических буржуазных мыслителей, идеологичность которых была раскрыта Марксом и Энгельсом. В концепциях Куна и Тулмина профессиональная идеология ученых содержится имплицитно. Критика Фейерабендом буржуазной методологии науки — раскрытие ее узкой идеологичности, недостаточной философской обоснованности и т.п. — является во многом справедливой, но эта критика и сама идеологична и поэтому остается абстрактной. Позицию эпистемологического анархизма нельзя, конечно, считать удовлетворительной альтернативой критикуемых Фейерабендом концепций философии науки. Что касается нападков на марксизм, то они были связаны у всех рассмотренных авторов просто с неадекватным знанием марксистской теории (или нежеланием углубиться в нее).

Поступила в редакцию 3 ноября 1981 г.

---

¹⁰¹ Некоторые аспекты этой проблематики уже рассмотрены автором в других работах. См.: В и х а л е м м Р.А. О проблеме научной теории в историческом познании. — В сб.: Тезисы докладов межвузовской научной конференции "Современные проблемы философии истории". Тарту-Кяэрику, 16-18 апреля 1979. Тарту, 1979; е г о ж е. О проблеме теоретизации истории науки. — В сб.: Вопросы истории науки и техники Прибалтики. Тезисы докладов XII Прибалтийской конференции по истории науки и техники. Вильнюс, 1979; е г о ж е. О проблеме внутренней и внешней истории науки (анализ взглядов И.Лакатоша и Т.Куна). — Уч. зап./Тартуск. гос. ун-т, вып. 531. Тарту, 1981.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ПРИЧИН РЕВОЛЮЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

И.В. Розенфельд

Проблема революции не принадлежит к тем теоретическим вопросам, обращение к которым необходимо специально обосновывать. Значение этой проблемы показывает сама история, требующая объяснения не только социальных сдвигов прошлого, но и исторических катаклизмов настоящего.

Определенный вклад в попытки объяснения революции вносит быстрорастущая отрасль американской социологии — социология революции. Работы ее основателей (Адамса, Эллууда, Сорокина, Эдвардса, Питти и Бринтона)¹ появились в первые десятилетия XX века. 1960-ые годы, когда были опубликованы труды Дэвиса, Арендт, Джонсона, Гарра, Мейзеля, Хантингтона и др.², стали временем ее расцвета, а с середины 1970-х годов выдвинулось уже третье поколение социологов революции³.

Усиление интереса к проблеме революции в буржуазной социологии в 1920-1930 и 1960-1970 гг., несомненно, было вызвано историческими событиями глобального значения. Октябрьская революция и строительство социализма в России, крах ко-

¹ Adams, B. The Theory of Social Revolutions. N.Y. 1913; Ellwood, C. H. A psychological Theory of Revolution. — American Journal of Sociology, v. II (1905), N. I; Sorokin, P. The Sociology of Revolution. Philadelphia-London, 1925. Edwards, L. The Natural History of Revolution. Chicago-London, 1970 (first publ. 1927); Pettee, G. Process of Revolution. N.Y., 1938; Brinton, C. The Anatomy of Revolution. N.Y., 1938.

² Davies, J. Toward a Theory of Revolution. — Amer. Sociol. Review, v. 27 (febr. 1962); Arndt, H. On Revolution. N.Y. 1963; Johnson, C. H. Revolution and the Social System. Stanford, 1964; Gurr, T. Why Men Rebel. New Jersey, 1970; Meisel, J. Counterrevolution. N.Y., 1966; Huntington, S. Political order in Changing Societies. N.Y.-Lond., 1969.

³ Goldstone, J. Theories of Revolution. The Third Generation. — World Politics; 32:3, Princeton, 1980. См. также обзоры: Аюа, R. Theories of Revolution Reconsidered. — Theory and Society, 5:1, 1979; Чохан, A. Theories of Revolution. An introduction. Lancaster, 1975; Фреман, M. Theories of Revolution. — British Journ. of Political Science, 2:3 (July) 1972; Крамник, J. Reflections on Revolution. — History and Theory, XI:1, 1972; Загорин, P. Theories of Revolution in Contemporary Historiography. — Political Science Quarterly, 88:1, 1973.

лониальной системы в результате национально-освободительной борьбы, обострение противоречий в развитых капиталистических странах заставили западных социологов обратиться к теме революции.

Как по объему — более ста монографий и не менее двухсот статей, — так и по своему влиянию на смежные конкретно-исторические и политологические разработки социология революции сегодня составляет весомую часть американских социальных исследований.

В советской литературе американская социология революции стала предметом специального критического анализа в работах Ю.А. Красина, М.Л. Тузова, М.Л. Гавлина и Л.А. Казаковой, Т.Е. Ярхо, Б.И. Коваля⁴; кроме того, в той или иной мере о ней идет речь в исследованиях, посвященных теории социальной революции (Р.Н. Блум, С.Э. Крапивенский, Ю.А. Манин, М.А. Селезнев)⁵.

К сожалению, до сих пор нет работ, в которых бы детально рассматривались методологические основания социологии революции. В настоящей статье сделана попытка в какой-то степени восполнить этот пробел и на примере ключевой методологической проблемы — проблемы причинности — выявить социально-философские принципы, на которых строится американская социология революции.

При анализе проблемы причинности мы опирались на работы М. Бунге, М.Л. Парнюка, В.Г. Иванова, В.Я.Пермянова, Я.Ф.Аскина, Г.А. Свечникова, Ю.В. Петрова, Л.А. Журавлева, А.Д. Сирина и др.⁶

---

⁴ К р а с и н Ю.А. Социология революции против революции. М., 1969; его же. Революцией устрешенные. М., 1975; Т у з о в М.Л. Проблема типологии социальной революции в современной американской социологии. Автореф. дис. канд. — М., 1978; Г а в л и н М.Л., К а з а к о в а Л.А. Современные буржуазные теории социальной революции. М., 1980; Я р х о Т.Е. Несостоятельность антимарксистской "социологии революции". — Вестник МГУ, Теория научного коммунизма, 1981, № 5; К о в а л ь Б.И. Революционная практика против буржуазной теории революции. — Социологические исследования, 1981, № 4.

⁵ В л и м, R.Sotsiaalse revolutsiooni teooria. Tallinn, 1969; К р а п и в е н с к и й С.Э. К анализу категории "социальная революция". Волгоград, 1975; М а н и н Ю.А. Социальная революция. Минск, 1972; С е л е з н е в М.А. Социальная революция. М., 1971.

⁶ Б у н г е М. Причинность. М., 1962. П а р н ю к М.Л. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972; И в а н о в В.Г. Причинность и детерминизм. Л., 1974; П е р м и н о в В.Я. Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979; А с к и н Я.Ф. Фи-

1. Критика социологами революции и принципа причинности

Теории причин революции (этиология революции) в современной американской социологии на первый взгляд представляют картину чрезвычайно пеструю, разноплановую и с трудом поддающуюся анализу. Помимо подчас экзотической терминологии, для них характерен весьма разнообразный набор оценок, мнений, подходов — от идеологического и психологического до политического и экономического. Такое разнообразие обосновывается и методологически: критикуя "односторонние" концепции, социология революции утверждает необходимость синтеза различных точек зрения⁷. Однако действительно ли новая терминология придает анализу причинности новое содержание, действительно ли стремление к синтезу ставит анализируемые объяснения революции над какими бы то ни было идеологическими тенденциями и означает отсутствие в них каких-либо определенных методологических установок? Постараемся ответить на эти вопросы.

а) Описывать, но не объяснять. Повторяемость вместо причинной связи

В считающейся среди социологов революции классической работе К. Бринтона "Анатомия революции" отсутствует само понятие "причина". Бринтон специально оговаривает, что он описывает не причины революции, но лишь ее симптомы (signs), поскольку полагает "в высшей степени бессмысленным" спорить, например, о том, "явилась ли революционная идеология причиной революционных действий или некоторой декорацией, за которой революция скрывала свои мотивы"⁸. То, что идеология просветителей сыграла существенную роль во Французской революции, по Бринтону, "не значит, что идеи обусловили (cause) революцию, но значит только, что они составляют часть тех

лософский детерминизм и научное познание. М., 1979. С в е ч н и к о в Г.А. Диалектико-материалистическая концепция причинности. — В сб.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973; Петров Ю.В. Причинность в исторической науке. Томск, 1972. Журовлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; Сирин А.Д. Специфика законов общества. Томск, 1979.

⁷ Stone, L. Social Change and Revolution in England 1540-1640. Lond., 1965, p. XXV and oth.

⁸ Brinton, C. The Anatomy of Revolution. N.Y., 1938, p. 38, 63.

изменяющихся переменных, которые мы изучаем"⁹.

Нежелание называть объяснения революции причинными свойственно не только Бринтону, но весьма широкому кругу авторов от М. Леви и Х. Экштейна до В. Вартхайма и А. Кохэна. Так, например, М. Леви пишет: "Я не считаю определяющие элементы обуславливающими другие элементы", "используемые аргументы не рассматриваются как аргументы причинные"¹⁰. "Переменные", "корреляции", "симптомы" — наиболее частые заменители понятия причины в современных американских теориях революции.

Отрицательное отношение к понятию причины объясняют А. Кохэн и В. Вартхайм. По словам Кохэна, "ввиду сомнительности выделения причинной связи" понятие причины "должно быть использовано с большой осторожностью"¹¹. Указывая на "значительную дистанцию между научным и причинным анализом", А. Кохэн полагает, что "невозможно установить причинные связи в социальных науках"¹². В. Вартхайм говорит о детерминизме как "отжившем" и считает, что "анализ цепи событий в терминах причинности не выявляет ни каких-либо сил, действующих в природе, ни какой-либо мистической связи между двумя явлениями"¹³. Иными словами, основу теории описания составляет отказ от признания реальности причинной связи.

Между тем резкое отрицание причинной зависимости не вполне типично для рассматриваемых объяснений революции; значительно более распространено сомнение в ее существовании, опирающееся на концепцию Д. Юма.

Так, на теории Юма основывает свою позицию автор одной из первых специальных работ о причинах революции Л. Готтшалк: "Все наши рассуждения, касающиеся причин и следствий, производны не из чего другого, как из привычки"¹⁴. Концепцию повторяемости Юма для подтверждения невозможности доказать реальность причинных отношений используют также М. Хэгопиан,

⁹ B r i n t o n, C. The Anatomy of Revolution N.Y., 1938, p. 63.

¹⁰ L e v y, M. Modernization and Structure of Societies. Princeton, 1966, v. I, p. II, 63.

¹¹ C o h e n, A. Theories of Revolution Lancaster, 1975, p. 42.

¹² Ibid, p.42.

¹³ W e r t h e i m, W. Evolution and Revolution, London, 1974, p. 356.

¹⁴ G o t t s h a I k, L. Causes of Revolution.— Amer. Journ. of Sociology, L:I, July, 1944, p.2.

Д. Файрчайлд и др.¹⁵

Таким образом, критика принципа причинности, сомнение в реальности существования причинной связи, замена причинного объяснения описанием симптомов, корреляций, переменных составляет вполне определенную тенденцию современной американской социологии революции.

Что представляет собой указанная тенденция? Методологически она опирается на отказ считать описываемые понятием причинности отношения существующими в реальности, или, во всяком случае, сомнение в таком существовании, т.е. позицию индетерминизма. Непосредственный источник этой позиции известен — это современный англо-американский эмпиризм и позитивизм. С критикой принципа причинности выступает один из виднейших представителей позитивизма в теории науки К. Поппер, который, по его словам, "не признает и не отрицает принцип причинности", но старается "просто исключить его как метафизический из сферы науки"¹⁶.

Относительно источников тенденции замены причинного объяснения описанием симптомов, корреляций и переменных прямо высказывается тот же Поппер, отмечая, что восходящий еще к Беркли принцип "описывать, но не объяснять" составляет "одну из главных характеристик позитивизма"¹⁷.

Что касается общеполитического содержания индетерминизма, то оно не кажется столь уж туманным. Отрицание реальности описываемой понятием причинности связи между явлениями есть выведение этой связи из сознания, т.е. "идеализм". "Признание объективной закономерности природы ... есть материализм ... субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности и Юма и Канта)"¹⁸

¹⁵ Nagorjap, M. The Phenomenon of Revolution. N.J., 1975, p. 123. Fairchild, D. Revolution and cause.— The New Scholasticism, 50:3, p. 279, 289.

¹⁶ Popper, K. The Logic of Scientific Discovery, London, 1959, p. 61. О соответствующих индетерминистских концепциях причинности подробнее см. Драу, W. Laws and explanation in History, Oxford, 1957, также Порк А. Историческое объяснение. Таллин, 1981; Лонне Э. Современная философия истории. Таллин, 1980.

¹⁷ Popper, K. The Open Society and its Enemies. v.2, Lond., 1973, p. 363.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 159.

Как следует понимать причинные отношения с точки зрения позиции детерминизма? В имеющейся литературе используется, как кажется, два значения понятия "причина". Согласно первому, под причиной понимается всякий фактор, участвующий в создании следствия, в связи с чем причина данного явления трактуется как "совокупность необходимых и достаточных условий"¹⁹. Согласно второму, под причиной понимается не всякий фактор, участвующий в создании следствия, но лишь такой, который оказывает на следствие определяющее, активное воздействие, является порождающим источником данного явления в отличие от подчиненных и пассивных причин - "условий"²⁰.

В то время как первое, расширительное значение понятия "причина" имеет тот положительный смысл, что учитывает роль в создании следствия всех, даже незначительных факторов (например, исторических поводов), второе, более узкое, указывает на специфический - порождающий, активный признак явления причинности, выделяет собственно причину из всей совокупности условий. Порождающий аспект является, по-видимому, центральным в понятии причинности: причинное отношение есть разновидность отношений детерминизма, представляющее главным образом отношение порождения²¹. Различные варианты индетерминизма - от радикальных до смягченных - сводятся в основном к попыткам обойти этот центральный признак причинной связи, заменить ссылки на факт порождения более расплывчатыми обозначениями - "начальные условия", "переменные" и т.п.

Однако отрицание каузальной зависимости, замена причинного объяснения описанием симптомов, корреляций, переменных приводит современных американских социологов революции к ряду трудностей. Если связь между историческими явлениями есть

¹⁹ Петров Ю.В. Причинность в исторической науке. Томск, 1972, с. 135. Данная точка зрения восходит, по-видимому, к Д.-С. Миллю. - Система логики. М., 1889, с. 265.

²⁰ Тугаринов В.П. "Причина есть такое условие, которое производит явление". - Законы объективного мира. Л., 1954, с. 68. Парнюк М.А. "Если причина является основным, деятельным фактором, то условия относительно пассивны". - Принципы детерминизма..., с. 205. См. также: Кудиков Л.А. Понятие детерминизма в марксистско-ленинской философии. М., 1973, с. 17. Свечников Г.А. Дialeктико-материалистическая концепция причинности, с. 131 и др. Предшественником этой позиции, вероятно, может считаться Г.-В. Лейбниц: "Причина есть то, что заставляет другую вещь начать существовать". - Лейбниц Г.-В. Новые опыты о человеческом разуме. М.-Л., 1936, с. 207.

²¹ Примером непрчинного обусловливания может быть отношение подчинения.

лишь субъективная повторяемость, как это вслед за Юмом полагают рассматриваемые авторы, то чем вызвана сама эта повторяемость, например, повторяемость революций? Если причин, вызывающих революцию, по существу нет, то чем объяснить, что революции все-таки происходят? Сомнение в наличии социальной причинности парадоксально, поскольку означает сомнение в самом существовании описываемого феномена; в этом случае остается неясным, зачем изучать объект, которого не существует?

Научная ограниченность замены объяснения описанием была показана еще Г.-Ф. Гегелем: сводя причины явлений к "внешнему основанию", "формализму" простое описание "остаётся лишь на поверхности явлений"²². Теоретическую слабость "метода корреляций" признает и ряд американских исследователей. "Простая корреляция, — пишет автор обширной монографии, посвященной социальной причинности, Р. Макивер, — не обязательно правильно направляет наше исследование. Где налицо причинная связь, там присутствует и корреляция, но где налицо корреляция, может и не быть соответствующей причинной связи"²³.

Вопреки своим ссылкам на Юма, недостаточность метода медицинских аналогий вынужден признать М. Хэгопиан: "Обнаружение симптомов полезно как предвзрительное указание на приближение революции, но не как необходимое объяснение, почему революции происходят... Те, кого интересуют причины революции, должен сделать шаг дальше и проникнуть от поверхности к действительно определяющим силам"²⁴.

Так выясняется действительное место "описания симптомов": его значение состоит не в объяснении революции, но в пропедевтике к такому объяснению. Выяснение симптомов революции у Бринтона (финансово-экономические трудности, слабость политической системы старого режима, отход интеллектуалов) кажется необязательным до тех пор, пока не объяснена взаимосвязь указанных симптомов и не указаны причины, вызывающие данные симптомы к жизни. Корреляции, типа предложенных Гарром (например, связь между уровнем депривации и раз-

²² Гегель Г.-Ф. Энциклопедия философских наук. Т. I, М., 1975, с. 284.

²³ М е J v e r, R. Social Causation, Boston, 1942, p. 92.

²⁴ H a g o p i a n, M. The Phenomenon of Revolution, p. 135.

махом революционного насилия)²⁵, оставляют неясным как само происхождение депривации, так и причины именно революционного ее устранения. Установление корреляции между двумя факторами (например, депривацией и насилием) еще не доказывает, что данный фактор – глубинный и представляет действительный источник описываемого события (революции). Оба метода – и поиск симптомов, и определение корреляций (переменных) – суть только предварительные этапы научного объяснения революции, которое прежде всего должно состоять в указании на ее глубинные причины.

б) Уникализм

Прямое отрицание принципа причинности вступает в противоречие с потребностями конкретного научного объяснения; большинство американских социологов так или иначе признает существование причинной связи, хотя и в специфической форме. Примером одной из характерных трактовок причинности – понимания ее как частной, уникальной, не подлежащей обобщению – может служить мнение С. Эйзенштадта: "Возникновение современных революций в Европе с XVII века следует рассматривать как уникальное (unique) развитие или мутацию"²⁶.

В русле данной тенденции "уникализма" лежит теория Р.Маккивера, который видит в единичном событии главную причину социальных изменений. Согласно Маккиверу исторические сдвиги вызывает некоторый частный "прецепитант", который "вводится извне или возникает изнутри, вызывая серию изменений, колебаний или реакций, существенно меняющих общую ситуацию". Например, убийство в Сараево, говорит Маккивер, "явилось прецепитантом первой мировой войны. Кто мог бы с уверенностью сказать, что такая война началась бы раньше или позже, если бы данного события не произошло?"²⁷.

Достаточно широкий вариант уникализма представляет отрицание сходства между причинами различных революций. По мнению В. Вартхайма, какого-либо единства в отдельных революционных ситуациях "вряд ли следует ожидать", поскольку "нет единой обобщающей модели, как революционная ситуация возни-

²⁵ G u r r, T. Why Men Rebel, New Jersey, 1970, p.33-37.

²⁶ E i s e n s t a d t, S. Revolution and the Transformation of Societies. N.Y., 1978, p. 334.

²⁷ M c J v e r, R. Social Causation, p.163,171,ср.М.Нагопian, ibid, p. 123.

кает"²⁸. Соглашаясь с тезисом об уникальности каждой революции, П. Загорин полагает, что теории причин революции "должны разрабатываться для каждого типа отдельно"²⁹. Определенно уникалистский смысл имеет отказ ряда авторов признать обобщение и законы отражающими какие-либо реальные отношения. Утверждение А. Кохэна, что законы "не могут быть продемонстрированы эмпирически"³⁰, поддерживается М. Хэгопианом: "никто не видел закона природы", так же как "неясно, нужны ли законы для чего-либо, помимо придания правдоподобности мнению историков и социологов"³¹. Кохэн, Хэгопиан, Гарр, Тилли предпочитают говорить о моделях, функциональных отношениях, но никоим образом не о "метафизических" законах.

На философский источник уникализма указал известный теоретик позитивизма фон Райт. Одной из главных черт позитивистского способа объяснения он назвал "предпочтение индивидуальных случаев над принимаемыми гипотетически общими законами природы"³². Точно так же, согласно К. Попперу, "не существует ни законов следования (succession), ни законов эволюции"³³. Эти идеи не новы, поскольку, как известно, уникалистская критика обобщения в истории была детально разработана еще неокантианством. Если трактовка причинности как повторяемости и начальных условий обходит объективный и порождающий признаки каузальной зависимости, то уникалистское отрицание той или иной формы причинного обобщения представляет индетерминистскую критику обобщающей стороны причинности.

Ошибочность уникалистских концепций типа маккиверовской состоит в смешении в историческом объяснении понятий причины и повода. Преподователь Маккивера не может считаться причиной описываемого социального явления (войны, революции), поскольку не указывает на его внутренний источник. Повод приурочивает событие к данному историческому моменту, но не порождает событие; выведение возникновения первой мировой вой-

²⁸ W e r t h e i m, W. Evolution and Revolution, p.181, 2II.

²⁹ Z a g o r i n, P. Theories of Revolution, p.52.

³⁰ C o h a n, A. Theories of Revolution, p.43.

³¹ H a g o p i a n, M. Op.cit. p. 123.

³² v o n W r i g h t, G. Explanation and Understanding, London, 1971, p.4.

³³ P o p p e r, K. The Poverty of Historicism. Boston, 1957, p. 27.

ны из убийства Франца-Фердинанда противоречит историческим фактам о глубинных политико-экономических конфликтах стран, вступивших в войну. Поводы как ускоряющие, "развязывающие" факторы (accelerators, praecipitants) в настоящее время обоснованно отличаются от собственно причин (causes, preconditions) революции как ближайших (immediate), так и долгосрочных (long-term)³⁴. По словам Г.-Ф.Гегеля, поводы следует рассматривать лишь как "внешнее возбуждение, в котором внутренний дух события мог бы и не нуждаться или вместо которого он мог бы воспользоваться бесчисленным множеством других поводов, чтобы обнаружить себя"³⁵.

Уникализм второго типа, отрицающий возможность обобщения причин революции в единую модель (Вартхайм, Загорин), противоречит самим принципам построения теории. Обозначение ряда социальных ситуаций общим термином уже указывает на их существенное сходство. Предложение Загорина строить для каждой революции свою теорию ведет к абсурду, поскольку в этом случае таковую следует строить отдельно для каждого периода, а то и каждого дня революции. Позитивное стремление уникализма описать каждую революционную ситуацию во всех ее особенностях само невозможно без обобщения: отличия каждой революции могут быть выяснены только путем выделения свойственных всем революциям общих черт. Отрицающий обобщение эмпиризм, как отмечает М. Фримен, "неспособен объяснить качественное различие между революциями и решить вопросы этиологии революции"³⁶.

Самому принципу научного объяснения противоречит и уникалистское отрицание закономерности. Согласно современной теории науки (например, концепции "охватывающего закона" К. Гемпеля), научное объяснение, чтобы быть таковым, помимо указания на причину описываемого явления, должна непременно уя-

³⁴ G o t t s h a l k, L. Causes of Revolution, p. I, Eckstein H. On etiology of Internal Wars, p.140. Stone L. Theories of Revolution, p.164, Johnson Ch. Revolution and the Social System, p.12. Nagorian, M. op. cit., p.135. Об отличии причины от повода см. также: П е т р о в Ю.В., цит.соч., с.137-138.

³⁵ Г е г е л ь Г.-Ф. Наука логики. Т.2, М., 1971, с.213.

³⁶ F r e e m a n, M. Burke and the Theory of Revolution. - Political Theory, 6:3, Aug., 1978, p. 291.

зять данную причину с некоторым законом. "Причинное объяснение, - доказывает Гемпель, - необходимо требует наличия общих законов"³⁷. По сути дела, именно в форме законов формулируются глубинные причины данного явления; отрицание законов практически означает отказ от поиска этих фундаментальных причин. По словам П. Гардинера, "сила слова "потому что" происходит от рассмотрения отдельного случая как удовлетворяющего требования общего закона"³⁸. Можно спорить о том, каковы непосредственные причины революции, однако очевидно, что невозможно объяснить данные факторы сами из себя, не используя сформулированных в законах общих причин.

Детерминанты революции, выдвигаемые современными американскими авторами в качестве глубинных (связь революции и урбанизации у Ч.Тилли, революции и экономического роста у М. Олсона и пр.) кажутся достаточно поверхностными. Обнаруженная К. Марксом связь революции с фундаментальными социально-экономическими противоречиями - конфликтом внутри способа производства - раскрывает действительно глубинные причины революционного процесса.

Если закон есть "отношение сущностей и между сущностями"³⁹, то смысл объяснения революции у Маркса состоял в обнаружении за конкретно-исторической революцией - главным образом надстроечного катаклизма - трансформации глубинных базисных структур, революции способа производства, "социальной революции". Ближайшая причина межформационной революции, а вместе с тем и глубинная, порождающая причина конкретно-исторической революции, по Марксу, - конфликт производительных сил и производственных отношений. Однако, поскольку смена общественно-экономических формаций не обязательно проявляется в непосредственно революционной форме, данный конфликт является необходимой, но не достаточной причиной конкретно-исторической революции⁴⁰. Революционное разрешение конфликта способа производства становится возможным только благодаря определенным условиям - общенациональному кризису, революционной ситуации, вызванной резкими экономическими осложнениями, войной и т.д.

---

³⁷ Hempel, K. Aspects of Scientific Explanation. N.Y. 1965, p. 349.

³⁸ Gardiner, P. The Nature of Historical Explanation. Oxford, 1952, p. 2.

³⁹ Ленин В.И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т. 29, с. 138.

⁴⁰ Влум, R. Sotsiaalse revolutsiooni teooria. Tallinn, 1969, lk. 75.

Особенность механизма причин революции состоит в чрезвычайной разветвленности причинного дерева событий. С одной стороны, главную линию ("ствол") порождения революции составляет вертикальная связь "движущие силы" - "конфликт способа производства". С другой стороны, каждая причина на своем уровне горизонтально, параллельно связана с целым рядом дополнительных условий. Лишь комплекс всех причин и условий дает ту необходимую сумму, которая влечет за собой действие. Революция происходит тогда, когда при наличии конфликта производительных сил и производственных отношений действие данных движущих сил вследствие наличных условий превышает возможности сопротивления старой надстройки.

в) Поссибилизм

На следующую черту причинных объяснений в социологии революции указывает Л. Готтшальк: "Нельзя утверждать, что набор условий, вызвавших Французскую революцию, с необходимостью ведет к революции. Можно лишь утверждать, что данные условия могут опять привести к такой революции в будущем"⁴¹.

Характерная особенность этого высказывания - отрицание необходимой связи причины и следствия в анализе революции - свойственна значительному числу американских авторов. Мнение, что связь причины и следствия "не обязательно должна быть необходимой"⁴², поддерживают Д. Фаирчайлд, М. Леви, В. Вартхайм, Т. Гарр и др.

Необходимость связи причины и следствия отождествляется с фатализмом. Приводя для примера концепцию Лапласа, В. Вартхайм говорит о неспособности детерминизма "объяснить человеческие действия при помощи надличностных механических сил". Как фаталистическое трактуется и понятие исторической необходимости, в том числе марксистское. Представление Маркса о необходимом действии исторических законов объявляется "квази-теологическим", а сам Маркс - "человеком XIX века"⁴³.

"Фаталистическому" детерминизму противопоставляется поссибилизм. По словам М. Леви, если "крайности детерминизма"

⁴¹ G o t t s h a l k, L. Causes of Revolution, p. 3.

⁴² F a i r c h i l d, D. Revolution and cause, p. 289.

⁴³ W e r t h e i m, W., op.cit., 285. N i s b e t, R. Social Change and History. N.Y., 1969, p. 181, C o h a n, A. Theories of Revolution, p. 72.

избежнуть, "остаётся теоретическая возможность (possibility)"⁴⁴. В. Вартхайм "для избежания крайностей как детерминизма, так и волюнтаризма" выдвигает "пробабиллизм". Аналогично Т. Гэртнер подчеркивает, что его теории "вероятностные, но не детерминистские"⁴⁵. Теорию POSSIBILITY резюмирует часто цитируемое высказывание Л. Стоуна: "Революция никогда не неизбежна, во всяком случае единственным свидетельством ее неизбежности является ее действительное начало"⁴⁶.

Непосредственным источником POSSIBILITY и пробабиллизма является современный эмпиризм. По словам известного теоретика науки Э. Нагеля, вопреки рационалистической концепции Аристотеля-Декарта "современный эмпиризм утверждает, что вероятностное (probable) знание есть единственная форма знания, которую мы можем найти и обнаружить"⁴⁷.

Общезнаменитое содержание позиции POSSIBILITY (пробабиллизма) аналогично, по-видимому, критике принципа причинности и уникализму: если критика принципа причинности отрицает объективность причинной связи, а уникализм — обобщающую ее сторону, то POSSIBILITY игнорирует аспект каузальной необходимости. Индетерминистский оттенок POSSIBILITY делает еще более очевидным его сходство с анализировавшимися еще В.И. Лениным тенденциями эмпириокритицизма. Отказ от признания необходимой связи причины и следствия у Пирсона ("необходимость принадлежит миру понятий") находит альтернативу у Авенариуса: "Необходимость остаётся как степень вероятности ожидания последствий"⁴⁸. Эмпириокритики сформулировали принцип пробабиллизма еще за полвека до Э. Нагеля, М. Леви и В. Вартхайма.

Между тем POSSIBILITY-ская точка зрения, что связь причины и следствия не необходима, является ложной. Причинная необходимость есть необходимость появления следствия при наличии причины: признание факта причинной связи двух явлений

⁴⁴ Levy, M., op. cit., v. I., p. II.

⁴⁵ Wertheim, W. Ibid., p. 246, Gurr, T., op. cit., p. 318, 343.

⁴⁶ Stone, L. Theories of Revolution, p. 166.

⁴⁷ Nagel, E. Principles of the Theory of Probability. Chicago, 1939, p. 4.

⁴⁸ Цит. по: Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, с. 163-166.

безусловно предполагает признание необходимости появления второго при наличии первого. Если данная связь не имеет необходимости, то причина теряет свой смысл как причина, оставаясь явлением, никак не влияющим на следствие. Замена понятия необходимости "возможностью" и "вероятностью" меняет термины, но не существо дела: в этом случае появление следствия при наличии данной причины придется описывать как "максимально возможное" и "наиболее вероятное". Постибилизм и протестибилизм абсолютизируют тот постоянный довесок случайности, который наука стремится свести до минимума.

Необходимость связи причины и следствия составляют основу научного предсказания. Обнаружение известных причин дает возможность предвидеть появление необходимого следствия. Чем менее необходимой считают постибилизм и протестибилизм причинную зависимость, тем меньше содержания имеет предсказание, основанное на ней. Факты подтверждают слова Энгельса: "Наука прекращается там, где теряет силу необходимая связь"⁴⁹.

При этом подразумевается, что утверждение необходимой связи причины и следствия не может считаться абсолютным; пока событие не произошло, всегда остается доля вероятности, что ему что-то может помешать. отождествление детерминизма с фатализмом строится на подмене тезиса: основанный на диалектике детерминизм утверждает причинную необходимость не абсолютной, но при выполнении всех входящих условий тяготеющей к максимальной. Маркс говорил о детерминистской необходимости как "относительной", которая "может быть выведена только из реальной возможности", т.е. что "существует круг условий, причин, оснований и т.д., которыми опосредуется эта необходимость"⁵⁰.

Степень необходимости наступления революции прямо зависит от полноты комплекса входящих причин и условий, нарастая

⁴⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. - Соч., т. 20, с. 533.

⁵⁰ Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. - Соч., т. 40, с. 166. В марксистской литературе вопрос о соотношении возможности (вероятности) и действительности разрабатывался достаточно подробно как в общепhilософском плане (напр., В.И. Кулицов. Детерминизм и вероятность. М., 1976; Ю.В. Сачков. Введение в вероятностный мир. М., 1971), так и применительно к теории революции. В.Ф. Романов в качестве опосредующего осуществление революции звена выдвигает революционную ситуацию, которая "означает переход революции из абстрактной в реальную возможность". - Романов В.Ф. Ленинское учение об основном законе революции. Челябинск. 1974, с. 41. Ср. Якушевский И.Т. Революция и современность. Л., 1977, с. 123-124 и др.

по мере продвижения от долговременных к поверхностным факторам. Наличие глубинных объективных причин (конфликт способа производства) создает достаточно открытую возможность революции; необходимые предпосылки — общенациональный кризис, революционная ситуация и зрелость "субъективного фактора" (движущих сил с их идеологией и политической организацией) — значительно приближают эту возможность к действительности. Прибавление к данным причинам непосредственных условий и акселераторов (ошибки существующей элиты и пр.) делает наступление революции максимально возможным и, вопреки Л. Стоуну, практически неизбежным.

2. Взаимодействие против монизма

Если общая критика принципа причинности объединяет анализируемые теории с индетерминистскими концепциями в естествознании (например, эмпириокритицизмом в физике), то на специфический для социологии революции подход к историческим причинам указывает известный теоретик социального изменения В. Мур. По его словам, "единой теории социальной структуры не существует, поскольку различные типы социальной организации устанавливают различные переменные для анализа изменений"⁵¹.

Характерная особенность этой позиции — понимание монизма как однофакторной детерминации, выводящей историческое изменение из одного фактора и, следовательно, заслуживающей обвинения в игнорировании других исторических причин. Это типичное обвинение монизму воспроизводится в большинстве рассматриваемых теорий. "Среди причин революции, — возражает монизму П. Загорин, — много факторов и условий", например, Французская революция "была вызвана факторами самого различного типа — социальными, психологическими и т.д."⁵². "Революции, — продолжает М. Хэгопиан, — не могут быть сведены к операциям с одним фактором, поскольку они производятся соединением сил... Как комплексное макро-событие, революция требует скорее комплексного, чем монистического подхода"⁵³. Лю-

⁵¹ Moore, W. Social Change. Englewood Cliffs, 1963, p. 24.

⁵² Zagorin, P. Theories of Revolution, p. 29.

⁵³ Hagopian, M., op. cit., p. 129.

бой вид монизма не учитывает "сложности и множественности общественной природы"⁵⁴ и, следовательно, по словам М. Леви, равным образом бессмыслен и бесполезен"⁵⁵.

Противопоставляемый монизму подход состоит в утверждении равноценности всех причин революции, попытке их объединения на основании теории взаимодействия. Если еще Л. Готтшалк рассматривал Французскую революцию как "комбинацию пяти причин", то, по Х. Экштейну, каждая революция "есть результат сочетания различных факторов (переменных)"⁵⁶. Из комплекса факторов выводят социальное изменение Хагопиан, Эйзенштадт, Айа и мн.др.⁵⁷ В социальных науках, полагает Н. Тимашев, "причина должна быть соединением (concomitance) двух или более факторов"⁵⁸. Согласно Л. Стоуну, причины революции "частично интеллектуальные, частично экономические, частично политические..., частично социальные"⁵⁹.

Каковы источники столь широко противопоставляемой монизму теории взаимодействия? По-видимому, в ее лице мы имеем известную еще по анализу Лабриолы и Плеханова характерную для "субъективной социологии" конца XIX века "теорию факторов". Именно теория факторов, отрицая определяющие исторические пружины, делит общество на факторы, между которыми "существует взаимодействие: каждый из них влияет на остальные и в свою очередь испытывает на себе влияние всех остальных"⁶⁰.

Ложность теории взаимодействия (теории факторов) состоит в неверном отождествлении монизма с однофакторной детерминацией и неадекватности попыток строить историческое объяснение, не признавая некоторую историческую силу определяющей. Ошибочность обвинения монизма в том, что он выводит

---

⁵⁴ Stone, L. Social Change and Revolution in England, 1540-1640. p. XXV.

⁵⁵ Levy, M. Modernization and Structure of Societies, v. I, p. 333.

⁵⁶ Gottshalk, L., op.cit., p. 4; Eckstein, H. On Etiology of Internal Wars, p. 163.

⁵⁷ Hagopian, M. Ibid., 185; Eisenstadt, S. op.cit. p. 9; Aya, R. Theories of Revolution Reconsidered, p. 79.

⁵⁸ Timasheff, N. War and Revolution, p. 35.

⁵⁹ Stone, L. Social change., p. XXV.

⁶⁰ Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории. - Избр. филос. произв. в пяти тт. М., 1956, т. 2, с. 241.

историческое изменение из одного фактора, игнорируя при этом роль других, видна уже на примере теории Гегеля; гегелевский монизм отнюдь не исключал географических, правовых, политических и т.д. факторов, хотя подчинял их развитию "мирового духа". Аналогично признание марксизмом определяющей роли производственных отношений вовсе не равносильно отрицанию "непроизводственных" причин: значение идеологических, психологических, политических факторов всегда подчеркивалось и подробно анализировалось в марксистской литературе. Монизм Маркса состоит не в отрицании данных факторов, но в установлении их зависимости, подчиненности главной причине: "Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще"⁶¹. Иные значения понятия "монизм", помимо значения субординации исторических факторов и признания некоторого уровня определяющим, кажутся ложными.

С другой стороны, попытка строить историческое объяснение на основании теории взаимодействия ведет к трудностям, на главную из которых указывал еще Г.-Ф. Гегель: отношение взаимодействия "вместо того, чтобы быть эквивалентом понятия, само должно быть понято", для чего обе его стороны следует "признать моментами третьего, более высокого определения". "Так, например, — говорит Гегель, — если мы будем считать нравы спартанского народа действием его общественного строя, и, наоборот, общественный строй действием нравов, то... с помощью такого объяснения... мы не поняли ни государственного устройства, ни нравов этого народа"⁶².

Уже Гегель, таким образом, показывает, что теория взаимодействия, в которой "каждый фактор пользуется золотым правилом: живи и жить давай другим"⁶³, ведет к противоречию: именно такого рода противоречие, как отмечает Г.В. Плеханов, свойственно, например, теории просветителей: "Среда определяется мнениями, мнения средой"⁶⁴. При этом к указанному парадоксу ведет не только представление о равноценности двух,

⁶¹ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. — Соч., т. I3, с. 7.

⁶² Гегель Г.-Ф. Энциклопедия философских наук, т. I. М., 1975, с. 335-336, ср. конспект этого места у В.И. Ленина: Филос. тетради, соч., т. 29, с. 147.

⁶³ Плеханов Г.В. Цит. соч., с. 240.

⁶⁴ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Цит. соч., т. I, с. 519 и др.

но и любого количества факторов. Приравнивая ряд (идеологических, психологических, политических, экономических и т.д.) факторов между собой, современные концепции взаимодействия объясняют их один через другой, т.е. вслед за теориями просветителей впадают в логическую ошибку порочного круга *idem per idem* (то же посредством того же). Неадекватность теории взаимодействия видна из невозможности для ее сторонников провести ее последовательно; точно так же как классическая теория факторов сводилась в конечном счете к преобладающей роли идей, объяснение социального изменения из "комплекса факторов" не мешает современной американской социологии видеть главную причину революции в политической сфере⁶⁵.

Сама логика научного анализа приводит социальную теорию к необходимости признать какой-либо уровень социальной системы определяющим другие. Между тем в идеалистических рамках таковыми оказываются факторы "сознания" или в лучшем случае "политика": как и сама теория факторов, по своей методологии американские теории взаимодействия восходят к догегелевским просветительским теориям истории.

Выход из парадоксов взаимодействия указал монист Гегель: для этого следует признать, что оба его компонента, "как и все прочие особые стороны... вытекали из того понятия, которое лежало в основе их всех"⁶⁶. Теория Маркса развила идею иерархии и субординации исторических факторов, выделив в качестве определяющих не формы "духа", но материальные производственные отношения. По словам Плеханова, как в физике теория "сил" уступила место единому учению об энергии, "точно так же и успехи общественной науки должны были привести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, синтетическим взглядом на общественную жизнь"⁶⁷. Принцип подчиненности социальных подсистем, вопреки теории взаимодействия, подтверждает современная наука (например, кибернетический принцип "ведущего звена" или "регулятора")⁶⁸.

⁶⁵ Ср. напр., представление о "комплексе" причин революции одновременно с выведением ее из "конфликта между правительством и оппозицией" у Тимашева (Timasheff, N. war and revolution, N.Y., 1965, p. 160), Х. Экштейна и др.

⁶⁶ Цит. по: Л е н и н В.И. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29, с. 147.

⁶⁷ П л е х а н о в Г.В. Цит. соч., т. 2, с. 242.

⁶⁸ К л а у с Г. Кибернетика и общество. М., 1967, с. 97-99.

Даже короткий анализ обнаруживает в современной американской этиологии революции вполне определенные методологические установки. Несмотря на всю разноречивость суждений, разноплановость методов и подходов, эти объяснения революции едины в целом ряде существенных аспектов, представляющих собой определенно индетерминистские тенденции. Отражая характерные моменты новейшего англо-американского позитивизма и эмпиризма, указанные тенденции, несмотря на современную терминологию, восходят к традиционным субъективистским концепциям причинности (теория Юма, дескриптивизм Беркли) и социального объяснения (теория факторов). Сохранение данных субъективистских тенденций вопреки их противоречию как современным научным данным (отрицание законов), так и нуждам анализа (отрицание причинности при анализе причин революции) указывает на их вполне определенную идеологическую обусловленность. Если критика детерминистского и монистического подхода за внешним стремлением к нейтральности обнаруживает явное стремление противостоять марксизму, то сама склонность к описанию лишь внешних исторических причин вытекает из специфического позитивистского видения мира, понимания революции как поверхностного, главным образом политического изменения⁶⁹. Для такой методологии остаются недоступными глубинные социальные процессы и закономерности; останавливаясь на симптомах, социология революции принимает поводы за причин точно так же, как политические перемены — за саму революцию.

Поступила в редакцию 10 сентября 1982 г.

⁶⁹ О двух концепциях изменения см.: Р.Н.Блюм. Некоторые методологические вопросы изучения революционной мысли. — Уч. зап. Тартуский гос. ун-т, вып. 599. Труды по философии, Тарту, 1982.

О РОЛИ КАТЕГОРИЙ "ИСТОРИЧЕСКОЕ" И "ЛОГИЧЕСКОЕ"
В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Н.Л. Кивистик

Вопрос о природе науки относится к числу важнейших проблем марксистско-ленинской философии. В настоящее время исследование науки достигло такого уровня, что необходимо специально изучать не только природу науки, но и характер ее исследования. Нельзя сказать, что рассмотрение структуры методологии (в широком смысле) является чем-то совершенно новым (см., например, некоторые работы Н.Ф.Овчинникова¹, В.А.Лекторского и В.С.Швырева²), однако разработка соответствующих проблем остается по-прежнему актуальной.

В нашей статье мы ограничимся рассмотрением соотношения философского и частнонаучного знания при изучении истории науки.

Главная наша предпосылка заключается в следующем. Частнонаучное и философское знания принципиально различны, одно — фактуальное, эмпирически проверяемое, другое — фактами не проверяемое³, образно выражаясь, одно — "индуктивное", другое — "дедуктивное". При осмыслении науки необходимо, однако, иметь в виду взаимообусловленность этих уровней, ибо философско-логический и научно-эмпирический методы взаимопредполагают друг друга.

Чтобы показать недостаточную разработанность проблемы разных уровней методологии, приведем пример. В.Ф.Палий в своей книге⁴ говорит о тезисе Маркса и Энгельса из "Немецкой идеологии"⁵ о "единственной науке истории" как о требовании

¹ О в ч и н н и к о в Н.Ф. Уровни методологического исследования. — В кн.: Методологические принципы физики. М., 1975.

² Л е к т о р с к и й В.А., Ш в ы р е в В.С. Методологический анализ науки. Типы и уровни. — В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972.

³ С м.: В и х а л е м м Р.А. Понятие "логика развития науки" и некоторые методологические вопросы анализа истории науки. — Философские науки, 1977, № 5.

⁴ С м.: П а л и й В.Ф. Диалектика исторического и логического в развитии науки. Л., 1979, с. 12.

⁵ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Сочинения, т. 3, с. 16.

рассмотрения всякого объекта с точки зрения процесса его развития. По нашему мнению, это толкование неточно, ибо некоторые науки рассматривают свои объекты именно неразвивающимися (например, физика элементарных частиц) — в этом как раз и заключается их специфика. Следовательно, упомянутый тезис Маркса и Энгельса не является частнометодологическим регулятивом. Точнее было бы толкование в том смысле, что на известном философском уровне рассмотрения всякие объекты оказываются развивающимися.

Всякая работа, посвященная проблеме разных уровней методологического знания, предполагает рассмотрение современного состояния вопроса в соответствующей литературе. Надо отметить, что только немногие авторы занимаются философско-логическим осмыслением науки⁶. Это обусловлено малой частнометодологической пользой этого способа рассмотрения. Но поскольку мышление категориально, то всякая рефлексия над ним является хотя бы частично философствованием.

Так как эмпирический анализ является частью всякого анализа истории науки, существует мнение, что гносеология в целом становится эмпирической наукой⁷.

В определенной мере это правильно, но и гносеология, как любая эмпирическая наука, также подлежит категориальному (гносеологическому) осмыслению, возникает только новая область всеобщей рефлексии.

Нечеткое различение разных уровней знания, мнение, что обобщение эмпирического материала является единственным путем осмысления развития науки⁸, часто основывается на неточном изложении диалектики исторического и логического. Некоторые авторы говорят только об "индуктивном пути" возникновения логики⁹, но забывают "космические масштабы" этого пути, уровень своей абстракции. Именно неиндуктивность, отвлечение от эмпирии является сущностью логики, философии, математики. И в конкретном познании дедуктивный путь является необходимым дополнением.

⁶ Характерные примеры — некоторые работы А.С. Арсеньева и В.С. Библиера.

⁷ См. книгу: Розов М.А. проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977.

⁸ См. точку зрения Б.М. Кедрова в книге "анализ развивающегося понятия". М., 1967.

⁹ Кедров Б.М., Огурцов А.П. Марксистская концепция истории естествознания — XIX век. М., 1978. с.314-320.

В принципе, проблема теоретического и эмпирического знаний разрешена классиками марксизма однозначно: противоположность теоретического и эмпирического, равно как знания и объекта, преодолена целостностью человеческой деятельности. Теоретическое знание понимает себя моментом деятельности; подчиненным практике. К. Маркс указывает на такой путь разрешения проблемы уже в "Тезисах о Фейербахе" и в "Немецкой идеологии".

Сознание понимается как относительный момент целостной истории человечества или как момент вечного развития материи. Оно абсолютно только относительно самого себя, только самому сознанию (рефлексивному теоретическому мышлению) его относительная самостоятельность кажется абсолютной (достаточно вспомнить высказывание В.И. Ленина об относительной природе основного вопроса философии). Таким же образом специфическая абсолютность философии (ее необходимость, всеобщность) является проблемой только для философии. Целостная человеческая деятельность объединяет разные уровни знания без всяких проблем, это является проблемой только для объединяемых моментов. Проблема не актуальна для эмпирического знания, поскольку в нем невозможно понять специфику общетеоретического знания. Метафизическим было бы утверждение, что частные науки (история, социология, психология и т.д.) рассматривают только относительные, а философия — только абсолютные моменты общетеоретического знания. Всякий абсолютный предмет является в некотором отношении относительным и наоборот¹⁰. Специфическая абсолютность (необусловленность, необходимость) философии является абсолютностью только относительно собственно философии — в этом и состоит относительность названной абсолютности. Специфика философии является предметом философского исследования, и раскрывается она только специфическому внутреннему взгляду.

Короче говоря, проблема эмпирического и теоретического разрешается только теоретически, эмпирически невозможно даже правильно поставить названную проблему.

Рассмотрим один пример строгого философского изучения диалектики. В.А. Босенко в книге "Диалектика как теория развития"¹¹ рассматривает ряд проблем системы категорий диалек-

¹⁰ См.: Ленин В.И. полное собрание сочинений, т. 29, с. 318.

¹¹ Босенко В.А. диалектика как теория развития. Киев, 1966.

тической теории развития.¹² Монография может заинтересовать представителей естествознания и прежде всего тем, что в ней роль диалектики не сводится к истолкованию естественнонаучных фактов, примеров, "еще раз (очередной) подтверждающих положения диалектики", а делается попытка раскрыть диалектику как собственно теорию развития, всеобщую логику развития вообще в категориальном плане" (см. аннотацию)¹². Книга отличается строгой последовательностью, в ней достигается системное целостное изложение теории развития любых предметов. Последовательность изложения определяет и границы книги. Автор раскрывает чистую логическую структуру всякого развития, однако несколько в тени остается механизм возникновения, рождения самой логики, момент подчиненности самой логики истории. В книге имеет место относительная абсолютизация логики (не показаны границы, историческая относительность всеобщей логики), для нее характерен в некотором смысле дух Гегеля: поскольку границы логики там не определены, логика объективно оказывается абсолютной, безусловной, первичной (автор не оговаривает такую возможность истолкования). Все это потому, что, излагая логическую структуру развития, автор не изучает условий рождения и действия этой структуры, не включает материалистически понимаемую диалектику исторического и логического в основной состав теории развития.

Отсюда возникает потребность в уточнении условий теоретической разрешимости проблемы разных уровней знания. На наш взгляд, ее философское разрешение должно основываться на изучении диалектики исторического и логического.

Как уже было сказано, противоположность эмпирического и общетеоретического знания разрешается в целостности человеческой деятельности и в то же время проблема специфики общетеоретического знания является проблемой только для этого знания. (Только философии доступна сущность философии). Эти утверждения могут казаться несколько противоречащими друг другу. Чтобы понять суть проблемы, обратимся к Гегелю.

В принципе мы можем считать систему Гегеля первым (систематическим, теоретическим, категориальным) отражением развития предметов мира. Возникает вопрос, почему адекватное философское отражение развития появилось именно во времена Гегеля? Мы говорили, что философия отражает общие моменты общественной практики. Но ведь история не стояла не месте и

¹² Б о с е н к о Б.А. Указ. соч.

до Гегеля. Дело в том, что общие моменты практики, которые являются объектами философии, отражаются философией только посредством их реализации в мыслительной деятельности (или: объект философии является инвариантом как практической, так и теоретической деятельности, является инвариантом целостной деятельности). В восемнадцатом веке действительно произошло изменение в естествознании: некоторые объекты (например, солнечная система) стали рассматриваться в развитии. Развитие стало инвариантом всей деятельности и, следовательно, объектом философии. Конечно, при более подробном изучении структуры теоретической деятельности этот порядок оказывается обратным: категориальный аппарат (инвариантный состав) является исходным пунктом движения мысли, а не результатом последнего, и, следовательно, философия должна открывать категории мышления раньше глобального использования их. Абсолютизация этого момента является реальным содержанием системы Гегеля.

Мы должны уточнить сказанное: философия раскрывает категориальную структуру мыслительного процесса (категории осознают себя) уже в тенденции, в начале развертывания соответствующей формы мышления; философская рефлексия некоторой формы мышления является предпосылкой развертывания этой формы.

Современное науковедение все чаще основывается на изучении конкретной истории науки. Конкретная история — это целостная человеческая деятельность, история науки включает теоретическую деятельность как особенно важный момент ее. Эта необходимая тенденция в науке (науковедении) является объективной основой, которая обуславливает потребности философского изучения целостности деятельности и проблем исторического и логического и которая без названной философской рефлексии развертываться не может. Было бы огрублением утверждать, что современная философия деятельности обусловлена единственно развитием науковедения. Анализ науки является всего лишь одной из объективных тенденций, которая вызывает повышенную заинтересованность в проблематике разных уровней знания. Уже классики марксизма работали над этими проблемами.

Таким образом, взаимодействие философии и осмысления науки является объективной тенденцией, которая сопровождает изучение диалектики исторического и логического и способствует ему.

О разработанности диалектики исторического и логического

Осмысление науки происходит путем использования известной диалектики исторического и логического. Применение этих категорий необходимо, но по своему характеру оно может быть сознательным или бессознательным, последовательным или непоследовательным, ибо названная необходимость реализуется как момент структуры мышления.

Философский анализ раскрывает уровень завершенности, взаимоотношенности осмысления и его философских основ. Проблема завершенности имеет две стороны. С одной стороны, возникает вопрос, соответствует ли современная структура (методы) изучения истории требованиям категориальной схемы исторического и логического. С другой стороны, достаточно ли подробно и последовательно разработана соответствующая категориальная схема, а также достаточно ли она известна, чтобы соответствовать требованиям названной первой стороны.

Надо подчеркнуть, что знание категорий является всеобщим и поэтому никакой конкретный механизм его использования (осмысление науки, например) не может быть единственной причиной дальнейшей разработки соответствующих категорий.

Если в каком-либо отношении выработка некоторых философских категорий завершается (конечно, относительно), то эта завершенность станет общеизвестной и отразится в справочной или учебной литературе по философии. Только общеизвестное знание об историческом и логическом может быть включено в каждый акт осмысления науки в качестве исходного и центрального элемента. Короче: известность есть индикатор разработанности.

Психологический аспект использования категорий мы не рассматриваем, это весьма сложный объект исследования (например, проблема сознательного или неосознанного использования категорий). Мы остановимся на уровне общей логики и в первую очередь попытаемся выяснить — общеизвестно ли марксистское понимание категорий "историческое" и "логическое".

По нашему мнению, до сих пор отсутствует популярное, подробное и последовательное изложение диалектики исторического и логического, и, следовательно, взаимодействие осмысления науки и этого аспекта его философских основ продолжается.

В качестве исходного источника рассмотрим "Краткий словарь по философии"¹³.

В качестве подхода к объяснению соотношений исторического и логического авторы соответствующей статьи утверждают, что историческое и логическое являются категориями, выражающими соотношение действительного процесса развития и отражения его в мышлении. Историческое — это, собственно, объективный процесс развития. Например, возникновение солнечной системы или история человечества, или развитие языка, мышления, науки. Логическое есть теоретическое отражение исторического, но отражение не во всех подробностях, а на основе анализа результата. Логическое, таким образом, — это воспроизведение исторического в мышлении. Гегель считал логическое предшествующим историческому, а в действительности порядок их обратный.

В статье словаря речь идет и о единстве исторического и логического. Последовательность переходов понятий (момент логического) воспроизводит главные моменты действительного хода развития. Высказывается мысль, что логическое движение начинается с конца, с результата, и только через это достигается понимание развития объекта. Направленности логического и исторического, следовательно, противоположны.

В дальнейшем авторы этой статьи приводят два высказывания классиков марксизма. Одно — о параллельности мышления и истории (с чего начинается история, с того начинается и ход мысли), другое — об анатомии человека как о ключе к анатомии обезьяны.

Возникает проблема различных направленностей самого логического, и, как нам кажется, эта проблема не разрешается в данной статье. В ней содержится, правда, положение о том, что порядок движения логического от результата к началу процесса не искажает действительную историю, напротив, анализ результата есть способ раскрытия хода истории. Однако указанная проблема этим не решается, утверждается только мысль о гетерогенности понятия логического.

Мы считаем необоснованность гетерогенности понятия "логическое" главным недостатком рассматриваемой статьи. Гетерогенность не была бы недостатком, если бы изучались явно и подробно замеченные разные направления одного и того же логического, но в статье только кратко упоминаются соответст-

¹³ Краткий словарь по философии, изд. 3-е, М., 1979.

вующие моменты.

Говорится, что "Капитал" Карла Маркса есть глубочайший пример логического анализа исторического предмета. Однако решение проблемы этой ссылкой не исчерпывается. Обыденному сознанию трудно прямо понять логическую структуру "Капитала". В словаре, таким образом, отсутствует общеизвестное, соответствующее требованиям разных форм осмысления науки изложение диалектики исторического и логического.

При обращении к общепризнанному учебнику марксистско-ленинской философии¹⁴ выясняется, что в соответствующей статье упоминаются только исторический и логический методы исследования, соответствующие категории излагаются только как отдельные приемы научной деятельности, связь и структура их остаются нераскрытыми. В учебной литературе имеется и более систематизированное изложение данного материала¹⁵, однако учитывая сказанное, мы можем смело утверждать, что общепризнанное и разработанное изложение категорий исторического и логического пока еще отсутствует.

Некоторые аспекты диалектики исторического и логического

Главный источник понимания диалектики исторического и логического — это "Капитал" Карла Маркса, в котором дан логический анализ капитализма, раскрывающий и историю его.

"Капитал" является наиболее сложным объектом изучения; раскрытие марксистского понимания соотношений исторического и логического представляет собой предпосылку исследования самого "Капитала". Работы Маркса "К критике политической экономии", "К критике политической экономии. Введение" и труд Энгельса "Карл Маркс "К критике политической экономии" являются самыми значительными источниками по этому вопросу. В них раскрываются главные моменты диалектики исторического и логического. Конечно, при этом нельзя забывать и многие другие классические труды марксизма.

Среди многих работ, занимающихся изучением марксова понимания исторического и логического, укажем прежде всего на

¹⁴ Основы марксистско-ленинской философии. Учебник. Изд. 5-ое. М., 1981.

¹⁵ См.: Философский словарь. Изд. 4-ое. М., 1981.

две статьи Э.В. Ильенкова¹⁶. В этих статьях наиболее адекватно, по нашему мнению, излагается марксистское понимание исторического и логического.

В качестве исходного момента надо выделить две проблемы (их выделяет и Э.В. Ильенков):

1. Соотношение теории (логического рассмотрения или воспроизведения некоторого объекта) и ее истории (истории теорий, последовательности разных отдельных теорий).

2. Соотношение теории и ее объекта (соотношение теоретического рассмотрения развития объекта и его действительного, объективного развития).

Аналізу подлежат, таким образом, два отношения вместо рассматриваемого в словаре единственного отношения.

Главный принцип дальнейшего исследования заключается в том, что логическое — это только момент исторического, истории. История, которая включает момент логического, является рассмотренной нами целостной человеческой деятельностью. Становится очевидным, что теория исторического и логического является философской конкретизацией категории деятельности. Мы выдвинули бы эту категорию на передний план как общую среди различных типов знания.

Деятельность представляет собой, с одной стороны, самую общую категорию, но с другой, — она очень конкретна, поскольку многие проблемы разрешаются именно в ней. Сила категории деятельности заключена в том, что она является обозначением самой конкретной истории человечества.

Таким образом, "деятельность" является определенным замыкающим элементом диалектики, а диалектика исторического и логического представляет собой частную философскую рефлексию над этим элементом.

Второй принцип заключается в том, что логическое — это отражение исторического. В сочетании с первым принципом логическое, следовательно, есть определенное отражение истории в самой себе.

Третий принцип: результат развития отражает предыдущий процесс развития, главное содержание процесса возникновения предмета восстанавливается как логическая структура предмета.

---

¹⁶ И л ь е н к о в Э.В. Логическое и историческое. — Философская энциклопедия, т. 3, М., 1964; И л ь е н к о в Э.В. Историческое и логическое. — В кн.: История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971.

Изложение соотношений исторического и логического в труде Маркса "К критике политической экономии" неразрывно (и необходимо) связано с восхождением от абстрактного к конкретному. Последнее понимается как всеобщий путь развития человеческого познания, а также как закон развития всего материального мира. В рамках этого восхождения логическое, как уже говорилось, является отражением исторического.

Во-первых, восхождение от абстрактного к конкретному — это характеристика объективного развертывания сущностных черт всякого предмета в действительной истории. Во-вторых, восхождение происходит и в истории теоретического познания: новые теории оказываются более конкретными, чем старые. В-третьих, восхождение происходит и в рамках одной отдельной теории — оно является логическим движением от фундаментальных положений к их конкретным механизмам реализации. Названные три аспекта восхождения до некоторой степени самостоятельны. Это положение способствует пониманию гетерогенности логического.

Известны слова Маркса: "В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент"¹⁷. Такую же направленность логики имеют в виду классики марксизма и в тезисе об анатомии человека как ключе к анатомии обезьяны. Надо учитывать, однако, что направленность, рассматриваемая в этих тезисах, свойственна только истории теорий, а никак не логике отдельной теории. В рамках теории логическое движение воспроизводит действительный процесс развития объекта. Восхождение от абстрактного к конкретному в теории и ее объекте параллельны, в главном содержании они совпадают. Наоборот, восхождение (логическое движение) как закон истории теорий, последовательности теорий имеет несколько иную направленность (от человека к обезьяне), чем логика действительной истории (от обезьяны к человеку). Но такая направленность истории теорий не мешает отдельной теории отражать объективную логику предмета.

Фундамент познается позже, чем жилые этажи, но фундамент не заменяет этажи, а только располагается под ними, а не рядом с ними, и, следовательно, направление логики теории остается неизменным: оно отражает объективный процесс развития (от обезьяны к человеку). Объективная логика сохраняется во

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. I3, с. 43.

всех теориях, только в более конкретных теориях логическое движение начинается более издалека, чем в менее развитых теориях. Более конкретная теория изучает свой предмет глубже, чем менее развитые теории того же объекта.

Не стоит слишком конкретизировать этот материал, ибо в противном случае мы получим конкретную кумулятивистскую модель развития научного знания. Оставаясь на общетеоретическом уровне, подведем некоторые итоги: насколько логическое (теория) не является историческим (историей теорий), настолько оно отражает историческое (объективное развитие предмета). История теорий включается одновременно и в категорию "логическое" и в категорию "историческое", откуда следует гетерогенность понятия "логическое".

Логическое не только отражает закон, сущность исторических процессов, но и само в известном смысле есть этот закон, сущность истории. Объективное содержание логики как закона истории (всякий предмет есть выращивание своих действительных предпосылок, или, несколько иначе, логика процесса возрождается в логической структуре процесса) является основой логического метода познания исторических процессов. Историко-философский порядок раскрытия этого закона был, конечно, обратный.

Предмет возрождает свои предпосылки, возникновение предмета возрождает принципы возникновения — следовательно, чистая логика результата по форме кругообразная. Например, отец родит сына, но именно благодаря рождению сына отец становится отцом — сын родит отца. Чтобы выйти из круга чистой логики, логике нужна помощь извне. Только история, точнее, историческое знание (отражаемый мышлением действительный ход процессов), может открыть начало круга чистой логики.

Логическое — это закон, необходимость в истории. История несет свою необходимость вместе с собой, в исторических процессах. Поскольку логика процесса и его результата совпадают (а последняя оказалась кругообразной), то чистый логический анализ предшествующей ступени процесса (ступень — обезьяна) не может раскрыть закон следующей ступени (человека) или процесса до следующей стадии (от обезьяны к человеку). Чистая логика была бы чистым кругом; если бы закон процесса или (что одно и то же) следующей стадии раскрывался при анализе предшествующей ступени, то закон будущего был бы абсолютно известен, все было бы известно на вечные времена. Следовательно, знание (конечно, материалистически понимаемое) спо-

собно двигаться, если логическое подчиняется историческому (человек есть ключ к обезьяне, а не наоборот; обратное нелепо).

Важно отметить, что подчиненность логики истории нельзя понимать как подчинение логического метода познания историческому. Исторический метод является описанием действительного хода конкретных событий. Логический и исторический методы исследования взаимозависимы, при рассмотрении некоторого развивающегося предмета эти методы взаимодействуют как теоретическое и эмпирическое в естествознании.

А какое значение имеют изучаемые категории для естественных наук? При изложении категорий мы говорили только о развивающихся объектах, однако, например, объект физики не развивается. Разрешение этой проблемы имеет два аспекта.

Во-первых, в физике действительно преобладает логический метод исследования: неизменяющийся объект нельзя рассматривать как исторический. Но изменяющимся оказывается практический аспект деятельности, который взаимодействует с объектами и с физическим знанием: физические эксперименты, наблюдения. Физическая логика выходит из рассматриваемого круга в связи с подчиненностью практике, не-логике, истории.

Во-вторых, категории "историческое" и "логическое" являются не столько категориями методологии конкретных наук, сколько категориями общей методологии всякого мышления. Хорошо охарактеризован общетеоретический уровень, как стоящий над частными науками, в "Немецкой идеологии". Там сказано: "Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны, до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга..."¹⁸.

На уровне такого понимания всякое логическое движение подчинено истории. Занимаясь характеристикой этого уровня и говоря о физике, мы нашим примером только иллюстрировали необходимость подчинения логики истории. Излишне было бы доказывать, что физическое знание подчиняется истории.

Чтобы правильно понять соотношение исторического и логического, надо эти категории брать как моменты усложнения целостной деятельности. При этом особенно важно иметь в виду

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения, т.3, с.16.

гетерогенность логики, различие направленностей теории и истории теорий. Однако нельзя забывать, что различные направленности суть моменты единой логики: история теорий состоит из теорий и ни из чего другого, разные направленности находятся одна в другой, а не рядом друг с другом.

Из характера логического следует правомерность рассмотрения некоторого теоретического знания, исходя из модели круга. Круг как модель логического знания, конечно, выражает конечность и последовательность актуального уровня знаний. Неявно мы уже использовали модель круга при рассмотрении взаимодействия между осмыслением науки и философской рефлексией над ней. Модель круга в отношении к знанию имеет и иные пути использования. В.И. Ленин, как известно, во фрагменте "К вопросу о диалектике" считал целесообразным понимание всей истории познания как последовательности кругов. Но общей чертой всякого использования этой модели является мысленное отделение знания (логического) от конкретной среды его (исторического).

Мы использовали модель круга только для характеристики актуального, конечного уровня знания. Разумеется, это только момент целостного ленинского понимания "кругов в познании"¹⁹.

В дальнейшем целесообразно рассмотреть отдельно логические и исторические (по использованному методу) акты осмысления науки, ибо наше исследование основывается на категориальном отношении "историческое - логическое".

Первое, что подлежит рассмотрению, это использование философско-логического метода для выделения логики науки из действительной истории науки. По нашему мнению, в качестве примера использования этого метода можно назвать исследование В.С. Библера. Он сам утверждает, что его работы - это применение метода "капитала" в отношении истории наук²⁰.

---

¹⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.29, с.325.

²⁰ См.: Библиер В.С. Понятие как элементарная форма движения науки. - В кн.: Анализ развивающегося понятия. М., 1967, с. 23.

О философско-логическом методе осмысления развития науки

Исходная позиция В.С. Библера заключается в том, что суть всей истории науки (сам он рассматривает, в основном, конечные периоды развития естествознания) раскрывается как развертывание одного и только одного понятия. Это может показаться странным для некоторых читателей. Ведь это — гегельянство, скажет читатель и не будет читать такую книгу. Но внешнее сходство концепций Библера и Гегеля имеет определенный смысл. Например, Ф. Энгельс не отбрасывал всех результатов Гегеля, наоборот, он часто показывал рациональное содержание этих результатов. Систему Гегеля мы должны считать определенным отражением одного аспекта (правда, в абсолютизированном виде) действительной истории и структуры познания. Поэтому концепция, похожая на концепцию Гегеля, сама по себе не обязательно должна быть ошибочной.

В.С. Библиер утверждает, что анализ развертывания в истории одного исходного понятия теоретического знания раскрывает, во-первых, необходимость (логику) всего соответствующего теоретического знания и, во-вторых, не только логику знания, но и логику всей научной деятельности, включая практические аспекты последней. Второе утверждение является наиболее спорным, но иногда отвергается и первое. Понятие, по Библиеру, конечно, не статичный элемент знания, а саморазвивающийся по закону диалектического противоречия, самоусложняющийся предмет. Теория является развертыванием одного исходного понятия, и наоборот, совокупность знаний является теорией, поскольку она является развертыванием одного понятия (пример: наука механики и основное понятие ее, механическое движение).²¹

Первое возражение против Библера (знание и история совсем разные, даже противоположные предметы, анализ истории познания не должен достаточно четко отражать историю объектов познания...) опровергается самим Библиером. Он излагает историю человечества как целостный процесс самоусложнения деятельности, в котором мышление и объекты его оказываются взаимообусловленными моментами одного целого. Соответствующий раздел рассматриваемой работы²² принадлежит к числу ред-

²¹ См. Библиер В.С., указ. соч., с. 23.

²² Там же, с. 18-37.

ких примеров рассмотрения человеческой деятельности как целостности.

Библер учитывает при этом, что противоположность объекта и знания или эмпирического и теоретического не исчезает на вечные времена, а только снимается изменением масштаба изложения. Он знает и утверждает, что говорит именно об этом уровне понимания деятельности. Следовательно, его работа представляет собой пример наиболее общего (категориального, философского) анализа истории человечества, в частности, познания.

Второе возможное возражение против Библера (почему именно анализ понятия раскрывает закон всей деятельности) опровергается собственной природой философии и ее объекта. Мы уже упоминали, что объектами философии являются те инварианты общественной практики, которые всеобщы, т.е. являются и инвариантами мышления. Эти всеобщие инварианты являются проблемами только для себя (в философии), ибо они всеобщы. Можно переформулировать сказанное: мышление является проблемой только для мышления, а не для всей жизнедеятельности, ибо жить могут и те, кто не мыслит; жизнь первична, мышление вторично.

С помощью самого Библера можно квалифицировать его концепцию. Выясняется, что он может логически раскрыть законы истории из развития одного понятия благодаря тому, что отвлекается (сознательно) от уровня частного знания, для которого характерна противоположность теории и ее объекта. Этим и определяется характер концепции Библера: логический анализ может быть всеобщим (философским) тогда и только тогда, когда отвлекается от фактуальности частного знания. На концепции Библера не может основываться предсказание новых фактов истории науки, ибо это подлинно философская концепция. Кому нравится фактуальность, тот может обойти эту концепцию, но тогда он должен признать, что тем самым отвлекается от подлинной всеобщности логики.

Раскрытые нами различия и противоположность общетеоретического и частнонаучного знания сказываются фундаментальными: целостность деятельности объединяет разные типы знания; учитывая эту целостность, соответствующая теория снимает противоположность типов знания, но по форме (а форма тоже существенна) эта теория является либо философской, либо частнонаучной; промежуточные формы — пока редкие исключения ("Капитал" К. Маркса).

Выяснилось, таким образом, что наличие или снятие противоположности теории и ее объекта в содержании изучаемого знания является критерием типа знания: частного (противоположность налично) или всеобщего (противоположность снята).

Рассмотрим теперь применение исторического (философского) метода при осмыслении науки. Неявно мы уже использовали предпосылку, что "анализ развивающегося понятия" - не единственный философский метод осмысления науки.

Логический "анализ развивающегося понятия" не содержит видения собственных границ. Если бы этот анализ был единственным, то логическое движение "от человека к обезьяне" исключало бы действительное движение "от обезьяны к человеку". Рамки логического осмысления должны определяться характером исторического метода осмысления.

Вернемся к фрагменту В.И. Ленина "К вопросу о диалектике". Говоря о "кругах в познании", В.И. Ленин отмечает: "Обязательна ли хронология насчет л и ц? Нет!"²³. По нашему мнению, у Библера хронология лиц или событий тоже не обязательна, и только при историческом методе хронология является исходным пунктом изложения.

Мы уже отмечали, что В.И. Ленин, говоря о "кругах в познании", отвлекался от конкретной среды движения анализа. Рассматривая концепцию В.И. Библера, который по-своему осуществлял ленинскую программу изучения кругов, видим, что это отвлечение временное. Но именно благодаря ему анализ "кругов в познании" раскрывает действительные законы истории (в частности познания). В этом состоит своеобразие логического метода при осмыслении науки.

О конкретно-историческом методе осмысления развития науки

В конкретном историческом процессе (а также в соответствующих исследованиях) упомянутые противоположности теории - объекта и эмпирического-теоретического должны быть сняты. Соотношение конкретно-исторического и частно-методологического метода рассмотрим теперь на примере принципа соответствия.

Содержание этого принципа состоит в следующем. Некая наука в своей истории определила свой объект. На каждой по-

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 325.

вой ступени развития этой науки (новая теория) ее объект изучается более подробно, чем на старой ступени, новая теория конкретнее старой. Возникновение новой теории не полностью опровергает старую, а только ограничивает область действий последней, старая теория представляет частный случай новой теории. В математизированной науке старая теория оказывается пределом новой теории по какому-либо параметру²⁴. Если дополнить этот принцип известным принципом несоответствия²⁵, который утверждает, что предел новой теории содержательнее старой, что новая теория не может быть результатом только математического (логического) обобщения старой теории, то окажется, что эти принципы, взятые вместе, адекватно выражают суть категорий "историческое" и "логическое": одна теория является логически целостной, но не заменяет другой чисто логически, последовательные теории связаны некоторым историческим движением, скачком в логике.

Но почему нельзя считать принцип соответствия всеобщим философским принципом? Как хорошо показывают Н.И. Кузнецова и М.А. Розов²⁶ (основываясь на некоторых выводах Т. Куна)²⁷, принцип соответствия является абстракцией, которая действительна только при предпосылке, что объект теории оказывается неизменным в течение изучаемого процесса движения знания. Принцип соответствия между новой и старой теорией действителен только тогда, когда они имеют одинаковый объект.

Мы уже говорили о том, что для сферы частного знания необходимо противопоставление теории и ее объекта, и только при рассмотрении целостной деятельности (философско-логическое или конкретно-историческое исследование) теория и ее объект оказываются взаимообусловленными, развивающимися вместе.

Отсюда можно сделать вывод, что принцип соответствия является частным знанием, ибо он основывается на учете неизменности объекта теории (теория изменяется, следовательно,

²⁴ См.: Принцип соответствия. М., 1979.

²⁵ См.: Кард П. Принцип несоответствия. — Уч. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 360. Тарту, 1975.

²⁶ Кузнецова Н.И., Розов М.А. Принцип соответствия в истории науки. — В кн.: Принцип соответствия. М., 1979.

²⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

теория и объект противоположны).

Замеченная ограниченность способствует действительной методологической полезности этого принципа. Тот факт, что в принципе объект науки изменяется вместе со знанием о нем (как взаимообусловленные моменты целостной деятельности), не является конкретным методологическим регулятивом. В конкретной научной деятельности, наоборот, важно учитывать преемственность теорий. Образно выражаясь, всякая теория - дочь старых теорий, ибо других матерей у нее нет.

Заключение

Проблема теоретического и эмпирического, а также знания и его объекта разрешается на основе целостности человеческой деятельности; это происходит либо в эмпирической, либо в теоретической форме знания. Разрешение в знании основывается на объективной целостности истории (деятельности). Осмысление науки гетерогенно, уровень снятия упомянутых противоположностей определяет характер конкретного акта осмысления науки, частно-методологическое знание основывается именно на наличии названных противоположностей.

Категориальный аппарат исторического и логического служит отличным средством для выявления характера осмысления науки, ибо он представляет собой необходимый элемент всякого осмысления науки.

Чтобы показать это, мы рассматривали аппарат категорий "историческое" и "логическое" как закон философского конкретизирования знания о целостной деятельности.

В данное время нет возможности показать момент единства, совпадения двух сторон философского осмысления науки (исторического и логического); был выявлен только факт, что частная методология реализуется как некоторый промежуточный уровень знания между собственно наукой и философией.

Нельзя не отметить, что эта статья является лишь определением круга проблем, возникающих при изучении структуры осмысления развития науки. Сами эти проблемы, несомненно, подлежат дальнейшему углубленному исследованию.

Поступила в редакцию 8 ноября 1981 г.

О ПОНЯТИИ "СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ"

А. А. Ранникмяэ

За последние полтора десятилетия все большее значение среди философских проблем науки приобретает вопрос о стилях мышления в научном познании. Термин "стиль мышления" встречается в философской литературе в различных значениях, например, в качестве опосредствующего звена между мировоззрением и теориями специальных наук¹, в качестве интегрирующего компонента духовной культуры общества (наряду с системой ценностей и картиной мира)² и т.д.

О стиле мышления говорится также при обсуждении проблем научных революций, возникновения новых теорий и т.д. Наряду с этим пользуются и терминами "способ мышления", "метод мышления", "образ мышления", "строй мышления".

Опубликован ряд работ, в которых различия в стиле мышления подвергнуты специальному анализу³, однако в большинстве статей и монографий этот термин специально не определяется, а считается интуитивно ясным⁴.

Так, например, встречаются выражения "гуманитарный стиль мышления", "стиль мышления естествоиспытателей", "технический образ мышления"⁵, "информационный стиль мышления"⁶, "кибернетический стиль мышления"⁷, "экологический" и "косми-

¹ Иванов В.Г. Физика и мировоззрение. Л.: Наука, 1975, с. 56-60.

² Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Философские основания методологии частных наук и методологические проблемы взаимодействия философии и частных наук. - В кн.: Методология науки и научный прогресс. Новосибирск, 1981, с.97.

³ См. работы Ю.В. Сачкова, И.Б. Новика, В.Г. Иванова, Л.А. Микешиной, В.В. Лапицкого, С.Б. Крымского, А.С. Мамзина и др.

⁴ См.: Микешина Л.А. Детерминация естественнонаучного познания. Л.: изд-во ЛГУ, 1977, с. 60.

⁵ Синтез знания и проблема управления. М.: Наука, 1978, с.17.

⁶ Там же.

⁷ Там же, гл. 2, § 2.

ческий" стили мышления⁸ и др. В конкретном контексте такие характеристики, как правило, достаточно ясны для определенного уровня понимания.

Стиль мышления неизменно связывается со спецификой мышления, с различиями в нем. Однако само понятие этого стиля, его соотношение с содержанием и логической структурой мышления как бы ускользает от внимания.

Следовательно, задача состоит в том, чтобы уточнить значение термина "стиль мышления" и с помощью раскрытия его содержания указать на необходимость применения такого понятия в философско-методологической литературе. Задачу усложняет то обстоятельство, что наряду с термином "стиль мышления" существуют близкие ему понятия научной картины мира и парадигмы (в отношении которых также имеются разные трактовки). В дальнейшем мы попытаемся выяснить те особенности научного мышления, на которые указывает термин "стиль научного мышления", и представить один из возможных путей выделения стилевых различий в научном мышлении.

В своем анализе проблемы мы опираемся на положения, высказанные в беседе автора с членом-корреспондентом АН ЭССР Я.К. Ребане, постоянно учитывая их в ходе изложения материала.

ж . ж

Понятие стиля имеет, как известно, большое значение в искусствоведении. Здесь можно выделить три возможных уровня применения этого понятия⁹. Во-первых, с помощью стиля характеризуется индивидуальная манера художника, своеобразие его творчества. Нельзя, однако, не согласиться с А.Л. Андреевым, что такое использование понятия "стиль" практически ничего не прибавляет к терминологическому аппарату эстетики, который уже содержит соответствующие характеристики, например, школа, манера и др.¹⁰ Во-вторых, понятие стиля применяется для определения типичных для данной эпохи художественных на-

⁸ Синтез знания и проблема управления. М.: Наука, 1976, с. 17.

⁹ БСЭ, 3-е изд., 1976, т. 24, кн. 1, с. 1530.

¹⁰ Андреев А.Л. Место искусства в познании мира. М.: Политиздат, 1980, с. 47.

правлений или тенденций, обладающих специфическим сочетанием признаков ("строгий стиль", "мягкий стиль" и др.). В-третьих, понятие стиля обозначает периоды истории искусств (готика, барокко и др.).

Посмотрим, в какой мере эти уровни употребления понятия "стиль" могут быть применены к анализу понятия "стиль мышления". При этом следует помнить о различии художественного и научного познания, а также о том, что стиль в искусстве характеризует готовое произведение, т.е. результат деятельности, и отличается в этом плане некоторой статичностью. Неоправданным является также перенесение специфического механизма взаимодействия метода и стиля из искусствознания в методологию науки.

Опираясь на указанные уровни выделения стиля в искусстве, можно сделать некоторые предположения в отношении стиля мышления вообще.

Прежде всего, понятие индивидуального стиля мышления явно относится к сфере психологии личности, педагогики и др. аналогичных дисциплин. Если же обратиться к различию в мышлении исторических эпох, то для их характеристики понятие "стиль мышления" явно не подходит. "Стиль мышления античности" или "стиль мышления средневековья" были бы абстрактно-бессодержательными понятиями. В лучшем случае такое выражение, как "стиль мышления античности" указывает на те специфические черты мышления, которые отличают античный мир от средневековья или от современности. Выявить особенности мышления той или иной эпохи в целом крайне трудно, хотя именно характеристика этих особенностей соответствует использованию понятия "стиль мышления".

Отсюда первое ограничение — анализу с точки зрения стиля должно подвергаться только научное и теоретическое мышление. Именно к этой сфере относятся известные слова Энгельса: "Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание"¹¹.

В своих трудах Энгельс дает обстоятельный анализ двух способов мышления — метафизического и диалектического, показав зачатки диалектического мышления у древних греков, последующее торжество метафизики и восстановление прав диалек-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366.

тики в философии немецкого идеализма XVIII-XIX веков. Энгельс с помощью термина "способ мышления" обозначает, таким образом, различия диалектического и метафизического мышления.

Диалектический и метафизический способ мышления связаны с развитием частных наук. Во взаимодействии философского и научно-научного знания нет однозначного соответствия между осознанным применением принципов научной философии - материалистической диалектики - и результатами научной деятельности. Из истории науки известны случаи, когда ученые, вопреки своим идеалистическим или метафизическим установкам, делают выдающиеся открытия. Следовательно, различия в процессе научного мышления имеются не только на уровне фундаментальных философских категорий, но и на другом уровне. Выявление различий в процессе мышления образует главное содержание понятия "стиль научного мышления".

Однако для того, чтобы найти изменяющееся, необходимо знать постоянное. В процессе научного мышления неизменяющиеся остаются по меньшей мере принципы формальной логики. Следовательно, проблема стиля научного мышления связана с изменениями в содержательном логическом аппарате мышления. Чтобы раскрыть мышление с содержательной стороны, при дальнейшем анализе мы будем иметь в виду категориальные структуры мышления. Такой подход соответствует пониманию стиля научного мышления как характеристики направлений и тенденций в научном мышлении, находящихся как бы между уровнем философских категорий и уровнем формальной логики. В этом значении понятие стиля не только характеризует определенные этапы в развитии науки, но и сосредоточивает внимание на специфических чертах процесса мышления в конкретных науках.

Выяснение значения термина "стиль научного мышления" можно проводить различными способами. Учитывая то обстоятельство, что стиль является частью методологического сознания, целесообразно разделить его на компоненты соответственно определенным методологическим параметрам. Такой анализ проведен Л.А. Микешиной, в итоге чего выделены следующие методологические параметры¹². Первую группу составляют онтологические представления о материи, ее атрибутах, а также о детерминации. Вторую группу составляют гносеологические представления о субъектно-объектных отношениях, о взаимосвя-

¹² Микешина Л.А. Детерминация естественнонаучного познания. Л.: изд-во ЛГУ, 1977, с. 95.

зи теории и практики, об истине. В третью группу входят следующие логико-методологические нормативы: идеал теории, идеал метода, идеал факта и научный язык. Указанные параметры (кроме гносеологического представления об истине и идеала факта) Л.А. Микешина выделяет на основе соответствующих работ О. Конта, В. Уэвелла, М. Борна, Л. Ольшки, И. Зелены, Ю.В. Сачкова и С.Б. Крымского. Именно в этом отношении схема Л.А. Микешиной вызывает определенные сомнения. Выделение феномена стиля возможно только на основе определенных гносеологических позиций исследователя. Но философские взгляды (в том числе гносеологические представления) вышеназванных исследователей различны. Возникает опасность эклектического соединения разных методологических параметров стиля¹³.

С другой стороны, уже сам факт возможности разных периодизаций научного познания указывает на то обстоятельство, что мы не имеем основания выделять разные стили в истории познания, применяя только методологические параметры. Нужны такие критерии, которые связали бы развитие научного познания с социально-экономическим развитием общества, с общественно-исторической практикой людей.

При анализе понятия стиля мышления необходимо обратиться также к анализу таких понятий, как "научная картина мира" и "парадигма". Соотношение стиля мышления и научной картины мира (НКМ) рассмотрено Л.А. Микешиной¹⁴.

Определенные затруднения здесь вызывает то обстоятельство, что конкретное содержание (с методологической точки зрения) НКМ является до сих пор дискуссионным. Так М.В. Мостепаненко, П.С. Дышлевый и др. исследователи, "определяя НКМ как систему знаний о мире, основанную на философских и общенаучных фундаментальных принципах, ничего не говорят о зависимости НКМ от существующих познавательных возможностей субъекта и не включают в нее наличный арсенал методов и приемов познания"¹⁵. Другие авторы (В.С. Степин, В.Ф. Черноволонко и др.) включают в НКМ некоторое методологическое яд-

¹³ Микешина Л.А. отмечает, что критерием при выборе методологических элементов служили соображения о их наибольшей значимости в истории научной мысли (Указ.соч., с. 94).

¹⁴ Микешина Л.А. Указ. соч., с. 70-83.

¹⁵ Там же, с. 79.

ро, содержащее конкретизированные методы и некоторые общенаучные принципы и методы, через которые НКМ связана с философским мировоззрением¹⁶. Защищая вторую точку зрения, Л.А. Микешина все же не совсем четко разграничивает соотношение стиля мышления и НКМ. Не претендуя на специальный анализ такого соотношения, можно все-таки отметить, что стиль научного мышления выражает динамику мыслительного процесса в отличие от НКМ, которая является более статичным параметром, характеризуя в основном результаты процесса мышления¹⁷.

Следующий вопрос – можно ли понятие "парадигма" считать синонимом стиля мышления. Это понятие встречается в советской философской литературе, но трудность заключается в том, что нередко его значение полностью не раскрывается. Использование понятия парадигмы в значении, придаваемом им Т.Куном, вызывает большие затруднения в понимании содержания этого понятия. "Парадигма" у Куна многозначна¹⁸. Необходимо также учитывать всю концепцию Т. Куна, так как понятие парадигмы раскрывается только в определенном контексте.

Термином парадигмы пользуются и в лингвистической философии, где доказательство или аргумент от парадигмы является крайне существенным¹⁹. Оно гласит, что какое-то слово правильно применяется только в парадигме его употребления. Доказательство от парадигмы вытекает из понятия "языковой игры": нарушение правил применения знаков в игре означает, что мы больше не будем играть в эту специфическую игру. Следовательно, значение термина парадигмы в современной буржуазной философии тоже весьма неоднозначно.

Мы придерживаемся взгляда, что стиль научного мышления должен указывать на специфические черты в содержательном логическом аппарате мышления.

Теоретическое мышление осуществляется в целостной системе философских категорий, но на различных этапах развития

¹⁶ микешина Л.А. Указ. соч., с. 79-80.

¹⁷ Например, В.Ф. Черноволенко оценивает высказывания М. Борна о различиях в стилях мышления в науке как указания на существование разных НКМ. Такая расширенная трактовка НКМ уже не позволяет выделить понятия стиля в научном познании.

¹⁸ Ребане Я.К. Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм. – Уч. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 404. Тарту, 1977, с. 53.

¹⁹ Геллнер Э. Слова и вещи. – М.: изд-во иностранной литературы, 1962, с. 46. Геллнер показывает, что доказательство от парадигмы либо недостаточно, либо излишне.

науки эта система обнаруживается в различных ракурсах и срезах, и ее категории по-разному конкретизируются в специальных понятиях научного исследования²⁰. Категории получают свою экспликацию в фундаментальной научной теории посредством концептуального аппарата этой теории²¹.

Непосредственному анализу доступна только категориальная структура конкретной научной теории (точнее - понятийная структура, которая является исходным пунктом для дальнейшего анализа). На основе понятийной структуры мы имеем возможность определять категориальную структуру теории, а также восстанавливать категориальный строй мышления ученых, что в конечном счете и характеризует стиль мышления.

Основательный анализ категориальных структур физических теорий проведен А.Т. Артюхом²². Он показывает, что формой теоретического мышления, осуществляющего синтез классической механики, выступил принцип причинности.

Категориальная структура, выражающая принцип причинности²³:

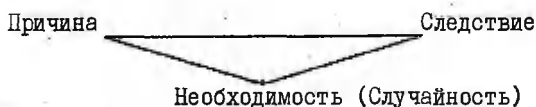

Схема выражает необходимый характер причинно-следственной связи; смысл случайности на этом уровне познания не раскрывается. Категорию случайности вообще нельзя эксплицировать в понятиях классической механики.

Ю.В. Сачков справедливо рассматривает теории такого типа как жестко детерминированные и связывает с ними определенный стиль мышления²⁴. В рамках жесткого детерминизма предполагается строго однозначный характер всех без исключения связей и зависимостей, неоднозначность или неопределенность в свя-

²⁰ Крымский С.Б., Парахонский Б.А. Понятие метода и стиля теоретического мышления. - В кн.: Проблемы диалектики, вып. IX. Л.: изд. ЛГУ, 1980, с. 45.

²¹ Артюх А.Т. Категориальный синтез теории. - Киев: Наукова думка, 1967, с. 38.

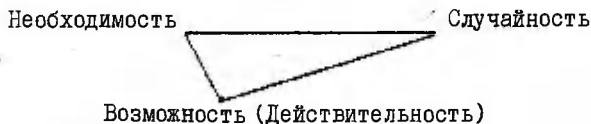
²² Артюх А.Т. Указ. соч.

²³ Там же, с. II5.

²⁴ Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М.: Наука, 1971, с. 77 и сл.

зях рассматривается как неполнота наших знаний об исследуемых объектах. По мере развития науки вскрывалась ограниченность теории жесткого детерминизма и поэтому были разработаны принципиально новые теории – статистические²⁵.

В статистических теориях, кульминационным пунктом развития которых является разработка квантовой механики, категория случайности получает теоретическое определение соответственно категориальной схеме²⁶:

Со статистическими теориями связывают новый стиль научного мышления – вероятностный²⁷. Вероятностный стиль мышления не связан только с концептуальными системами физики. Его можно обнаружить и в биологии, где эволюционная теория Дарвина впервые внесла в исследования вероятностный стиль мышления²⁸. В дальнейшем вероятностные идеи нашли применение и в генетике.

Вопрос о стилях мышления в биологии требует дальнейшего анализа, так как традиционно выделяемые стили (организмоцентрический стиль и популяционный стиль)²⁹ подвергаются уже значительной критике. Р.С. Карпинская отмечает, что молекулярную биологию нельзя втиснуть в рамки организмоцентрического или популяционистского стиля мышления³⁰. На наш взгляд, целесообразно анализировать концептуальные системы

²⁵ Исторически разработке статистической теории газов предшествовало создание основ термодинамики газов (Ю.В. Сачков. Проблемы методологии современного естествознания. М.: Знание, 1979, с. 30) А.Т. Артюх излагает термодинамику с помощью переходной структуры, где случайность уже выступает в явном виде. Но еще не получает теоретического определения (А.Т. Артюх. Указ. соч., с. 140).

²⁶ А.Т. Артюх. Указ. соч., с. 143.

²⁷ Ю.В. Сачков. Введение в вероятностный мир. М.: Наука, 1971.

²⁸ Сачков Ю.В. Введение в вероятностный мир, с. 6.

²⁹ Мамзин А.С. Очерки по методологии эволюционной теории. Анализ некоторых проблем. Л.: Наука, 1974; с. 29.

³⁰ Карпинская Р.С. Биология и мировоззрение. М.: Мысль, 1980, с. 114.

биологии с целью выявления их категориальных структур; на основе таких структур мы можем четко установить изменения в категориальном строе мышления ученых. Хотя понятие стиля научного мышления шире, чем понятие категориального строя мышления, мы считаем, что изменения в категориальном строе мышления ученых являются объективной основой для указания на возможную перемену стилей мышления.

Понятие стиля научного мышления обладает эвристической ценностью. Например, вероятностный стиль мышления, присущий современной физике, в настоящее время не обязательно характеризует ряд других наук, но это еще не означает того, что и в будущем он не будет свойствен этим наукам. Здесь мы видим только один аспект эвристической функции понятия стиля, заключающийся в том, что на основе стиля мышления более развитой науки можно прогнозировать развитие других наук. Другой аспект эвристической ценности, указанный еще М. Борном, состоит в том, что на основе стиля мышления своего времени можно сделать некоторые осторожные предсказания, а также отвергнуть идеи, чуждые этому стилю³¹.

При анализе фундаментальных теорий или концептуальных систем необходимо учитывать то обстоятельство, что с ними можно сопоставить не одну, а несколько категориальных структур. Это усложняет выяснение определенных стилей мышления. Например, А.Т. Артох выявляет на основе классической механики еще несколько категориальных структур. По поводу квантовой механики следует отметить, что выделение только вышеупомянутой категориальной структуры, очевидно, недостаточно. В квантовой механике, наряду с категорией случайности, необходимо учитывать познавательные условия. Их нельзя исключить из теории³². Каким образом составить соответствующую категориальную структуру — это уже задача специального анализа. То обстоятельство, что с одной теорией можно сопоставить несколько категориальных структур, усложняет выяснение на их основе определенного стиля мышления и требует тщательного общего анализа таких структур. Но правомерность самого подхода подтверждают примеры из истории науки. Известно, что

³¹ Борн М. Физика в жизни моего поколения. Сб. статей. М.: изд-во иностр. лит., 1963, с. 228.

³² В классических теориях физики ссылок на ситуацию познания не имеется (См., напр.: В.И. Аютт. Коперниковская революция как переход к классическому типу физического знания. — Уч. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 404. Тарту, 1977, с. 82).

Г.А. Лоренц и А. Пуанкаре располагали полной совокупностью теоретических и эмпирических предпосылок для синтеза теории относительности и все же выполнил такой синтез лишь А. Эйнштейн. Это объясняется приверженностью А. Пуанкаре и Г.А. Лоренца категориальной структуре классической механики, которая не дает результатов при экстраполивании на новую предметную область. А. Эйнштейн опирался на новую категориальную структуру мышления, которая раскрывала тесную связь пространства-времени. Такой перелом в категориальном строе мышления ученых указывает на возможные изменения в стиле мышления и является объективной основой для его дальнейшего анализа.

Подводя итог, следует отметить, что выявление существующих в науке стилей мышления позволяет решить ряд проблем, возникших в методологии науки. Исходя из исторически определенных стилей научного мышления, возможен, в частности, продуктивный подход к проблеме научных революций, выяснение связи между общественно-исторической практикой людей и уровнем развития конкретных наук и т.д. Изучение стиля научного мышления имеет эвристическую ценность, позволяя выдвигать плодотворные идеи в науке. Для решения этих задач требуется уточненное и по возможности однозначное понятие стиля научного мышления, на что данный обзор, конечно, не претендует, однако представленные соображения могут оказаться полезными при дальнейшем анализе проблемы.

Поступила в редакцию 15 декабря 1981 г.

О ПРЕДМЕТНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ СОЗНАНИЯ
(ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БИДОМИНАНТНОСТИ СОЗНАНИЯ)

В.В. Парве

Вопрос о предметной отнесенности, направленности сознания является одним из важнейших в гносеологии. Он включает в себя как субъектно-объектные отношения, так и мировоззренческие аспекты. Некоторые авторы, например Е.В. Черносвитов¹, утверждают, что понимание механизмов предметной отнесенности, направленности и содержательности сознания возможно лишь при знании структуры сознания. Определенные аспекты проблемы предметной отнесенности, внешней и внутренней направленности актов сознания в философском, психологическом и психопатологическом планах анализируются в ряде статей Е.В. Черносвитовым и Д.И. Дубровским².

Согласно Е.В. Черносвитову, суть направленности сознания состоит в соотнесении "объекта" отражения и "предмета" сознания (при предположении, что "предмет" сознания означает явление субъективного мира, а "объект" - явление объективного мира)³. При анализе структуры, предметности, направленности сознания он исходит, во-первых, из реального индивидуального сознания и, во-вторых, из существования сознания только в направленности на что-нибудь - на внешний объект или на самого себя, на свой предмет⁴. Он же придает большое

---

¹ Черносвитов Е.В. К философскому анализу структуры сознания. "Направленность" актов сознания. (Психологический и психопатологический аспекты). - Филос. науки, 1978, № I, с. 146-149. - с. 146.

² Он же. Самосознание в структуре сознания. - Филос. науки, 1974, № 4, с. 150-152; Он же. Личностный аспект проблемы сознания. - Филос. науки, 1976, № I, с. 166-170; Он же. К философскому анализу структуры сознания; Дубровский Д.И. Черносвитов Е.В. К анализу структуры субъективной реальности (ценностно-смысловой аспект). - Вопросы философии, 1979, № 3, с. 57-69.

³ Черносвитов Е.В. К философскому анализу структуры сознания, с. 146.

⁴ Черносвитов Е.В. Личностный аспект проблемы сознания, с. 167-168.

значение двум специфическим понятиям – бимодальности и бидоминантности сознания, которые в дальнейшем используются и Д.И. Дубровским при изложении информационной трактовки сознания⁵.

Бимодальность сознания означает одновременное отражение того, что принадлежит субъекту ("я") и что принадлежит объекту ("не-я"). Бидоминантность сознания означает способ реализации внутриличностной коммуникации, т.е. общение "я" с самим собой (как с "ты")⁶.

Тайна феномена предметной отнесенности сознания или (что практически одно и то же) интенции, проекции, вынесения, экстеро-интериоризации сознания заключается в том, что, по словам А.Г. Спиркина, "с гносеологической и психологической точки зрения, в пределах внутреннего мира субъекта находится нечто, что существует вне его...". Физиологические процессы как таковые не обладают предметной отнесенностью⁷. Следовательно, те процессы, которые ею обладают, не являются физиологическими.

Конкретная проблема, интересующая Е.В. Черносвитова, состоит в том, "что является критерием совпадения субъективной пространственно-временной сетки с теми или иными координатами объективного пространства или времени. Есть ли такой феномен...?"⁸. Он полагает, что этим феноменом является схема нашего тела, иногда называемая и постуральной моделью – давно известный в психиатрии феномен. Для того, чтобы подтвердить свою мысль, он ссылается на Ан. Кемпинского, который пишет: "С нейрофизиологической точки зрения, картина или схема собственного тела составляет основную структуру, на которой строятся временно-пространственные отношения с внешней средой. На нее опирается упорядочение сигналов, входящих и выходящих из нервной системы"⁹. Е.В. Черносвитов в связи с этим вполне правильно отмечает: "Поскольку сознание функ-

⁵ Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980.

⁶ Дубровский Д.И., Черносвитов Е.В. К анализу структуры..., с. 59.

⁷ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М., 1972, с. 76, 77.

⁸ Черносвитов Е.В. К философскому анализу структуры сознания, с. 147.

⁹ Кемпински Ан. Психопатология неврозов. Варшава: Польское мед. издат., 1975, с. 74.

ционирует ("нормальное" или деструктурированное - здесь неважно), постольку осознается "наше тело". Образ нашего тела исчезает вместе с исчезновением сознания"¹⁰.

Эти в принципе правильные положения нуждаются в дальнейшем разъяснении. К очерченному кругу вопросов мы, однако, попытаемся подойти как бы с обратной стороны. Бидоминантность и бимодальность сознания (а вместе с этим и его направленность) мы интерпретируем посредством научных данных психофизиологических исследований и практического опыта ряда малораспространенных специальностей.

Давно известно, что в различных экстремальных ситуациях нередко возникают "непривычные" состояния сознания, характеризующиеся как измененные, искаженные - словом, ненормальные. Как правило, их считают выражением психической перегрузки. "Ненормальные" состояния сознания возникают в одиночном заключении, при одиночном плавании в океане, в арктических условиях, особенно в течение полярной ночи, в пустыне, в пещерах, во время сверхвысокого полета или гонки на скоростной трассе. Они также вызываются некоторыми лечебными мероприятиями - иммобилизацией тела по различным причинам, в частности, в закрытом респираторе или барокамере; удалением катаракты, горла или конечностей. Сюда также относятся "болезнь каяка" у эскимосов и галлюцинации Шарля Бонне¹¹. "Ненормальные" состояния сознания возникают при изнурительных допросах, во время безумного танца религиозного или сексуального характера (такие состояния иногда называются трансом или экстазом). Данный перечень является далеко не исчерпывающим.

Однако общим знаменателем всех подобных состояний является непривычный, исключительный для индивида сенсорный контакт с окружающей средой. В обзорной статье А.М. Людвига причины возникновения "переменных состояний сознания" классифицируются следующим образом: 1. Блокада стимуляции извне и/или двигательной активности. 2. Повышение стимуляции извне и/или двигательной активности и/или эмоциональности. 3. Повышение бдительности, настороженности. 4. Расслабление настороженности или критического отношения к окружающей реальности. 5. Воздействие соматопсихологических факторов (на-

¹⁰ Черношвитов Е.В. К философскому анализу структуры сознания, с. 147.

¹¹ Блейхер В.М. Эпонимический словарь психиатрических терминов. Киев: Вища школа, 1980, с. 34.

пример, химических средств)¹². Данная классификация, разумеется, связана с определенными предпосылками и допущениями. Поэтому ее нельзя абсолютизировать. Тем не менее, указанная в статье литература и отчетливое изложение материала из области медицинской психологии подтверждает наше убеждение в том, что изменение чувственного контакта со средой способно вызывать у данного индивида существенные изменения сознания. Следовательно, учет чувственного контакта индивида со средой является одним из ключевых моментов в понимании проблем предметной отнесенности, бимодальности и бидоминантности сознания.

Сознание индивида практически всегда расстраивается, а иногда и исчезает, если (чувственный или эмоциональный) контакт индивида со своей средой (физической или социальной) выходит за пределы некоторой меры интенсивности. В то же время в пределах этой меры сенсорного контакта между индивидом и средой сознание, как определенный качественный уровень протекания всех психических процессов, сохраняется.

Практическим доказательством этих положений являются результаты экспериментов "сенсорной депривации", которые, с точки зрения экспериментаторов, предназначены для оценки индивидуально-психологической выносливости различных операторов - летчиков, космонавтов, подводников и т.п. - в экстремальных ситуациях, при отсутствии нормального чувственного контакта с привычной природной и социальной средой¹³.

При полной (разумеется, в пределах технических возможностей) сенсорной депривации, когда человек лишен практически всех стимулов извне, он сначала усиленно припоминает или воображает что-то, или мечтает о чем-то. Это и есть первоначальное яркое проявление бидоминантности сознания в экстремальных условиях. Затем человек начинает беседовать с самой собой, шупает и даже бьет себя с целью воссоздать отсут-

---

12 Ludwig, A.M. Altered States of Consciousness.- Archives of general Psychiatry, 1966, V.15, N.3, pp.226 - 227.

13 Проблематика сенсорной депривации относительно подробно изложена в монографии О.Н. Кузнецова и В.И. Лебедева "Психология и психопатология одиночества" (М.: Медицина, 1972, 336 с.), особенно в гл. У "Необычные психические состояния в условиях сенсорной депривации" (с. 157-249). Поэтому нет необходимости повторно излагать конкретный материал. К тому же авторы данной монографии ссылаются на четыреста советских и зарубежных исследований (см. список литературы, с. 317-334).

вующее взаимоотношение с чувственно воспринимаемым реальным миром. В состоянии "плавающего трупа" (испытуемый лежит в ванне-термостате при температуре 34,5°C; его слизистые оболочки анестезированы, чем достигнута блокада вкусовых и обонятельных сигналов извне; его окружает полная тишина и темнота) собственное тело составляет последний "опорный пункт" объективной реальности для данного человека, его личности. На него и направляется психика данного человека. В случаях сенсорной депривации мы довольно четко видим, в каком смысле окружающую среду отражает мозг. Мы видим также, что "открытые" для внешних сигналов органы чувств являются важнейшими активизаторами мозга¹⁴.

В условиях сенсорной депривации складывается ситуация, когда закрытая система должна выполнить роль источника информации для самой себя. Совершенно ясно, что данное состояние не может длиться долго. Высшая нервная деятельность как самоорганизующаяся система в условиях относительной изоляции может функционировать лишь неэффективно и недолго. При наиболее строгой сенсорной депривации уже через 20-30 минут появляются обманы чувств. При менее строгой, в зависимости от различных факторов, галлюцинации появляются через несколько часов или даже через несколько (2...6) дней¹⁵.

Разумеется, процессы расщепления личности и появления обманов чувств могут быть различными. Они зависят от всевозможных индивидуальных особенностей исследуемого, от его психического здоровья. Однако магистральная линия деформаций сознания в условиях сенсорной депривации у различных испытуемых выражается достаточно определенно: 1) яркое выражение бидоминантности сознания, 2) раздвоение личности, 3) обман чувств, 4) исчезновение сознания. Последняя стадия может возникать как бесструктурный сон, не выполняющий тех психических функций, которые выполняются в обыкновенном сне, или бессознательное бодрствование, которое через несколько часов переходит в коматозное состояние. Под бессознательным бодрствующим состоянием следует подразумевать такое состоя-

¹⁴ Прибрам К. Языки мозга. М., 1975, с. 95.

¹⁵ Azima, H., Vispo, R., Azima, F. J. Observations on Anaclitic Therapy During Sensory Deprivation. - In: Sensory Deprivation, Symposium at Harvard Medical School, ed by. P. Solomon et al. Harvard Univ. Press, Cambridge, Massachusetts, 1961, pp. 148 -155.

ние индивида, которое характеризуется вербальным автоматизмом: в течение нескольких часов испытуемый повторяет одно слово или краткую фразу (четыре... четыре... четыре...). Эксперимент, имеющий подобный исход, прекращается по этическим соображениям. Данное состояние объясняется тем, что монотонная или пороговая стимуляция извне попадает в один и тот же центр памяти, поскольку отсутствует механизм коррекции. Подобные автоматизмы наблюдаются иногда и у эпилептиков¹⁶, хотя у них контакт с окружающей реальностью блокируется по соматическим причинам.

Постараемся теперь, принимая во внимание изложенный материал, сделать некоторые выводы.

Сознание в диалектическом материализме определяется, во-первых, (с помощью соотнесения сознания с материей) как специфически человеческое отражение объективной реальности. Наряду с этим, во-вторых, в определение сознания включаются такие характеристики, как мысленное построение действий и самоконтролирование взаимоотношений человека с действительностью. Первый из указанных моментов гносеологической категории сознания не меняется под влиянием новых данных о деятельности реального сознания. Что же касается остальных характеристик сознания, то здесь новые данные дают широкие возможности для усовершенствования нашего знания. Например, из изложенного материала следует, что понимание реального сознания как функции мозга требует уточнений. Изменения сознания реального индивида, вплоть до исчезновения сознания, могут быть вызваны как изменениями в телесной организации индивида, так и в организации его среды и изменением чувственного контакта индивида со средой. Вышеизложенный материал позволяет интерпретировать сознание в качестве функции чувственного контакта между человеческим организмом и средой — сознание является их взаимодействием в снятом виде. В условиях, когда этот контакт реально отсутствует, он "искусственно" (но только временно) воссоздается на основе следов памяти. Раздвоение и расщепление личности в условиях чувственной изоляции является одним из моментов временного, но безуспешного воссоздания взаимосвязи "организм — среда". Для бодрствующего индивида в нормальных условиях такое взаимодействие является постоянным корректором его внутренних по-

¹⁶ Пенфилд У., Джаспер Р. Эпилепсия и функциональная анатомия головного мозга. М., 1957, с. 35-37.

знавательных процессов. Бидоминантность сознания как повторение внешнего контакта в снятом виде является важнейшей структурной основой психических процессов. Это относится также к бимодальности сознания; бимодальность и саморефлексия представляют собой качественно более высокую ступень развития данной характеристики сознания.

Следует отметить, что психофизиологическая проблема в целом, включая характеристику бидоминантности, в виде вопроса о том, каким образом мысль вызывает физиологические изменения в ее носителе — в мозгу, не имеет существенного эвристического значения для науки. Но если мы трактуем психофизиологическую проблему как вопрос о том, посредством каких процессов взаимодействие индивида со средой кодируется в материальном субстрате его памяти и посредством каких процессов различные следы или отпечатки этого взаимодействия (т.е. отражения различных этапов развития данного взаимодействия) сопоставляются и сравниваются, характеристика бидоминантности приобретает реальный смысл. Нейрофизиологические и биохимические исследования показывают, что отбор этих отпечатков взаимодействия (или, что то же самое, соответствующей информации) для длительного сохранения в большей мере происходит во время сна, когда чувственные входы закрыты¹⁷. Как психофизиологический процесс бидоминантность при бодрствовании индивида выполняет по отношению к сенсорному входу блокирующую роль. Тем самым она является важнейшей предпосылкой мышления, которое невозможно без противопоставления содержимого в различных хранилищах памяти. Мозг человека постепенно "учится" использовать бидоминантность, т.е. временно блокироваться по отношению к внешним сигналам, воссоздавая в своих внутренних состояниях эквивалент этого контакта. В процессе исторической эволюции такой "учебы" содействовали различные изменения в предметной деятельности человека (применение огня и т.п.), которые мы здесь специально не рассматриваем.

Подведем некоторые итоги, которые по отношению к проблеме бидоминантности в целом являются в какой-то мере предварительными. В каждый данный момент в форме бидоминантности сознания происходит сравнение следов памяти, обусловленных взаимодействием "организм — среда". Выше было показано, что при блокаде сигналов извне, т.е. в случае прекращения акту-

¹⁷ Сон и патология головного мозга. Ташкент, 1980, с.29.

ального чувственного контакта или взаимодействия организма со средой сознание искажается или исчезает. Этот факт убеждает нас в том, что изоморфизм реального взаимоотношения "индивид - среда" ("организм - среда") и его отпечатка в мозговых нейродинамических кодах дает основание отнести психический образ к физическому объекту. Изложенная трактовка бидоминантности сознания и его предметной отнесенности добавляет также некоторые моменты к диалектико-материалистической критике дуализма и эпифеноменализма.

Поступила в редакцию 20 декабря 1981 г.

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНОВ "ОРГАНИЗАЦИЯ" И "САМООРГАНИЗАЦИЯ"
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л.Я. Няпинен

Как в социальных, так и в естественных науках все чаще употребляются термины "организация" и "самоорганизация". В связи с этим возникает вопрос: свидетельствует ли широкое использование этих терминов о каких-то принципиально новых конкретно-научных достижениях? Чтобы подробно и обоснованно ответить на этот вопрос, нужны средства "логического представления знания", которые бы позволяли за сменой конкретных идей, формул и фактических данных увидеть нечто общее - логическую действительность; только анализ этой последней может привести к обоснованному выводу о том, развивается ли (или меняется) нечто в знании, а если развивается - то что именно¹. Наша цель в данной статье - осветить использование терминов "организация" и "самоорганизация" в современной философско-методологической и частнонаучной литературе. Мы будем рассматривать соответствующие определения или заменяющие их описания. При изложении взглядов разных авторов нас, главным образом, интересуют два основных вопроса: 1) идет ли речь о термине или о научном понятии? 2) можно ли говорить о существенных изменениях в научном познании на уровне логики мышления? Под научным понятием мы понимаем термин, получивший определение в строгих математических терминах в рамках определенной теории. Под изменениями на уровне логики мышления мы понимаем изменения в рассуждениях, которые "проводятся не в терминах данной конкретной науки, а в терминах, традиционно относимых к логике (типа "часть", "целое", "взаимодействие", "место" и др.)"².

¹ С а з о н о в Б.В. К специфике структурных методов исследования в классической теории химического строения. - В сб.: Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М.: изд-во АН СССР, 1965, с. 122.

² Там же, с. 124.

Итак, обратимся к конкретным текстам.

Нередко термин "организация" авторы используют в качестве синонима "структуры". Последнюю обычно понимают в значении инвариантного аспекта системы, ее используют для выражения устойчивой упорядоченности. Ясно, что в данном случае термин "организация" по сравнению с термином "структура" ничего нового в себе не содержит.

"Кроме относительно устойчивых отношений или видов композиции элементов, — пишет В.С. Тютин, — имеют место такие, которые меняются во времени (так называемые переменные структуры), т.е. программы изменения системы. Единство устойчивых и неустойчивых видов композиции элементов и составляет понятие организации"³. Еще ранее аналогично высказался И. Клир: "... Целесообразно различать постоянную и переменную части в организации — назовем постоянную часть организации структурой системы, а переменную часть — программой системы"⁴. В одной из своих статей В.С. Тютин выделил два значения рассматриваемого термина: "Первое значение термина "организация" ... включает в себя: 1) упорядоченность устойчивых свойств и отношений системы, т.е. понятие структуры; 2) упорядоченность неустойчивых свойств и отношений, которые могут исчезать и вновь появляться в разных условиях существования системы; 3) наконец, такие свойства, упорядоченность которых существует не в рамках отдельной системы, а в статистическом ансамбле систем, т.е. массовые стохастические свойства, события. Второе значение термина "организация" относится к процессу перестройки системы. Например, организация может выступать как деятельность по формированию или переустройству структуры того или иного производства"⁵. Специфика организации в обоих значениях, согласно автору, состоит в упорядоченности неустойчивых свойств системы. В.И. Кузнецов считает, что в этом определении содержится нечто рациональное и для раскрытия сущности химической организации ве-

³ Т ю т и н В.С. О понятии биологической организации и ее теоретико-информационных оценках. — В кн.: Биология и современное научное познание. М.: Наука, 1980, с. 189.

⁴ К л и р И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969, с. 292.

⁵ Т ю т и н В.С. Системно-структурный подход и специфика философского знания. — Вопросы философии, 1968, № 11, с. 50.

щества⁶. Одна из последних формулировок определения понятия "химическая организация вещества", данная В.И. Кузнецовым, гласит: "химическая организация вещества – это основанная на обменном взаимодействии упорядоченность отношений между атомами и (или) атомными агрегатами, вследствие которой образуется единая система: в случае устойчивой упорядоченности – частица химического соединения, в случае неустойчивой упорядоченности – кинетический континуум, в том числе переходное состояние"⁷. Это определение основывается на понятии химического взаимодействия. Как подчеркивает В.И. Кузнецов, термин "химическая" в этом определении не связан с наименованием отрасли науки – химии, а привлечен сюда только для характеристики типа взаимодействия между элементами в системах – взаимодействия, основанного на перекрывании электронных орбиталей.

Как видим, В.С. Тухтин, И. Клир и В.И. Кузнецов связывают специфику организации с неустойчивой упорядоченностью. Что здесь подразумевается под неустойчивостью? Ознакомление с соответствующими текстами показывает, что у многих авторов она выступает как синоним изменчивости, подвижности, переменности, непостоянности и т.п.

Я. Зеленецкий в своей книге⁸, представляющей собой, как видно уже из подзаголовка, введение в теорию организации и управления, интересуется, главным образом, проблемами научной организации труда. Роль названной теории автор выражает так: "Задачей теоретического анализа действительности является ее упорядочение путем сосредоточения внимания на некоторых общих признаках отдельных ситуаций"⁹. Раскрывая сущность организации, автор ссылается на примеры из обыденной жизни¹⁰. Он приводит описание трудового коллектива, в котором, благодаря необходимому, достаточному и своевременному обеспечению каждого его члена инструкциями и орудиями труда,

⁶ См.: Кузнецов В.И. Диалектика развития химии. От истории к теории развития химии. – М.: Наука, 1973, с.68.

⁷ Там же, с. 83.

⁸ Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. – М.: Прогресс, 1971.

⁹ Там же, с. 19.

¹⁰ Там же, с. 36.

ни одному из рабочих не приходится стоять без дела. Для обозначения признака, который наглядно выражен в авторских словах: "одни не ждут других", Я. Зеленецкий и использует термин "организация". Аналогичный признак присущ, по его мнению, не только механизму, созданному человеком, учреждению, состоящему из людей, но также и солнечной системе и атому, биологическому организму и каждой его ячейке¹¹. Все объекты такого типа он называет организованными вещами. Выделяя признак организованности у процесса, автор описывает такую человеческую деятельность, которая характеризуется отсутствием всякого рода недочетов, а следовательно, и нарушения четкой последовательности этапов всего процесса. В соответствии с такими представлениями, автор видит "сущность организации во взаимном содействии частей успеху целого"¹². Под целым он подразумевает вещь или процесс, а под частями — соответственно составные компоненты вещи или отдельные этапы процесса.

Из тех значений термина "организация", которые обычно приводятся в словарях и энциклопедиях, В.П. Боголепов считает наиболее важными те ряды значений, которые характеризуют ее как "... определенный порядок, притом и в функциональном смысле и в структурном или предметном смысле"¹³. Структурный и предметный аспекты (которые отличны друг от друга) автор противопоставляет функциональной точке зрения. Далее он пишет: "Более развернуто организацию можно определить как взаиморасположение и взаимосвязи элементов некоторого комплекса (предметная или структурная часть организации), их действия и взаимодействия (функциональная часть), обусловленные единством целей или выполняемых ими функций и определенными обстоятельствами места и времени"^{*}. И тут же добавляет: "Поскольку организация обычно нестабильна, т.е. может повышать и понижать свой уровень, постольку под ней часто понимается

¹¹ Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления, с. 42.

¹² Там же, с. 14.

¹³ Боголепов В.П. О состоянии и задачах развития общей теории организации. — В кн.: Организация и управление (вопросы теории и практики). — М.: Наука, 1968, с. 44.

^{*} Отметим здесь, что М.И. Сетров, автор, о котором у нас речь пойдет ниже, считает именно это определение наиболее адекватным (Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. — Л.: Наука, 1972, с. 22).

и становление целесообразной системы или структуры как самого комплекса элементов, так и его деятельности"¹⁴.

Задачу содействовать созданию теории организации преследует в своей книге "Основы функциональной теории организации" и М.И. Сетров. В сущности, и у него (как и у Я. Зеленецкого и В.П. Боголепова) речь идет об общей теории систем. Только понятие системы автор понимает как эксплицированную понятием организации"¹⁵. Свой подход к проблеме организации автор называет функциональным. Этому подходу автор присваивает философский характер: "... функциональный метод при соблюдении некоторых принципов приобретает диалектический характер и становится действенным инструментом изучения социальной организации"¹⁶. Такого мнения придерживаются и другие авторы, на некоторых из них (А.Г. Здравомыслов, В.А. Скиба) М.И. Сетров прямо указывает. Ссылаясь на И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, автор отмечает, что К. Маркс применял для анализа организации буржуазной системы структурно-функциональный подход, выражающийся в том, что К. Маркс рассматривал эту социальную систему как органическое целое"¹⁷. В другом месте М.И. Сетров пишет: "К. Маркс, анализируя законы развития капиталистической формации, рассматривает общество не в форме кристалла, а как организм, находящийся в непрерывном процессе превращения и самообновления"¹⁸. Сопоставим с этими высказываниями следующее определение, данное М.И. Сетровым: "Если части целого находятся в функциональной зависимости, т.е. в такой зависимости, при которой изменение одной части ведет к изменению других частей, то такое целое называется органическим целым. Если части целого находятся в формальной зависимости, а объединение частей основывается лишь на полноте их множества, то такое целое называется механическим. ... Чисто органическая или сугубо механическая целостность существует лишь в абстракции"¹⁹. Теперь спросим

¹⁴ Боголепов В.П. О состоянии и задачах развития общей теории организации. - В кн.: Организация и управление, с. 45.

¹⁵ Сетров М.И. Основы функциональной теории организации, с. 20.

¹⁶ Там же, с. 25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 36.

¹⁹ Там же, с. 109.

у автора: как такое "органическое" целое может самообновляться? Да, в понимании К. Маркса общество — это действительно самосозидающее органическое целое²⁰, но М.И. Сетров понимает под органическим целым фактически механизмодобные, машиноподобные системы, которые из-за отсутствия свободы поведения своих частей не могут самосозидаться. Какое же определение понятия организации предлагает М.И. Сетров? Как мы уже сказали, понятие организации, по мнению автора, эксплицирует понятие системы. Системотеоретики, среди них и Л. Берталанфи, в основу определения понятия системы положили понятие взаимодействия в значении взаимозависимости и взаимного влияния компонентов системы друг на друга. М.И. Сетров считает, что "... понятие взаимодействия является достаточно широким, особенно если его рассматривать как функциональную связь"²¹. С последним выражением мы уже встречались выше. Приведем здесь несколько более развернутое определение: "... функциональная связь есть такая форма взаимодействия между сосуществующими элементами целого, при наличии которой состояние и поведение этих элементов взаимообусловлено, а цепь причин и следствий замкнуто"²². Нам представляется, что здесь сказано, по сути дела, то же самое, что некоторые авторы иногда выражают словами "взаимодействие конечного числа переменных", обозначая так организованную сложность. Основным понятием функционального метода М.И. Сетров считает функцию, которую он определяет так: "Функция в организационном ее понимании является отражением единства связей функциональных и причинных. ... С одной стороны, образование целого и его поведение есть результат взаимодействия частей, их функциональной связи, а с другой — для сохранения целого, т.е. совокупности взаимодействующих частей, необходима еще и некоторая причинная зависимость между каждой отдельной частью и целым, а именно: поведение части определяет (и зачастую очень однозначно) поведение целого, а стало быть, и его способность к самосохранению"²³. Под понятие "функция" автор

²⁰ См.: Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1980.

²¹ Сетров М.И. Основы функциональной теории организации, с. 28.

²² Там же, с. 31.

²³ Там же, с. 32.

и подводит, в сущности, все содержание организации. Именно функция, по его мнению, объединяет и наполняет содержанием все стороны и признаки в рамках определенной системы²⁴. Исходя из пяти основных принципов (принцип совместимости, принцип актуализации функций, принцип нейтрализации дисфункций, принцип сосредоточения функций и принцип лабилизации функций), автор в одном месте характеризует организацию как единство экстенсивной (статической) и интенсивной (динамической) структур при ведущей роли последней²⁵, а в другом месте пишет: "Организацией является совокупность явлений, свойства которых проявляются как функции сохранения и развития этой совокупности"²⁶. Понятие организации, по его мнению, выступает выражением единства связей сосуществующих вещей и связей моментов их изменения²⁷. Мы видим, что М.И. Сетров, таким образом, связывает организованность системы с ее функциональностью. Но функциональностью какой системы? Опять-таки машины или машиноподобных систем. Ведь он говорит прямо: "Организация любого объекта носит функциональный характер, но особенно ярко функциональность проявляется в организации искусственно созданных механизмов"²⁸.

Один из виднейших кибернетиков - У.Р. Эшби в своей дедуктивной теории систем исходит из математической абстракции "машина вообще"²⁹, понимая под последней все системы с "машиноподобным" поведением, суть которых состоит в том, "что внутреннее состояние машины и состояние окружающей среды однозначно определяют последующее состояние машины"³⁰. Организацию автор связывает с зависимостью: "Как только связь между двумя величинами А и В начинает зависеть от значения или состояния величины С, необходимый компонент "организации" оказывается налицо". У.Р. Эшби делает вывод, что "... теория организации частично совпадает с теорией функций более

²⁴ С е т р о в М.И. Основы функциональной теории организации, с. 25.

²⁵ Там же, с. 34.

²⁶ Там же, с. 37.

²⁷ Там же, с. 51.

²⁸ Там же, с. 144.

²⁹ См.: Э ш б и У.Р. Принципы самоорганизации. - В кн.: Принципы самоорганизации. - М.: Мир, с. 320-322.

³⁰ Там же, с. 321.

чем одного переменного"³¹. И далее он отмечает, что так как понятием, противоположным понятию "зависимость", является понятие "независимость", то понятию организации следует противопоставить понятие "сводимость" или, иначе, "разделимость".

Итак, Я. Зеленецкий, В.П. Боголепов, М.И. Сетров и У.Р. Эшби связывают специфику организации с функциональной упорядоченностью, которая понимается как результат взаимозависимости и взаимного влияния компонентов системы друг на друга. Правда, У.Р. Эшби отдает себе отчет в том, что он употребляет термин "организация" в несколько "неестественном" для этого слова значении. Поэтому он и использует этот термин в кавычках. Но так или иначе, он, как и Я. Зеленецкий, В.П. Боголепов, М.И. Сетров, а также и другие вышеназванные авторы, использует термин "организация" для выражения упорядоченности. Последняя, однако, согласно традиционным термодинамическим представлениям, на которые авторы обычно опираются, характеризует систему не в качественном плане, а с количественной стороны; она сводится к отклонению от наиболее вероятного для данных условий распределения элементов. Такая трактовка упорядоченности не позволяет использовать ее как критерий живого^{*}. Биологи нуждаются в таком понятии организации, которое включило бы в себя и определенные качественные моменты. Так, например, А.А.Малиновский, используя термин "организация" (точнее "организованность"), именно этого и добивается. Он предлагает следующее определение: "Организованность будем определять как показатель отличия свойств и проявлений системы от свойств и проявлений простой суммы частей ... Если упорядоченность есть абстрактный показатель системы, характеризующий ее в целом, "безлично", просто как число, то организованность - показатель конкретный, "именованный", и для одной и той же системы в каждом аспекте может быть иным"³².

³¹ Эшби У.Р. Принципы самоорганизации. - В кн.: Принципы самоорганизации, с. 315.

^{*} Фактическую несостоятельность таких воззрений, согласно которым живое якобы отличается от неживого большей упорядоченностью (и соответственно меньшей величиной энтропии, в ее традиционном понимании), показал Л.А. Блюменфельд (Блюменфельд Л.А. Критерий живого и физика. - В кн.: Критерий живого. - М.: изд-во МГУ, 1971, с. 57-64).

³² Малиновский А.А. Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложениями теории систем к биологии). - В кн.: Системные исследования. М.: Наука, 1980, с. 86.

Некоторые биологи и философы связывают термин "организация" с термином "целенаправленность". "Такие понятия, как орган, функция, адаптация, регуляция, организация и т.п., - пишет Х. Равен, - теряют смысл, если не учитывать их финалистического аспекта; все попытки рассматривать их лишь путем разложения на физические или химические элементарные единицы обречены на бесплодие"³³. Для обозначения целенаправленных процессов К. Питтендрей, как известно, ввел термин "телеономия"³⁴. Целенаправленность (телеономичность) как специфический признак организации выделяют еще А.А. Малиновский³⁵, В.А. Геодакян³⁶, Т. Сутт³⁷ и др.

Некоторые авторы подчеркивают важность математического уточнения понятия организации. В естественнонаучной и философско-методологической литературе неоднократно высказывались идеи построения новой замкнутой системы понятий, частными или предельными случаями которой могли бы оказаться современная физика, химия и биология. Фундаментальная роль в этой системе отводится именно понятию "организация". И.А. Акчури, который в нашей литературе энергично разрабатывает идею о возможной общей теории, замечает по этому поводу: "Сейчас и для физиков и для биологов, можно сказать, решающее значение приобретает строго математическое уточнение, экспликация с помощью тех или иных пространств понятия организации - совершенно фундаментального для понимания мира как элементарных частиц, так и живого"³⁸. Для создания теории он

³³ Равен Х. Оогенез. Накопление морфогенетической информации. М.: Мир, 1964, с. 268.

³⁴ См. об этом, напр.: Маур, Е. Teleological and Teleonomic: A New Analysis. - Boston Studies in the Philosophy of Science, 1974, Vol. 14, pp. 91-117.

³⁵ Малиновский А.А. Некоторые вопросы организации биологических систем. - В кн.: Организация и управление, с. 105-138.

³⁶ Геодакян В.А. Организация систем - живых и неживых. - В кн.: Системные исследования. - М.: Наука, 1970, с. 49-62; Геодакян В.А. Концепция информации и живые системы. - Журнал общей биологии. 1975, № 3, с. 336-347.

³⁷ Сутт Т. Проблема направленности органической эволюции. Таллин: Валгус, 1977.

³⁸ Акчури И.А. О перспективах синтеза физики и биологии. - В кн.: Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни. М.: Наука, 1976, с. 286.

считает необходимым изучать различные топологии, прежде всего неметрические, но операционально фиксируемые на категориях, на базе математической теории категорий и функторов³⁹. Таким образом, можно констатировать, что в современной науке все бóльшая роль отводится качественным возможностям математики. Так, в частности, очень мощным средством качественного анализа представляется "теория катастроф", которой мы коснемся чуть ниже.

В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что ни биологи, ни системотеоретики еще не разработали научного понятия организации. По нашему мнению, можно говорить только о попытках его создания.

В предложенных до сих пор вариантах определения этого понятия (выше мы коснулись пяти из них), как правило, не указывается, что или кто упорядочивает, организует. На то обстоятельство, что в имеющихся определениях системы не учитывается и даже не имеется в виду, что упорядочивает, обратил внимание, например, П.К. Анохин⁴⁰. В литературе по общей теории систем, как мы видели, термином "организация" авторы обозначают структурно-функциональную упорядоченность. На наш взгляд, введение слова "организация" должно быть связано с чем-то новым, что было бы нечто бóльшим, чем просто структурно-функциональная упорядоченность. Это большее мы связываем с ролью организатора, что в какой-то степени подтверждается соответствующим этимологическим анализом. Этимологически и семантически, как известно, термин "организация" происходит от латинского слова "органум" (греческого "оргانون") в значении инструмента, орудия⁴¹. По мнению Я. Зеленецкого, "... первоначально слово "организация" означало "обладание органами", т.е. наличие совокупности частей, функционально специализированных и приспособленных к нуждам целого"⁴². Как указывает П.Г. Светлов, термин "телеономия"

³⁹ Кроме уже указанной работы см.: А к ч у р и н И.А. Некоторые закономерности развития знания и проблемы его синтеза. - В кн.: Синтез современного научного знания. М.: Наука, 1973, с. 197-223 (специально об организации с. 206-209).

⁴⁰ См.: А н о х и н П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978, с. 59, 68 и др.

⁴¹ См.: З е л е н е в с к и й Я. Организация трудовых коллективов, с. 31-32.

⁴² Там же, с. 31.

образован от греческого telos в значении "конца" реакции и *nomos* в значении закона и означает "учение о закономерном значении конечных состояний, в то время как термин "телеология" происходит от греческого telos в значении "сознательно поставленной цели" и logos в значении "разумной сущности" и, следовательно, понимается как учение о сознательных целях и намерениях в природе⁴³. Ведь, действительно, телеономический аспект мы находим уже в учении Аристотеля. Вспомним, что он писал в "Физике": "... дело одной и той же [науки - познавать] "ради чего" и цель, а также [средства], которые для этого имеются. Ведь природа есть цель и "ради чего": там, где при непрерывном движении (в широком смысле. - Л.Н.) имеется какое-то окончание движения, этот предел и есть "ради чего". Отсюда и смешная шутка, когда поэт договаривается до слов: "достиг кончины, ради которой родился"; однако цель означает [отнюдь] не всякий предел, но наилучший"⁴⁴.

Таким образом, слово "организация" связано с категориями 'средство' и "цель". При этом, как нам представляется, можно говорить как о сознательных целях, так и о несознательных. Ведь у сознательной цели есть нечто общее с поведением природы, т.е. несознательным поведением. Такой общей закономерностью, согласно Б.С. Украинцеву, является направленность к достижению определенного результата⁴⁵. В сущности та же точка зрения была еще раньше развита в работах М.Г. Макарова⁴⁶, автора, который в течение многих лет специально занимается проблемой цели. Итак, понятие организации следует связывать с понятием цели.

В этой связи возникают многие чисто философские проблемы, которые требуют специального философского анализа. Для понимания организации, как нам представляется, недостаточно просто констатировать, что данная система имеет цель. Необ-

43 С в е т л о в П.Г. Онтогенез как целенаправленный (телеономический) процесс. - Архив анатомии и эмбриологии, т. 63, вып. 8, 1972, с. 5.

44 А р и с т о т е л ь. Физика. Соч. в 4-х т., т. 3. М.: Мысль, 1981, с. 86.

45 У к р а и н ц е в Б.С. Самоуправление системы и причинность. М.: Мысль, 1972, с. 128.

46 Сошлемся здесь на две содержательные монографии М.Г. Макарова: М а к а р о в М.Г. Категория "цель" в домарксистской философии. Л.: Наука, 1974; М а к а р о в М.Г. Категория "цель" в марксистской философии и критика телеологии. Л.: Наука, 1977.

ходимо еще ответить на вопросы: 1) кто или что ее ставит? 2) имеем ли мы дело с единственно возможной целью? 3) могли ли ей предшествовать цели в прошлом? 4) могут ли со временем появляться новые цели? Далее. Если какая-то система из многих компонентов движется к определенному пределу ("концу"), то естественно предполагать, что в ней существуют ограничения, при которых компоненты системы вынуждены "вести себя" определенным образом. Значит, недостаточно просто констатировать, что система идет к пределу, необходимо еще ставить вопрос: откуда в системе возникают и существуют ограничения; что или кто их устанавливает? Те компоненты системы, которые подпадают под влияние ограничений (отбор) и можно рассматривать как средства.

Если обратиться к энциклопедиям, словарям и т.п., то бросается в глаза, что в одних случаях термином "организация" обозначается процесс, в других - результат, но никогда не охватывается в единстве процесс и результат. С нашей точки зрения, в обобщенные определения организации необходимо включать как процессуальное, так и результативное значения, и притом обязательно так, чтобы они были неразрывно связаны друг с другом. Ведь все, что происходит при ограничениях в определенной системе, имеет значение как процесса, так и результата. Общая картина такова. Организатор устанавливает ограничения в объективном процессе (заранее или /и/ в ходе процесса). В результате этого, часть компонентов, участвующих в нем, проходит в элементарном акте две стадии: во-первых, превращение в органы (средства) (подпадание под влияние ограничений) и, во-вторых, функционирование при ограничениях.

Таким образом, без учета действий организатора вообще нет смысла говорить об организации. А организатор - это внешний по отношению к системе агент. Отсюда нетрудно понять, что последовательное проведение такой точки зрения приводит в конечном счете к идеализму, к отрицанию внутренней активности материальных систем. Однако кроме термина "организация" используется еще и термин "самоорганизация", который не предполагает организатора как внешнего агента. Но понятие самоорганизации появилось в науке только в связи с возникновением кибернетики. Недавно возникло новое научное направление - синергетика, в котором понятие "самоорганизация" стало играть еще более важную роль. Именно потому, что в естествознании долгое время отсутствовало понятие самоорганизации, и

стали возможными разного рода идеалистические спекуляции (телеология, витализм и т.п.). Далее мы и перейдем к рассмотрению понятия самоорганизации.

Так как термин "самоорганизация" естественным образом связан с термином "организация", то в данном случае нас интересует прежде всего то, какой смысл вкладывается разными авторами в приставку "само". Термин "самоорганизация" широко используется в кибернетике. Этим термином обычно обозначают общенаучное понятие. Мы не будем здесь приводить конкретных формулировок его определения⁴⁷. Отметим лишь, что авторы говорят об относительно активных, самостоятельных и спонтанных процессах, происходящих без вмешательства человека^{*}, о гомеостазе и обратных связях, о переработке информации, об автоматическом приспособлении систем к изменяющимся внешним условиям и т.д. У.Р. Эшби подразумевает под самоорганизацией, во-первых, самостоятельный (без вмешательства человека) переход (изменение) "от системы с независимыми частями к системе с зависящими друг от друга частями"⁴⁸ и, во-вторых, изменение от "плохой" организации системы к "хорошей" организации в каком-то определенном отношении⁴⁹. Если теперь вспомнить о той его трактовке организации, которую мы кратко изложили выше, то ясно, что "самоорганизация" в ее первом значении означает здесь возникновение систем с "машиноподобным" поведением. Под второе значение подпадает, например, самообучение.

Понятие самоорганизации "работает" также в теории само-развития элементарных открытых каталитических систем, кото-

⁴⁷ Конкретные формулировки, данные как кибернетиками, так и философами, см., напр.: Л я п у н о в А.А. О некоторых общих вопросах кибернетики. - В кн.: Проблемы кибернетики, вып. I. М.: Физматгиз, 1958, с. 13; М о и с е е в В.Д. Центральные идеи и философские основы кибернетики. М.: Мысль, 1965, с. 258; П е т р у ш е н к о Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М.: Мысль, 1975, с. 20; О р ф е е в Ю.В., Т ю х т и н В.С. Мышление человека и "искусственный интеллект". М.: Мысль, 1978, с. 119; Д у б р о в с к и й Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980, с. 97.

^{*} Имея в виду предмет кибернетики, в который входят устройства, созданные человеком, можно сказать, что выражение "без вмешательства человека" не исключает смысл "созданный человеком".

⁴⁸ Э ш б и У.Р. Принципы самоорганизации. - В кн.: Принципы самоорганизации, с. 328.

⁴⁹ Там же, с. 322-329.

рую развивает А.П. Руденко⁵⁰. Эта теория, в конечном счете, также основывается на кибернетических принципах и, следовательно, в ней не учитываются физические основы описываемых и объясняемых ею процессов. Согласно этой теории, исходным пунктом добиологической эволюции является простейшая элементарная открытая каталитическая система (ЭОКС), состоящая из элементарного катализатора и постоянно текущей на нем базисной каталитической реакции. Понятие самоорганизации А.П. Руденко связывает с полезной мощностью базисной реакции: "Самоорганизация характеризуется полезной работой, производимой базисной реакцией во внутренних рабочих процессах в кинетической и конституционной сферах ЭОКС, и может быть оценена по КПД (коэффициент полезного действия. - Л.Н.) базисной реакции, т.е. отношением доли энергии, затрачиваемой на рабочие процессы, ко всей освобождаемой базисной реакцией энергии"⁵¹. Автор рассуждает так. Для того, чтобы открытая элементарная каталитическая система существовала и могла развиваться, в ней должны происходить процессы, работающие против стремления системы к термодинамическому равновесию. А для этого нужно постоянное наличие энергии. Чтобы постоянное обеспечение системы энергией представлялось возможным, автор и постулирует существование базисной реакции. Ясно, что А.П. Руденко придерживается точки зрения, согласно которой возникновение структур невозможно вывести из второго начала термодинамики. Однако И. Пригожин и его сотрудники (см. ниже) к настоящему времени такое воззрение отвергли.

Анализ показывает, что все имеющиеся представления о самоорганизации, которые так или иначе основываются на принципах кибернетики, не выходят за рамки той математической

⁵⁰ См.: Руденко А.П. Теория саморазвития открытых каталитических систем. М.: изд-во МГУ, 1969; Руденко А.П. Химическая добиологическая эволюция каталитических систем и критерий живого. - В кн.: Критерий живого. М.: изд-во МГУ, 1971, с. 37-56; Руденко А.П. Эволюционный катализ и проблема происхождения жизни. - В кн.: Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни. М.: Наука, 1976, с. 186-235.

⁵¹ Руденко А.П. Саморазвитие элементарных открытых каталитических систем и химическая эволюция. - В сб.: Эволюция материи и ее структурные уровни (Тезисы выступлений к III Всесоюзному совещанию по философским вопросам современного естествознания). М.: изд-во АН СССР, 1981, с. 18.

точки зрения, согласно которой организация описывается как функция конечного числа (хотя обычно и большого) переменных. Весьма характерно также, что авторы, осмысливая самоорганизацию, как правило, ссылаются на понятия обратной связи и гомеостаза. Но ведь эти, как и другие понятия кибернетики, происходят из техники. А для живых систем важен, в частности, не гомеостаз (он относится исключительно к неживым системам), а принципиально другое явление — гомеорез, суть которого сводится к поддержанию изменений⁵². Пусть кибернетические устройства и обладают теми или иными "хорошими" способностями (которые авторы отмечают в своих формулировках определения самоорганизации), но они все же не могут самостоятельно (самопроизвольно, спонтанно) возникать. Таким образом, в кибернетическом понятии самоорганизации приставка "само" "работает не в полную мощь"^{*}.

Те научные дисциплины, которые рассматривались выше, мы характеризуем как науки об управлении. Во всех этих науках ставится вопрос: как сделать так, чтобы тот или иной объективный процесс дал желаемый человеком результат? На уровне логики мышления у представителей этих наук, как мы видели, преобладают обычные для стиля математического естествознания рассуждения о целом как о совокупности частей с "силовым" взаимодействием между ними, о "силовой" связи, о "механизме" (о "машиноподобном" поведении) и т.п.

О коренных изменениях знания в математическом естествознании можно говорить лишь начиная с момента создания основ сильно неравновесной термодинамики (обобщенной термодинамики) И. Пригожиным и его школой. (В логическом плане истоки этого направления науки уходят во времена Ч. Дарвина).

В своих последних работах И. Пригожин и его соавторы⁵³

⁵² См.: Уоддингтон К.А. Основные биологические концепции. — В кн.: На пути к теоретической биологии. I Прологомены. М.: Мир, 1970, с. 21; комментарии Р.Тома. — Там же, с. 39-40.

^{*} Здесь следует отметить, что сам У.Р. Эшби видит неудачность выражения "самоорганизующаяся", так как, с точки зрения кибернетики, "самоорганизующейся" какая-то часть ("машина") может быть названа только при условии, что она соединена с другой частью ("машиной") внутри целого, состоящего из них обоих. При этом причина изменений дополнительной переменной может находиться в любой из двух частей (Эшби У.Р. Принципы самоорганизации. — В кн.: Принципы самоорганизации, с. 331).

⁵³ См.: Гленсдорф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуа-

показали, что самоорганизация возможна лишь в сильно неравновесных системах, при действии определенных нелинейных кинетических закономерностей. В термодинамике сильно неравновесных систем самоорганизация понимается как возникновение упорядоченных макросостояний – так называемых диссипативных структур –, устойчивых состояний, характеризующихся меньшей величиной энтропии при неминимальном значении свободной энергии системы, в результате чисто статистических процессов – микрофлуктуаций – при значительном отклонении параметров открытой системы от равновесного состояния. Для нахождения возникающей неустойчивости, в результате которой и возможно появление названных структур, П. Гленсдорф и И. Пригожин используют принцип избыточного производства энтропии. Существенно отметить, что И. Пригожин и его сотрудники делают акцент не на том, что происходит внутри системы, а на внешних условиях (размеры, геометрия, граничные условия и т.д.), в которых система в целом находится.

На неравновесной термодинамике И. Пригожина основывается теория самоорганизации молекул М. Эйгена⁵⁴. В своей теории М. Эйген дает физическое обоснование дарвинской теории эволюции. Он учитывает не только жестко детерминированные процессы, но и случайные события (случайные в том смысле, что они не имеют никакого инструктированного функционального значения). Автор убедительно показывает, что самоорганизация отнюдь не является универсальным свойством материальным систем, а возможна лишь при особых физических условиях. Исходная позиция М.Эйгена привлекает философа тем, что она включает в себя диалектический взгляд на соотношение случайности

ций. М.: Мир, 1973; Пригожин Н., Николлис Ж. Биологический порядок, структура и неустойчивость. – Успехи физических наук, 1973, т.109, вып.3, с. 517-544; Николлис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979; Prigogine, I., Stengers, I. The New Alliance. – Scientia, 1977, Vol. II2, No. 5-8, pp. 319-332 /Part I/; No. 9-12, pp. 643-653 /Part 2/; Prigogine, I. Time, Structure and Fluctuations. – Science, 1978, Vol. 201, No. 4358, pp. 777-785.

54 Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М.: Мир, 1973; Эйген М. Молекулярная самоорганизация и ранние стадии эволюции. – Успехи физических наук, 1973, т. 109, вып. 3, с. 545-589; Эйген М., Винклер Р. Игра жизни. М.: Наука, 1979.

и необходимости^{*}. Также и обратная связь в этой теории понимается шире, чем в кибернетике, где она связывается только с жесткой детерминацией. В своей теории автор использует и понятие информации в более широком смысле, чем это делается в кибернетике, где учитывается лишь количество информации. М. Эйген вводит специальный термин "селективная ценность" для обозначения информации, прошедшей через "фильтр" отбора. Ведь действительно, для функционирования, скажем, живого организма важен не столько рост информации, сколько ее пригодность к использованию для нужд организма.

Несколько более широким, по сравнению с подходом И. Пригожина, является подход Г. Хакена⁵⁵. Г. Хакен, который для обозначения новейшего комплекса наук (включающего широкий диапазон научных дисциплин от астрофизики до социологии) ввел специальный термин "синергетика" (означающий совместное, или кооперативное, действие), указывает и специально, из каких представлений об организации и самоорганизации он исходил при разработке теории. Имея в виду в качестве примера группу рабочих, он пишет: "Об организации говорят в том случае, если каждый рабочий действует точно определенным образом после получения указания извне, например от руководителя. Под словом организация понимают также, что регулируемое таким образом поведение приводит к объединенным действиям с целью производства определенного продукта". И далее: "Тот же самый процесс называется самоорганизацией, если внешние упорядочивающие воздействия отсутствуют, а рабочие трудятся коллективно благодаря взаимопониманию, устанавливаемому между ними самими, причем в производстве продукта каждый рабочий выполняет свою функцию"⁵⁶. Общим понятиям Г. Хакен дает конкретные определения в строгих математиче-

^{*} Здесь, по-видимому, необходимо сделать одно замечание. Естественнонаучные дисциплины не обязательно должны учитывать все категории диалектики. Мы знаем (в частности, из работы А.Т. Артюха: А р т ю х А.Т. Категориальный синтез теории. Киев: Наукова думка, 1967), что вначале в причинно-следственных связях в математическом естествознании учитывали лишь необходимость, а случайность выступала, так сказать, в неявном виде. Только последующее развитие точных наук привело к тому, что начали учитывать и случайность. Ясно также, что абсолютизация уже имеющейся категориальной структуры той или иной конкретной научной дисциплины означала бы остановку познавательного процесса.

55 См.: Х а к е н Г. Синергетика. М.: Мир, 1980.

56 Там же, с. 226.

ских терминах⁵⁷. Для описания широкого класса отклонений (следствий), возникающих под действием внешних причин (обозначаемых как заданные величины) в физических, химических, биологических и социологических системах автор использует полностью детерминистские уравнения.

Философское рассмотрение теории Г. Хакена показывает, что под внешними причинами в ней подразумеваются различного рода ограничения, установленные человеком. В данном случае введение понятия "организация" имеет смысл, так как оно противопоставляется понятию "самоорганизация", которое предполагает полное отсутствие ограничений со стороны человека.

Определяя самоорганизацию, автор включает внешние силы как части полной системы. Только теперь он рассматривает эти силы уже не как заданные величины, а как переменные, подчиняющиеся уравнениям движения. Для описания самоорганизации автор использует концепцию параметра порядка. Параметром порядка он в общем случае называет величины, если они подчиняют себе другие подсистемы в сложных системах, т.е. в системах с огромным числом взаимодействующих субъединиц. В рамках синергетики выясняется интересное обстоятельство: для существования решения нелинейных уравнений требуется наличие случайного события; оказывается, что для того, чтобы самоорганизация возникла или могла продолжаться в будущем, нужны флуктуации. В достаточно сложной ("большой") системе флуктуации генерируются самой системой. Поэтому в такой системе и возможно спонтанное образование структур. Последовательность образования макроскопических пространственно-временных структур в такой системе зависит исключительно от внутренних связей и истории системы. Конечно, согласно теории, для этого нужны еще достаточно мощные вещественно-энергетические (и информационные) потоки, но существенно то, что для возникновения внутренней согласованности системы не требуется регулярность подвода к ней вещества, энергии или информации. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в понятии "самоорганизация" приставка "само" впервые в истории математического естествознания несет полную семантическую нагрузку только в обобщенной термодинамике и синергетике. Объекты, исследуемые этим научным направлением, в буквальном смысле этого слова организуют себя сами.

⁵⁷ См.: Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980, с. 226-237.

В свете вышесказанного интересно отметить, что различного рода внезапные изменения исследователи традиционно объясняют как результат внезапных внешних воздействий (вторжений). Но как показывает "теория катастроф", для объяснения таких скачков совершенно не обязательно предполагать внезапное внешнее влияние — такие изменения происходят и без этого⁵⁸. В свете этой теории бесплодными оказываются и существующие линейные приближения в социально-экономических моделях. В действительности развитие систем ведет не к одному единственному оптимальному состоянию: так как внешняя среда постоянно меняется, то система непрерывно "перескакивает" с одного оптимального (устойчивого) состояния на другое, и притом не на самое оптимальное (устойчивое) из всех возможных, а на самое оптимальное (устойчивое) из всех других "поблизости"⁵⁹. Теория катастроф — это преимущественно качественная теория (числами она не интересуется, хотя ее положения в принципе могут быть выражены и в числах). В свете этой теории вполне совместимы чисто каузальный и телеономический подходы. Более того, с точки зрения основоположника этой теории Р.Тома, "метафизическим" и экспериментально не подтверждаемым оказывается именно первый подход, поскольку он постулирует сводимость всех явлений к физико-химическим процессам⁶⁰.

При синергетическом подходе (как и в теории эволюции Дарвина) для объяснения восходящего развития не нужно постулировать никакие "запасы невероятности", как это приходилось делать, исходя из Больцмановского принципа упорядоченности, который связывает возможность образования низкоэнтропийных упорядоченных структур с низкими температурами. Приспособление открытой макроскопической системы к среде никогда не достигнет абсолютной приспособленности, так как среда — это также самоорганизующаяся система, которая изменяется, так сказать, во всевозможных направлениях. Самоорганизующаяся система функционирует ("живет") до тех пор, пока она способна через определенные периоды времени совершать качественные скачки, т.е. до тех пор, пока система успевает качественно изменять себя в соответствии с изменениями в среде.

⁵⁸ П о с т о н Т., С т ю а р т И. Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980, с. 518-319.

⁵⁹ Там же, с. 519, 20 и др.

⁶⁰ Т о м Р. Динамическая теория морфогенеза. — В кн.: На пути к теоретической биологии. I Прологомены, с. 153-154.

Важно также то обстоятельство, что в рамках математического естествознания впервые только синергетическому подходу удалось достаточно корректно учитывать принцип диалектического единства истории, структуры и функции.

Можно сказать, что, несмотря на то, что теория катастроф⁶¹, обобщенная термодинамика, синергетика перекрываются неполностью, они все же характеризуются общим стилем мышления, в котором преобладают такие понятия, как "бифуркация", "предельный цикл", "структурная устойчивость", "организующий центр", "когерентность" и др. Как мы видели, это научное направление имеет принципиально новые достижения в отношении всего научного стиля мышления. Отметим здесь хотя бы то, что если, например, термин "неустойчивость" в рассуждениях исследователей еще до последнего времени ассоциировался со словами типа изменчивость, подвижность, преходящность и т.п., то в рассуждениях представителей синергетического направления данный термин скорее всего ассоциируется с такими словами, как кризис, проблемная ситуация, беспокойство и т.п.

Резюмируем вышесказанное. На основе конкретных текстов мы установили, что термин "организация" используется: 1) в качестве синонима "структуры"; 2) для обозначения неустойчивой (изменчивой, подвижной, преходящей) упорядоченности; 3) для выражения функциональности машиноподобных систем; 4) как показатель эффекта целостности систем (отличия свойств и проявлений системы от свойств и проявлений простой суммы ее частей); 5) для учета телеономичности развития систем. Этот список, вероятно, при охвате более широкого круга текстов, можно было бы продолжить. Во всех перечисленных случаях нельзя еще говорить о научном понятии организации, а следовательно, и о каких-либо изменениях научного знания об организации. Но в рамках синергетики термины "организация" и "самоорганизация" обозначают уже самостоятельные научные понятия. Понятие "организация" используется для выражения возникновения согласованного поведения в системе в случае, если

⁶¹ Более подробно можно ознакомиться с теорией катастроф еще, например, по следующим работам: Чернавский А.В. Применение теории катастроф в психологии и экономике. - В соб.: Число и мысль, вып. 2. М.: Знание, 1979, с. 121-135; Бреккер Т., Ландер Л. Дифференцируемые ростки и катастрофы. М.: Мир, 1977; Земан, E.C. Catastrophe Theory. - Scientific American, 1976, April, Vol. 234, No. 4, pp.65-82; Колата, G.B. Catastrophe Theory: the Emperor Has No Clothes. - Science, Wash., 1977, Apr. 15, Vol.196, No.4287, pp.287, 350-351.

Согласованность детерминируется внешними упорядочивающими воздействиями. Понятие "самоорганизация" же выражает возникновение внутренней согласованности в открытых макроскопических системах при отсутствии внешних упорядочивающих воздействий. Эти понятия имеют два неразрывно связанных друг с другом значения - значение акта или процесса и значение результата. Результат в обоих случаях обозначается одним и тем же термином "организация". Таким же словом именуется акт или процесс организации, осуществляемый сознательными целенаправленными действиями человека (общества). Для обозначения объективного (не зависящего от сознания) акта или процесса организации используется термин "самоорганизация". Употребление терминов "организация" и "самоорганизация" в синергетике соответствует общефилософским соображениям, высказанным нами в данной статье. Суть их заключается в том, что организация требует организатора, самоорганизация - нет. В связи с этим можно, по крайней мере, ставить вопрос о категориальном статусе рассматриваемых понятий.

Так как понятие самоорганизации выражает возникновение макроскопической ("коллективной") активности в материальных системах, оно является мощным средством против всякого рода идеалистических спекуляций, отрицающих внутреннюю активность материальных систем.

Поступила в редакцию 15 декабря 1981 г.

ЭТИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ И. КАНТА

Е.А. Голиков

Политические взгляды Канта недостаточно освещены в марксистской философской науке. Пожалуй, можно указать лишь на две работы, в которых рассматривается политическая концепция кенигсбергского философа, да и то в весьма общем плане. Имеются в виду известная монография А.М.Деборина и один из разделов в коллективной работе "Политические учения: История и современность. Домарксистская политическая мысль"¹. Более подробно эта сторона кантовской системы описана в немарксистской кантоведческой литературе². Последнее обстоятельство также должно стимулировать марксистские исследования политических взглядов Канта.

Политическое учение, политические взгляды Канта в целом представляют сегодня интерес прежде всего потому, что сам философ видел в политике сферу реализации, осуществления и приложения теоретико-мировоззренческих принципов, развернутых Кантом в гносеологии, этике и учении о целесообразности.

¹ Деборин А.М. Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. 2, Очерк восьмой; М.: Наука, 1967; Политические учения: История и современность. Домарксистская политическая мысль./Отв. ред. Луиив В.Б. М.: Наука, 1976.

² Например, в работах: B o r r i e s, K. Kant als Politiker. Zum Staats und Gesellschaftslehre der Kritizismus. Leipzig, 1928; B u r g, P. Kant und die Französische Revolution. Berlin, Duncker und Humbolt, 1974; D e n n e r t, J. Die Ontologisch-aristotelische Politikwissenschaft und der Rationalismus. Eine Untersuchung des politischen Denkens Aristoteles, Descartes, Hobbes, Rousseau und Kants. Berlin, Duncker und Humbolt, 1970; H a e n s e l, W. Kants Lehre vom Widerstandsrecht. Ein Beitrag zur Systematik der Kantischen Rechtsphilosophie. Berlin, 1926; L i n s a r e s, F. Beiträge zur negativen Revolutionstheorie. Plato, Thomas von Aquin, Bacon, Kant, Percha am Starnberger See, Schulz, 1975; L u f, G. Freiheit und Gleichheit: Die Aktualität im politischen Denken Kants. Wien, New-York, Springer-Verlag, 1978; Materialien zu Kants Rechtsphilosophie. Hrsg. von Batscha Z. Frankfurt am Main, 1976; S a n e r, H. Kants Weg vom Krieg zum Frieden. Bd. I. München, Piper, 1967.

Политическая деятельность должна быть реализацией этих принципов, резюмирующихся в требованиях нравственного закона, полагал Кант, но судьба его собственного учения показала, что сфера политической деятельности является пробным камнем для теории, самой серьезной ее проверкой. Поэтому в политических взглядах Канта можно обнаружить не только приложение, но и известное развитие его общефилософских взглядов, в особенности применительно к таким проблемам, как соотношение сущего и должного, свободы и необходимости.

В системе политических взглядов Канта необходимо различать два уровня: теоретико-философский и социологический. Первый характеризует кантовское понимание сущности политической деятельности, ее специфических форм; а также философское обоснование природы политики. Последнее осуществляется в философско-исторических, правовых и антропологических взглядах Канта, которые, таким образом, также необходимо включать в сферу анализа при изучении политических аспектов философии Канта.

Социологический уровень включает в себя совокупность взглядов философа на конкретную политическую реальность: его понимание форм и механизмов политической деятельности и т.д. В настоящей работе мы остановимся на характеристике только первого аспекта политического учения Канта.

Специфику политической деятельности Кант определяет в соответствии с принципами собственной философии права, а также этическим и антропологическим учением. Переход от нравственности к праву обусловлен, согласно Канту, необходимостью внешнего принуждения как регулятора отношений между людьми в обществе, необходимостью согласовывать произвол каждого со свободой всех. В соответствии с дуалистическими принципами учения о человеке Кант различает два способа согласования индивидуального произвола и соответственно — два типа поведения: легальное и моральное.

Моральность характеризует внутреннюю убежденность личности, совпадение мотивов воли с требованиями долга. Легальность касается внешней формы поступка, а не его мотива, выражает соответствие деяния нравственно должному при расхождении с ним мотива. По поводу этого различия читаем у Канта: "Если определение воли хотя и совершается сообразно с моральным законом, но только посредством чувства..., следовательно, совершается не ради закона, — то поступок будет со-

держат в себе легальность, но не моральность"³.

Для обеспечения свободы и безопасности индивида в обществе большего и не требуется. Легальность поведения достигается путем внешнего принуждения, санкционируемого и ограничиваемого системой действующего права. Право, таким образом, не может предписывать личности большего, чем простое внешнее соблюдение законности, но для такого обеспечения правопорядка оно правомочно прибегать к силе. Собственно, только на реальной силе, отмечал Кант, основывается и авторитет, и действенность права, его правомочие. Нетрудно видеть, что кантовское понимание политической деятельности тесно связано с его обоснованием права, с поисками его источника.

В обосновании права Кант следовал традиции, берущей начало от Пuffендорфа — традиции морального обоснования права⁴. Согласно взглядам представителей данного направления, формы государственной организации, а также право должны быть выведены из нравственного сознания. Стремясь подвести под правопорядок и правосознание нравственную основу, Кант ставил задачу избежать как волюнтаристских, так и фаталистических выводов, к которым приходила предшествовавшая ему философско-правовая традиция⁵. Решить эту задачу в рамках избранного им подхода Кант мог только при условии совмещения в своей философии права феноменального и ноуменального — сущего и должного, что противоречило общей дуалистической ориентированности его мировоззрения. Хотелось бы отметить, что в философии права и политическом учении проблема синтеза свободы и необходимости, сущего и должного впервые предстала перед Кантом как действительно неразрешимая при помощи метафизического метода, ведь в реальной истории разведение противоположно-противоречивых аспектов сущего и должного было невозможно, ибо история феноменальна. Таким образом, именно в сфере ис-

³ Кант И. Соч. в 6 томах, т. 4, ч. I. М.: Мысль, 1963—1966, с. 395.

⁴ О специфике кантовского морального обоснования права см.: Богомолов А.С. Проблема диалектики общественно-развития в социально-политическом учении Иммануила Канта. // Вестник Московского ун-та, Философия, 1975, № 2, с. 41—50; Соловьев Э.Ю. Теория общественного договора и кантовское моральное обоснование права. — В кн.: Философия Канта и современность. — М.: Наука, 1974, с. 184—235.

⁵ См. об этом: Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М.: 1901, с. 108.

торической деятельности, в сфере политики обнаруживается недостаточность (в целом очень глубокой и перспективной) попытки теоретического объединения свободы и природы, теоретического и практического разума в целесообразной деятельности, в частности, в сфере искусства.

В философии истории и в политико-правовом учении Кант не предлагает иных теоретических решений указанной проблемы, более того, он не оставляет попыток истолковать проблему сущего и должного, свободы и необходимости в соответствии со схемой решения антиномий, применявшейся им в гносеологии и этике. Данное обстоятельство обусловило появление в социально-историческом и политико-правовом учении Канта целого ряда противоречий, теоретическое разрешение которых было бы возможно только при допущении в качестве принципа развития живого, диалектического противоречия — источника и причины перехода общественной системы в качественно новое состояние. Обосновать возможность такого противоречия с позиций дуалистической методологии было сложно, и Канту оставалось два выхода, которыми он воспользовался: либо рассмотреть развитие истории телеологически; либо при описании процессов качественного, революционного преобразования общества практически предполагать развитие как разрешение и уничтожение противоречий внутри системы. При этом не обосновывать такое решение в рамках своей теории. Подобные внешние описания диалектически-противоречивого процесса социального преобразования, противоречащие основным методологическим установкам трансцендентальной философии, мы и находим в политико-правовом учении Канта, что позволяет говорить о том, что здесь Кант, если и не осознал, то во всяком случае наткнулся на проблему преодоления дуализма.

В попытке морального обоснования права Кант руководствуется также дуалистическими предпосылками. В создании форм государства и правопорядка, полагал философ, люди руководствуются идеей первоначального договора, которая представляет собой своеобразный социальный аналог нравственного закона. В соответствии с этой идеей люди и должны создавать действующее право. Но трудность заключается в том, что первоначальный договор представляет собой, по убеждению Канта, только регулятивную идею разума, т.е. становление реального права происходит также и под влиянием естественных склонностей индивидов. Возникает, следовательно, проблема осуществимости базирующегося на нравственности права, проблема перехода от

сущего (реально существующего, статутарного права) к должному — идеальному праву, не зависящему от чувственной природы. Возможно ли осуществление должного в статутарном праве, насколько правовой идеал может быть воплощен в действительности, с этим вопросом связано кантовское понимание характера и направленности исторического прогресса. Прогрессивный характер исторического развития, полагал Кант, выражается прежде всего в совершенствовании правопорядка и способов государственного управления, поэтому изучение политико-правовых преобразований, по Канту, должно быть предметом как философии истории, так философии политики и права. Сама философия истории, как и философия права возможны лишь постольку, поскольку в человеческой истории можно наблюдать прогресс легальности и можно указать на признаки такого прогресса⁶.

Переход от сущего к должному в философии истории и права был для Канта камнем преткновения в силу дуалистического противопоставления сущего должному. Своеобразие кантовской позиции во многих пунктах его социально-исторического и политико-правового учение проявлялось в том, что, будучи не в состоянии решить проблему такого перехода, Кант в отдельных своих суждениях становился то на точку зрения сущего, то исходил из должного, относился к явлениям политической реальности и как умеренно-осторожный, осмотнительный реалист и как своего рода романтик. Подобная двойственность свойственна и отношению Канта к революции, и его пониманию принципа суверенитета, и истолкованию права.

В философии права Канта по сути дела имеют место два различных понимания права: статутарное (реальное, эмпириче-

⁶ Мы специально отметили данное обстоятельство, поскольку в советской философско-социологической литературе нет единого мнения по вопросу о наличии в системе трансцендентального идеализма в качестве самостоятельных элементов философии истории и права. Как известно, показателем существования философии истории служит наличие особой рефлексии по поводу истории, а не просто высказывание каких-то суждений об истории и ее законах. Для философского представления об истории характерны две проблемы: как возможна история, каков ее онтологический статус, и как возможно познание истории, что можно познать в ней средствами философии? Думается, что у Канта имеются оба вопроса, а также и ответы на них, которые он стремится дать, опираясь на принципы дуализма и априоризма (см.: Идея всеобщей истории и Спор философского факультета с юридическим).

ское) и естественное (идеальное) право⁷. Такое различие вытекает уже из дуалистического учения Канта о человеке и более непосредственно — из его этики.

Естественное право представляет собой идею правопорядка, которая непосредственно вытекает из идеи первоначального договора и нравственного закона. Статутарное же право создается людьми в соответствии с правовой идеей и, хотя должно ориентироваться на естественное право как на свой образец, не может не зависеть от склонностей и интересов устанавливающих его индивидов. Поэтому, хотя люди как разумные существа должны руководствоваться требованиями нравственного закона, поскольку вообще, как утверждал Кант, основания чувственного мира находятся в мире умопостигаемом и определяются им⁸, тем не менее как чувственные существа они часто бывают весьма далеки от требований нравственно должного. Последнее обстоятельство служит причиной того, что в предписаниях статутарного права может реализоваться не только всеобщая, но и частная воля.⁹

Идея права и правовая практика часто противоречат друг другу, поскольку основываются на различных принципах. Неустранимость этого противоречия коренится, по мнению Канта, также в двойственном характере человеческой природы. Идея права (естественное право) базируется исключительно на принципах нравственности и сама выступает регулятивным принципом разума. Эта правовая идея предъявляет к реальному праву следующие требования, которые можно рассматривать в качестве принципов (разумеется, по Канту, априорных, вечных и неизменных) для построения системы реального (статутарного) права: 1. Признание личности высшей ценностью и целью бытия, а также развития истории, признание самоценности и неприкосновенности достоинства личности. 2. Рассмотрение общества, по-

⁷ На это различие неоднократно указывалось в советской кантоведческой литературе, см., напр., П и о н т к о в - с к и й А.А. Теория права и государства Канта. — В кн.: Философия Канта и современность, с. 157; С о л о в ь е в Э.Ю., ук. статья, там же, с. 221.

⁸ См. К а н т И. Соч., т. 4, ч. I, с. 298-299.

⁹ Из понятия статутарного права, в характеристике которого К а н т подходил к пониманию классовой природы права, следует относительность общеобязательности правовых предписаний. Данное обстоятельство нередко выпускают из виду, когда упрекают Канта в правовом ригоризме. Требование относится к реальному праву так, как если бы оно было идеальным, вытекает из примата должного, а не из тождества должного и сущего.

скольку оно состоит из разумных существ, в качества царства целей, что в свою очередь предполагает незаконность (безнравственность) противопоставления любой частной (эмпирической и эгоистической) воли всеобщей. 3. Возможность и необходимость основанного на разуме самозаконодательства индивидуальной воли, способной выбирать нравственно доброе = разумно-всеобщее и лишь благодаря этой своей автономии обязанной подчиняться принуждению правовых законов. Такая возможность рассматривалась Кантом как единственная гарантия моральности устанавливаемых правовых норм и любого политического акта.

Реальное (статутарное) право, в противоположность естественному, будет содержать в себе не только принципы нравственности, но и максимы себялюбия (разумеется, они не могут иметь общеобязательной силы и, с точки зрения этико-правовой теории Канта, не могут служить базисом для системы реального права, но поскольку идеальная и априорная правовая идея может осуществлять себя только таким образом, то Кант прибегает к искусственному приему, требуя относиться даже к деспотическому праву так, как если бы оно было идеальным. Поэтому отдельным эгоистическим себялюбцам удается выдать максимы собственного себялюбия за всеобщий принцип правопорядка)¹⁰.

Постулаты идеального права в процессе их осуществления в эмпирической реальности могут трансформироваться в нечто противоположное требованиям нравственности, и, хотя в сфере реальной политики, тем более, в теории, на них ссылаются чрезвычайно редко (одним из таких цинично-откровенных исключений является политическая доктрина Макиавелли), реальная политико-правовая практика строится, как правило, именно на том, что: I. Признается возможным использовать человека (как другого, так и самого себя) преимущественно в качестве средства для достижения любых эмпирических целей, к которым нас направляет чувственная природа. Следствием этого является убеждение в том, что достоинство и свобода личности могут

¹⁰ Нетрудно видеть, что отмеченная иллюзия является следствием метафизического метода Канта: основывая авторитет реального права на возможности чистого априорного права, Кант вынужден санкционировать слепое повиновение разумной личности самому открытому производству, рядящемуся в тогу законности. Получается обратное тому, к чему стремился философ, а он стремился обосновать возможность автономной, т.е. свободной и самостоятельной личности, способной быть субъектом социально-исторической, в том числе и правовой деятельности.

быть лишь относительными ценностями, поскольку они способствуют достижению прагматических целей. Неизбежным поэтому признается ущемление личностной автономии: от человека требуют демонстрации не только верноподданнических действий, но и образа мыслей, чувств и т.д. 2. Общественная жизнь (в ее нормальном состоянии!) рассматривается как борьба всех против всех¹¹, что является следствием неустранимости и неизбежности столкновения эмпирически обусловленных желаний и стремлений чувственных индивидов. Поэтому совершенно необходимы и естественны социальные антагонизмы, войны, конфликты, применение силы не для торжества справедливости, а для достижения корыстного интереса. 3. Вполне "законным" принципом подобной политико-правовой практики признается подмена всеобщей (нравственно-разумной, по убеждению Канта) воли частной, либо открыто противопоставляющей себя всеобщей воле (грубо-цинический деспотизм), либо объявляющей себя "защитницей", опекуном этой воли (деспотизм "просвещенный").

Кант, несомненно, отдавал себе отчет, что всякое реальное право может быть лишь несовершенным выражением правовой идеи¹², и его не следует путать с этой идеей. Такое различие обнаруживало критическое неприятие философом существующей политико-правовой реальности, о которой он предпочитал судить с позиций гуманистического долженствования. Именно за нежелание Канта принимать сущее за должное, действительность — за идеал, критиковали политико-правовое учение кенигсбергского мыслителя сторонники так называемой положительной теории права, исходившие из консервативных элементов философско-правового учения Гегеля. Несогласие последнего с позици-

¹¹ Дуалистичность политико-правового учения Канта проявилась и в том, что он стремился опереться на две противоположные системы политических теорий: на социально-политическую философию Гоббса с ее принципом "закон (следовательно, и слуга его) всегда прав" и на принципы либерализма, развиваемые в произведениях Локка, затем Монтескье и Руссо. Позиция Канта может быть понята лишь в контексте социально-исторической ситуации Германии конца XVIII века. Кант, выражая не только требования эпохи, но и ее возможности, стремился обосновать и отстоять принцип личностной автономии хотя бы для сферы собственного мышления, признавая неизбежным в области поступков применять суровую государственную власть.

¹² К а н т, разумеется, не замечал, что его идеальное право — только абстракция от вполне реальных социально-исторических отношений и что, следовательно, противоположность между идеалом и действительностью относительна.

ей Канта касалось не частных вопросов, а самой сути — мировоззренческих основ политического учения. Не случайно политико-правовые теории Гегеля и Канта нередко рассматриваются как типичные построения в области философии права, как две противоположные концепции политики и права¹³.

Гегель и его последователи не только исходили из принципа тождества бытия и мышления, что приводило к известной онтологизации политико-правового идеала, но и склонны были рассматривать в качестве воплощения разумности одну из существующих форм права и государства. Речь идет не о том, что всякая конкретная ступень в развитии правопорядка заключает в себе элементы "правопорядка вообще", является особенной формой выражения всеобщего, но именно о том, что в концепции Гегеля диалектическое развитие абсолютного духа должно завершиться конституированием государственно-правового идеала — правовой идеи, существующий теперь уже не только в себе, но и для себя, в форме наличного бытия. Проще всего было принимать за такое осуществление идеи последнюю по времени форму государства и права. Поэтому при всей своей диалектичности Гегель настаивал, скорее, на признании разумности действительного, чем на требовании действительности разумного. Такая позиция заключала в себе возможность некритического отношения к действительности, элемент "некритического позитивизма", отмеченного в философии Гегеля К. Марксом¹⁴. "Позитивизм" этот побуждал философа, во многом вопреки собственному диалектическому методу, искать идеал в уже существующем, ставшем, идеализировать сущее, тем самым закрывая возможность для становления новой, более совершенной действительности.

Кант, в противоположность Гегелю, не только различал, но противопоставлял сущее и должное, изолировал их (особенно в гносеологии и этике) как вещь саму по себе и явление. В философии права и политики это привело к противопоставлению политико-правовой реальности и идеала, что влекло за собой общие теоретические трудности в понимании реальных путей и средств осуществления идеала в процессе исторической смены государственно-правовых форм.

¹³ См., напр., К е ч е к ъ я н С. О понятии естественного права у Канта и Гегеля. — Б.м. и Г. — (Вырезка из журнала "Вопросы философии", кн. 128).

¹⁴ М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 42, с.157.

Кант, как представляется, был далек и от политического релятивизма, готового приспособиться к любой социальной системе, отыскать в ней "хорошее", и от исторического пессимизма, считавшего одинаково вредным и несправедливым любой новый социальный институт или государственно-политическую форму, приходящих на смену существующим¹⁵. Позиция мыслителя состояла, скорее, в том, что он, отрицая возможность абсолютной реализации социального идеала — "царства целей", не оспаривал возможности исторического прогресса и постепенного приближения к этому идеалу.

Подобная позиция обусловила весьма противоречивое отношение Канта к существующему правопорядку. Социально-исторический прогресс, полагал философ, возможен лишь как прогресс легальности, как такое изменение способа правления и политико-правовой структуры, при котором находила бы все более полное воплощение всеобщая воля (воля народа, рассмотренного как целое, как "идеальная общность"). Таким образом, условием осуществимости общественно-исторического прогресса Кант считал наличие действующего права, т.е. законности, опирающейся на авторитет и силу государства. Более того, непрерывность прогресса легальности достигается лишь при условии непрерывности и неумничтожимости правопорядка. Даже самое не совершенное право лучше бесправия, приводящего к "войне всех против всех", которая царил в так называемом состоянии "дикости", в доправовом состоянии. Поскольку всякое право способно регулировать и, если требуется, обуздывать эгоистические порывы эмпирически обусловленной воли, то оно всегда является выражением всеобщей воли.

Основанием для подобного "возвеличивания" права для Канта было только то обстоятельство, что правовое состояние позволяет осуществлять общественный прогресс разумным образом, без насилия и разрушений, которые совершенно неизбежны в доправовом состоянии и особенно страшны при переходе от первобытной свободы к правовому состоянию. Данное обстоятельство Кант специально подчеркивал в одном из фрагментов к "Антропологии"¹⁶. Между прочим, из содержания приведенного

¹⁵ О попытках истолковать социально-политическое учение Канта в духе исторического пессимизма см.: Б о г о м о л о в А.С., ук. статья, с. 49.

¹⁶ "Переход из состояния дикости в гражданское, от грубого к развитому (изобилие) вкусу, от незнания — к научному просвещению, короче говоря: от несовершеннолетия к совершеннолетию суть самое плохое".

высказывания Канта следует, что априорное истолкование права кенигсбергским философом вовсе не исключает его реального становления и исторического развития.

Понимание Кантом реального (статутарного) права имеет принципиальное значение для выявления позиции философа в вопросе о возможности и характере социально-исторического развития. Статутарное право, полагал Кант, антиномично в своей основе. Будучи правом, оно представляет и выражает всеобщую волю, свидетельством чего является и авторитет силы органов государственного принуждения, которые, поскольку стоят на страже закона, постольку и свидетельствуют, что воля большинства находится на его стороне. Поэтому посягательство на существующее право рассматривается Кантом как страшное преступление.

Но в статутарном праве неизбежно реализуется и частная воля деспота, стремящегося не только "подмять" его под себя, но и выдать свой частный интерес за всеобщую волю, ее выражение. Борьба против деспотически действующего монарха справедлива и правомерна, но она в то же время оказывается и посягательством на действующее право, и, что еще хуже - на идею права, рискует вернуть общество в естественное состояние. Кант, таким образом, столкнулся с мучительным для себя вопросом: возможны ли правозаконные формы сопротивления беззаконию, располагающему политической властью над обществом?

Ответ мыслителя на этот вопрос не был простым и однозначным, более того, Кант нигде его прямо не формулирует. Поэтому поставленный вопрос предполагает специальное исследование политико-правовых и философско-исторических взглядов Канта, которое мы не хотели бы предварять какой-то готовой формулой. В данном месте нам представляется возможным лишь отметить, что в политико-правовом учении Канта явно сосуществуют два взаимоисключающих отношения к действующему праву: понимание его узкоклассовой основы, где самодержавный деспотизм стремится выдать себя за общественную справедливость, и преклонение перед реальным правом, как если бы оно было идеальным выражением всеобщей воли.

В основе этой правовой антиномии лежат в сущности одни и те же этические установки, что указывает на их собственную внутреннюю противоречивость. С другой стороны, такое понима-

ние права свидетельствовало о том, что решение указанной проблемы не могло быть достигнуто теми теоретическими средствами, которыми располагал Кант. Оно, это решение, предполагало иной уровень политической практики, который позволил бы включить в процесс теоретического осмысления новые моменты, сделал бы возможным вопрос о допустимости сопротивления деспотически осуществляемому правопорядку, о правомерности насилия, а значит позволил бы само насилие подчинить закону. По сути дела Кант подходит к вопросу о том, что правозаконная борьба с беззаконием, скрывающимся за видимостью правопорядка, невозможна, но он не мог явно поставить, тем более — решить подобную проблему на основе своих этико-гносеологических предпосылок. Эту проблему поставила и решала сама жизнь — в практике первых буржуазных революций, свидетелем которых был философ.

Исторический опыт революционных преобразований XVIII столетия оказал заметное влияние на ход мыслей Канта, побудил его начать пересмотр некоторых важных принципов системы. Об этих изменениях, симптоматичных с точки зрения последующего развития кантианства, можно судить прежде всего на основе тех высказываний Канта, которые посвящены проблеме революции, реформы, права сопротивления и т.д. Именно эти проблемы составляют ядро политических взглядов философа, которые, будучи тесно связанными с философско-правовыми его взглядами, также оказываются внутренне антиномичными. Характер политической деятельности, ее внутренняя неоднородность определяется Кантом также на основе противопоставления сущего и должного. Специфика политики обосновывается Кантом путем сопоставления ее с моралью и правом.

Право в философии Канта выполняет роль посредника между политикой и моралью. Если мораль определяется как теоретическое правоведение, то политика называется практическим правоведением¹⁷. Таким образом, политика характеризуется мыслителем как область государственно-правовой практики, как сфера применения права. Но политика связана и с моралью. Именно в сфере морального сознания Кант ищет критерии для оценки политических деяний. В конечном итоге, опосредованно, через систему действующего права, политика обуславливается законодательством практического разума, практической свободой, и эта обусловленность придает политике характер практической

¹⁷ См. Кант И. Соч., т. 6, с. 290.

деятельности в специфически кантовском понимании этого термина¹⁸.

Политическая деятельность, поскольку она осуществляется в мире явлений, определяется не только разумными основаниями, но и эмпирическими причинами. Отсюда с неизбежностью следует двойственный характер политики: морально обусловленной и эмпирически определяемой деятельности. В этом отношении двойственное истолкование политики Кантом лишь частично совпадает с его двойственным истолкованием права: если естественное право никогда полностью не осуществляется, оставаясь регулятивной идеей, то, напротив, любой политический акт представляет собой явление в феноменальном мире, и тут уж вопрос, морален он или неморален, встает совершенно прямо. Свообразно отвечал Кант на вопрос, почему между теорией и практикой в политике (как и в морали) не может быть противоречия. Если политическая деятельность строится на базе эмпирических принципов, то она не является практикой, поскольку, по мнению Канта, таковой может быть лишь деятельность, строящаяся на постулатах практического разума, т.е. реализующая их. Таким образом, между моралью и политической практикой действительно исключаются всякие противоречия, поскольку под политической практикой Кант понимает лишь то в политике, что опирается на моральные основания.

Политическая деятельность не только должна быть моральной, но она и возможна как таковая, поскольку законы морали предписывают в качестве должного лишь то, что возможно¹⁹, а также потому, что только эти законы, а не эмпирические основания, обладают всеобщим и необходимым характером.

Следует отметить, что такое понимание должного в философии права и в политической теории Канта отличается от того, которое было развито в гносеологии и этике. Это новое понимание могло возникнуть лишь в результате применения этической теории к области действительных отношений между людьми. Именно в силу того факта, что нравственность не предъявляет к человеку никаких невыполнимых требований, расхождение между этическими предписаниями и политической практикой кажется Канту постыдным²⁰.

¹⁸ См. Кант И. Соч. т. 4, ч. 2, с. 61.

¹⁹ Там же, т. 6, с. 290.

²⁰ Там же, т. 4, ч. 2, с. 63.

Расхождение между теорией и практикой в политике является выражением политического аморализма. Оно не является противоречием между моралью и политикой (как осуществлением морали), но противоречием между моралью и неморально проводимой политической деятельностью: "... положение: "Честность — лучшая политика" — содержит в себе теорию, которой практика, к сожалению, очень часто противоречит"²¹.

Чем может быть объяснено это противоречие между моральной теорией и политической практикой? Известную роль, полагал Кант, в ошибочном применении моральных принципов могут играть гносеологические причины: неполнота и несовершенство теории, а также отсутствие способности суждения у тех, кто ее применяет²² (именно этот недостаток философ называл глупостью, считая, что от него нет лекарства).

Было бы наивным сводить аморализм многих политиков к глупости или простой некомпетентности. Важнейшей причиной политического аморализма, полагал Кант, выступает не гносеологическое, а социологическое основание: своеобразная предрасположенность некоторых политиков исходить в своей деятельности из склонностей, из эмпирических причин, причем эти деятели убеждены, что политика вообще использует мораль только как выгодное прикрытие. Такие политики зачастую оказываются реалистически мыслящими политическими прагматиками, которые редко ошибаются в своих поступках и суждениях, поскольку о политической практике судят на основании знания человеческой природы. Другие же, и их меньшинство, относятся к политической действительности не с позиций того, что есть, было или может произойти согласно эмпирическим основаниям, а с точки зрения того, что должно быть, что вытекает из требований практического разума и повелений нравственного закона. Первую категорию политических деятелей Кант называет политическими моралистами, вторую — моральными политиками. Противоположность между ними заключается в том, что если политический моралист судит о нравственно должном исходя из существующей политической реальности, то моральный политик стремится самое эту реальность основать на принципах нравственно должного.

---

²¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 290.

²² Там же, т. 4, ч. 2, с. 61-62.

Хотя симпатии Канта целиком на стороне морального политика²³, он достаточно трезво оценивает и причины, делающие неизбежным политический морализм. В политической практике нельзя не считаться с эмпирической реальностью, нельзя "требовать невозможного", в этом Кант был убежден. Нельзя, например, было надеяться на то, что "сам собой", из одних только требований "чистого" разума, возникнет совершенный правопорядок и разумная форма управления обществом. Исторически гражданское общество и правовая справедливость порождались не актом "чистой" воли, а насилием: "... нельзя рассчитывать на иное начало правового состояния, кроме принуждения; именно на нем основывается затем публичное право"²⁴.

Мысль эту Кант повторял не однажды, и совсем не случайно: она соответствовала представлению философа о том, что через антагонизмы и противоречия периода своей "неразумной предъистории" человечество сумеет в конце концов достичь такого общественного состояния, которое отвечало бы требованиям нравственно должного: "Мир еще молод. Открыта еще едва только половина. Человек еще достигнет своего назначения в воспитании, религии, образе жизни и гражданском устройстве, в равноправии народов"²⁵. Подтверждение своему оптимизму Кант видел в историческом опыте Французской революции, в тех крупнейших социальных преобразованиях, которые совершались на его глазах.

Политический моралист — этот трезвый и расчетливый знаток "человеческой природы", в особенности ее слабостей, зачастую оказывается на практике более прав, чем моральный политик, когда приписывает людям такие качества, как жадность, эгоизм, жестокость и т.д. Он неразборчив в средствах и цинично полагает, что хорошо лишь то, что ведет к успеху. Если дело общественного прогресса находится целиком в руках политических моралистов, прогресс может завершиться катастрофой.

23 "Я могу, конечно, представить себе морального политика, т.е. такого, который устанавливает принципы политики, совмещающиеся с моралью, но не могу представить себе политического моралиста, который приспосабливает мораль к интересам государственного мужа". Кант И. Соч., т. 6, с. 292.

24 Там же, с. 291.

25 Kants gesammelte Schriften. Hrsg. von der Preuss. Akad. der Wissenschaften. Berlin und Leipzig, Bd. XV, s. 621, № 1423.

Кант превосходно почувствовал это, когда утверждал, что достижение конечной разумной цели человеческой истории вовсе не гарантировано автоматически, что характер и итог нравственного и социально-исторического прогресса зависит от того, каковы сами люди, его совершающие. Политический моралист (а в его облике угадываются типичные черты буржуазного политика, в том числе и вполне современного), тем не менее, зачастую все же активно двигает дело прогресса вперед, даже как бы помимо собственной воли. Его мало волнуют такие отвлеченные материи, как "царство целей", он стремится только к достижению собственной, вполне корыстной цели, и ради нее конкурирует и борется с другими такими же "моралистами". В то же время в столкновениях этой "неживучиво-общительной" природы людей вслепую, стихийно совершается трудное дело становления человеческой истории.

Если необузданный эгоизм политического моралиста способен погубить все человечество, то моральный политик в своем строгом соблюдении "чистых" нравственных принципов рискует надолго (если не навсегда) остаться бездеятельным, значит и бесполезным для прогресса человечества резонером. Крайности, таким образом, сходятся. Противоположности должны как-то дополнить друг друга: посредством зла и насилия создается культура, обретает силу нравственное начало, в том числе и в политике. Только непрерывное движение истории может окончательно решить спор между моральным политиком и политическим моралистом. По мере очеловечивания, гуманизации человеческой истории деятельному реализму политического моралиста все более будет присуще нравственное начало морального политика. Таким образом, реальное движение истории дает свидетельства перехода сущего в должное, воплощения республики ноуменов в республику феноменов²⁶. Истина — в этом непрерывном движении, а не в его метафизическом финале. Причем нужно со всей решительностью подчеркнуть, что Канту был чужд не только исторический пессимизм, но и исторический релятивизм, готовый оправдать все, что совершилось ранее: "если было, значит для этого имелись основания, следовательно, нечего и рассуждать, что можно было бы иначе, "по-человечески", "по совести" и т.д." Для Канта нравственный пуризм морального политика —

²⁶ Об этом см. Кант И. Спор философского факультета с юридическим. — Кантовский сборник, вып. 6. Калининград, 1981, с. 106.

своеобразное сдерживающее начало для политического моралиста, его "отчужденная совесть". Политический моралист может презирать морального политика, отмахиваться от него, как от назойливой мухи, и все же нравственные максимы последнего рано или поздно проникнут в сознание политического моралиста. Важно еще и другое обстоятельство. Кант призывал настоящее и прошлое судить с позиций нравственно должного, а не того, что выгодно или полезно. Если уж зло неизбежно, то, во-первых, следует выбирать наименьшее, а во-вторых, если уж оно совершилось, не следует подыскивать ему нравственные основания.

Представление о воплощаемости должного не было характерно для философского развития Канта в 70-е и 80-е годы, а ведь именно в этот период мыслителем были созданы основные элементы трансцендентальной системы. Может быть поэтому большинство исследователей творчества Канта не обнаруживают в поздних работах кенигсбергского философа не только новых оригинальных идей, но и того величия и глубины мысли, который был свойствен предшествующему периоду. Социально-политические трактаты Канта, написанные главным образом в 90-е годы, по замыслу автора, должны были только показать применимость этических постулатов для понимания социально-исторической реальности. Кант полагал, что система уже завершена, и остается наложить только последние штрихи для окончательной ретушировки. Но философ убедился на собственном опыте, что всякое применение абстрактно-идеалистических принципов к области социально-политических отношений обнаруживает значительное расхождение между теорией и практикой. Кант пытался смягчить ригористические формулировки своих этических трактатов, стремился как-то подправить и ослабить категоричность гносеологического дуализма. Изменения и коррективы, которые вносил философ в систему своих взглядов, разумеется, не следует принимать за попытку как-то пересмотреть их. Но эти изменения все же красноречиво свидетельствуют о том, что Кант на закате своей жизни уже почувствовал ограниченность тех мировоззренческих постулатов, которые стремился критически исследовать, оставаясь в то же время внутри них. Кантовская философия будучи завершением и высшим пунктом развития классического периода буржуазного мировоззрения, — просветительской идеологии, не только обнаружила ограниченность и конечность просветительских идеалов, но и указала на эту ограниченность. Кант не поднял руки на априоризм и дуализм

своей системы, но представление о человеке как субъекте исторической самодеятельности и сам принцип историзма, "стыдливо" маскируемый под телеологизм, позволяют сделать вывод, что аутентичным духу кантовского учения было бы такое его развитие, которое сумело бы преодолеть его дуалистичность и коренным образом переосмыслить принцип априорности. Таким учением могла быть только философия марксизма.

Поступила в редакцию 18 декабря 1981 г.

СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ

Ж.-П. САРТРА

Ю.Н. Чертин

Проблема социального бытия человека для современной буржуазной антропологической философии оказалась первоочередной, животрепещущей, насущной. Современному буржуазному сознанию она была навязана не только логикой развития философии, но и реальной ситуацией сегодняшнего капиталистического общества.

Принципиальное решение проблемы социально-исторического бытия человека было дано основоположниками марксизма. Во-первых, К. Маркс с самого начала исходит из единства и взаимодействия индивидуального и социального. Исходным пунктом этого взаимодействия является то, что самый способ существования человека, каким выступает его предметная деятельность, социален по своей природе. Во-вторых, К. Маркс вскрыл двойственную социальную природу человека. Социальность человека предстает как единство конкретно-социального и социально-исторического бытия. Человек выступает одновременно и как субъект и как продукт общественно-исторического процесса, как конкретно-социальный субъект и как субъект исторического действия. В-третьих, проблема антагонизма индивида и общества, индивидуального и социального бытия возникает у Маркса в тех случаях, когда речь идет в первую очередь о буржуазном обществе. Окончательное решение проблемы социально-исторического бытия человека, превращение последнего в подлинно человеческое мыслилось Марксом на пути построения коммунизма.

Современная буржуазная антропологическая философия выдвигает против марксизма собственные концепции социально-исторического бытия человека. Их суть можно резюмировать следующим образом:

во-первых, проблема социального бытия человека и его взаимоотношения с индивидуальным бытием хотя и ставится, но не решается. Как правило, дело сводится к констатации извечной чуждости, враждебности и т.д. социального по отношению к

человеку как индивиду, к описанию драматизма ситуации индивида в условиях его существования в обществе, констатации двойственности, разорванности его бытия и т.д. Причем каждый раз оказывается, что общественное (социальное) по своей сути чуждо индивиду; не какое-то конкретно-историческое общество чуждо и враждебно индивиду, а общество вообще;

во-вторых, современная буржуазная "философия человека", исследуя социальное бытие как таковое, настаивая на неизменной его сущности, снимает тем самым вопрос об исследовании его конкретно-исторических форм, в данном случае - буржуазного общества. В свою очередь, из утверждения о неизменной сущности социального бытия человека сам собой напрашивается вывод о бессмысленности и бесполезности каких-либо радикальных его преобразований, а также о тщетности и ненужности каких-либо форм социально-исторической деятельности вообще;

отсюда, в-третьих, характерный для современной антропологической философии антиисторизм, в свое время описанный Марксом в качестве общей черты буржуазного обществоведения. В основе его лежит не критический подход к реальному общественному состоянию, не умение понять его исторически преходящий характер. Это служило обоснованием такой социально-политической позиции, которая выражает по существу охранительное отношение к конкретно-исторической форме социального бытия человека, в данном случае - к буржуазному обществу. Таким образом, свойства исторически возникшего и исторически преходящего общества - в данном случае капиталистического - оказываются неизменными, исконными свойствами всякого социального бытия вообще. В этом объективно выражается известная апологетическая позиция буржуазной философии по отношению к капиталистическому обществу, независимо от субъективной социальной ориентации того или иного мыслителя.

Наиболее рельефно указанные принципы решения проблемы социального бытия человека представлены в экзистенциализме^I. Однако, несмотря на правомерность обобщенного подхода к экзистенциализму как некоему единому це-

^I См.: Тавризян, Г.М. "Экзистенциальный мир" как антипод социального бытия во французском экзистенциализме. - В кн.: Человек и его бытие как проблема современной философии... М., 1978; Чертин Ю.Н. Противоположность марксистской и экзистенциалистской интерпретации социального бытия человека. - Уч. зап. Тартуский гос. ун-т, вып. 542. Труды по философии. XXI. Тарту, 1980.

лону, необходим, на наш взгляд, и более дифференцированный подход, учитывающий наличие в этом течении мыслителей самых различных мировоззренческих, социальных, политических ориентаций. Особый интерес представляет в этом смысле Жан-Поль Сартр с его несомненной, хотя и весьма противоречивой, эволюцией в сторону марксизма и социализма.

Эволюция философских взглядов, вполне естественная для любого мыслителя, в случае с Сартром носит особенный характер. Его философию вообще нельзя рассматривать иначе, как в развитии. Отдельные периоды философской эволюции Сартра настолько отличаются друг от друга, что вполне могли бы рассматриваться как самостоятельные философии разных мыслителей. Все это, по словам В.Н. Кузнецова, "буквально навязывает "эволюционный" подход при исследовании философии Сартра"². Не случайно существуют работы, специально посвященные проблеме мировоззренческой эволюции Ж.-П. Сартра³. Однако, соглашаясь с самим фактом философской эволюции Сартра, специалисты резко расходятся в оценке направления этой эволюции.

Так, по мнению Г.Я. Стрельцовой, "нынешняя философская позиция Сартра может быть определена как "позиция перехода" от экзистенциализма к марксизму"⁴. С другой стороны, прямо противоположное мнение высказывает Л.Ф. Евменов. Он пишет, что "философия Жана-Поля Сартра - это ортодоксальный субъективный идеализм с примесью элементов вулгарного, метафизического, буржуазного материализма, объективного идеализма и "разжиженного фидеизма" ... типичная эклектика, "философский коктейль" из элементов всех философских течений и школ до-

² Кузнецов В.Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. - М.: Изд-во МГУ, 1969, с. II.

³ См.: Киссель М.А. Философская эволюция Сартра. - В кн.: Философия марксизма и экзистенциализм. М., 1971; его же, Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976; Стрельцова Г.Я. Эволюция философских взглядов Ж.-П. Сартра. - Вопросы философии, 1968, № 3 и др.

Необходимо отметить, что мировоззренческая эволюция Сартра, смена философских позиций не могла не сказаться и на его политических позициях. Философ не раз менял политические платформы, союзников, друзей и врагов. Это также явилось предметом исследований в указанных выше работах.

⁴ Стрельцова Г.Я. Эволюция философских взглядов Ж.-П. Сартра. - Вопросы философии, 1968, № 3, с. 84.

марксистского периода"⁵. И он обрушивается на Г.Я. Стрельцову за то, что та будто бы "явно игнорирует субъективный идеализм Сартра и тащит его в марксизм"⁶. Описанные точки зрения образуют как бы два противоположных полюса, к которым тяготеют позиции остальных исследователей философии Сартра.

Соответственно и в отношении "Критики диалектического разума" как труда, в каком-то смысле венчающего путь Сартра, у философов можно встретить прямо противоположные взгляды.

Опять же по мнению Г.Я. Стрельцовой, "содержание "Критики диалектического разума" действительно подтверждает марксистскую направленность эволюции Сартра"⁷, а потому нет оснований характеризовать его философию "просто как "экзистенциалистскую"⁸. Венгерский марксист Ласло Фаркаш, напротив, считает, что "экзистенциализм Сартра изменился, но концептуально остался экзистенциализмом"⁹. При этом "марксистская оболочка может маскировать экзистенциалистское содержание, делая его почти неузнаваемым"¹⁰. Того же мнения придерживается и другой венгерский философ Андраш Геде. По его мнению, "Сартр не вышел за пределы основных идей экзистенциализма"¹¹.

Наиболее обоснованной нам представляется оценка, данная этому произведению М.А. Кисселем. По его мнению, "Критику диалектического разума" нельзя отнести к числу марксистских работ, поскольку в ней "мы находим широкую синкретическую концепцию, в которой элементы гегельянства (тотализация) и марксизма (материальная практика) соединяются с феноменологическим описанием индивидуального и группового сознания, а также с учением об экзистенциальном проекте личности. По замыслу это синкретизм, а не эклектика, ибо Сартр стремится слить перечисленные элементы воедино с помощью сложной цепи

⁵ Е в м е н о в Л.Ф. Диалектика и революция. Минск: Наука и техника, 1969, с. 43.

⁶ Там же, с. 55.

⁷ С т р е л ь ц о в а Г.Я. Эволюция философских взглядов Ж.-П. Сартра. - Вопросы философии, 1968, № 3, с. 74.

⁸ Там же, с. 84.

⁹ Ф а р к а ш Л. Экзистенциализм, структурализм и фальсификация марксизма. М.: Прогресс, 1977, с. 120.

¹⁰ Там же, с. 205.

¹¹ Г е д е А. Философия кризиса. М.: Прогресс, 1978, с.43.

опосредований"¹². Однако сосуществование столь разнородных элементов в одной концепции не обходится без серьезной деформации каждого из них. А потому в "Критике диалектического разума" мы "встречаемся то с перелицованным экзистенциализмом, утратившим свою первоначальную последовательность и цельность, то с идеалистически интерпретированным марксизмом, то с тем и другим вместе"¹³.

Бесспорна известная эволюция мировоззрения Сартра на пути от "Бытия и ничто" к "Критике диалектического разума". Внутренний мир изолированного индивида и его отношение с другим – вот тот аспект человеческого бытия, что был предметом анализа Сартра в его первом обширном трактате. Однако очень скоро философ начинает испытывать неудовлетворенность собственным учением. Он сознает, что избранный им аспект рассмотрения не дает понимания человеческого бытия в его самых существенных характеристиках. Вот как об этом говорит сам Сартр: "Я тогда увидел, что невозможно дать отчет о человеческой реальности с ее решениями, ценностями, практикой, не погрузив ее снова в социальную среду, не рассматривая ее в той ее фундаментальной реальности, которая заключается в том, чтобы быть от мира сего, быть определенной своими потребностями и орудиями и связью своих потребностей с потребностями и орудиями других, т.е. быть определенной производственными отношениями. Я был, таким образом, приведен за 10 лет от экзистенциализма к марксизму... Необходимо было передумать все в свете марксизма. Поэтому я написал "Критику диалектического разума"¹⁴. Придя, таким образом, к пониманию того факта, что конкретный человек – существо социальное"¹⁵, Ж.-П. Сартр в "Критике диалектического разума" действительно "стремится рассмотреть "человеческую реальность" в ее социально-историческом бытии"¹⁶.

¹² К и с с е л ь М.А. Философская эволюция Сартра. – В кн.: Философия марксизма и экзистенциализм, с. 162–163.

¹³ К и с с е л ь М.А. Учение о диалектике в буржуазной философии XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970, с. 112.

¹⁴ Цит. по: М а м а р д а ш в и л и М.К. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра. – В кн.: Современный экзистенциализм. М., 1966, с. 186–187.

¹⁵ Ср. также: S a r t r e, J.-P. Autoportait a soixante-dix ans. – Situations, X. Paris: Gallimard, 1976, p.176.

¹⁶ К у з н е ц о в В.Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. с. 226.

Какой же представлялась позднему Сартру¹⁷ картина социального бытия человека? Какими категориями он пользуется для ее конструирования? Насколько объективна эта картина, т.е. в какой степени она отражает реальные явления и процессы? И, наконец, как можно определить позицию Сартра по отношению к современному ему общественному состоянию? Вот основные вопросы, на которых мы и сосредоточим в дальнейшем свое внимание.

В сартровской модели социально-исторического бытия человека ключевыми категориями выступают: "редкость" (*rareté*), "обработанная материя" (*matière ouvree*) и "практико-инертное поле" (*champ pratico-inerte*).

Понятие "редкость" вводится Сартром для обозначения недостатка предметов потребления, орудий, производителей и даже потребителей. Но основное, конечно, — это недостаток продуктов питания. В этом своем значении "редкость" и выступает для Сартра материальным источником возникновения и развития практики. Насколько велико значение этой категории, можно судить по тому, что "редкость" определяется в "Критике диалектического разума" как "фундаментальное отношение нашей Истории и как ... определение нашего однозначного отношения к материальности"¹⁸. Не удивительно поэтому, что для Сартра "человек есть исторический продукт редкости... В самом деле, — рассуждает он, — редкость как однозначное отношение каждого и всех к материи становится в конце концов объективной социальной структурой окружающей материальной среды и тем самым указывает своим инертным пальцем на каждого индивида как на фактор и жертву редкости. И каждый интерпретирует эту структуру в том смысле, что он становится благодаря своему поведению человеком редкости"¹⁹.

---

¹⁷ Помимо "Критики диалектического разума" — основного философского произведения позднего Сартра, — несомненный интерес представляют его многочисленные интервью, в частности используемые нами в дальнейшем: "Jean-Paul Sartre répond" (*L'arc*, 1966, N 30), "Autoportrait assisante-dix ans". — *Situations*, X. Paris: Gallimard, 1976.

¹⁸ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique (précédé de Questions de méthode). Tome I. Théorie des ensembles pratiques. — Paris: Gallimard, 1960, p.202.

¹⁹ Ibid, p.207.

"Редкость", постоянную нехватку продовольствия, орудий, производителей, а то и потребителей (как это имеет место, по Сартру, в современных высокоразвитых странах) философ характеризует как "радикальную постановку под вопрос самого человека посредством материи"²⁰, или, попросту, как отрицание человека материей. Причем это отрицание Сартр называет "инертным и демоническим"²¹, а материю - "нечеловеческой...", поскольку ее присутствие для человека не возможно на этой земле без борьбы..."²². Будучи интериоризированным, материальное отрицание превращается, по Сартру, в "отрицание человека человеком"²³.

В режиме редкости существует "возможность общего уничтожения всех и... постоянная возможность для каждого, что это уничтожение посредством материи придет к нему через практику других людей"²⁴. Отсюда "каждый есть бесчеловечный человек для всех других, рассматривает всех других как бесчеловечных и действительно относится к другому с бесчеловечностью..."²⁵. Материальное отрицание, будучи интериоризированным, порождает, таким образом, в каждом инертную структуру бесчеловечности. И "пока царству редкости не будет положен конец, - заявляет Сартр, - в каждом в отдельности и во всех вместе будет существовать инертная структура бесчеловечности, которая, в общем, есть не что иное, как материальное отрицание, поскольку оно интериоризировано"²⁶. "Редкость", с точки зрения Сартра, "основа всех - как прошлых, так и настоящих - антагонизмов между людьми"²⁷.

Итак, именно следствием "редкости" - этого фундаментального, хотя и случайного определения нашего однозначного от-

20 Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 206.

21 Ibid., p.200.

22 Ibid., p.204.

23 Ibid., p.223.

24 Ibid., p.204.

25 Ibid., p.206.

26 Ibid., p. 207.

27 Sartre J.-P. Autoportrait a soixante-dix ans. - Situations, X, p. 144.

ношения к окружающей материальной среде — является, по Сартру, бесчеловечность как "отношение людей между собой...²⁸. Так материальное отрицание трансформируется в отрицание человека человеком, в общественные отношения бесчеловечности.

Коренным пороком сартровской концепции "редкости" является ее антиисторизм. "Редкость" становится своего рода метафизической категорией, никак не связанной с определенными историческими формами общественного производства. По Сартру, "редкость существует как фундаментальное определение человека; обобществление производства не ликвидирует ее, разве что в долгом диалектическом процессе, результат которого мы не знаем"²⁹.

С другой стороны, для сартровской интерпретации характерно игнорирование характера общественных отношений, складывающихся в рамках "редкости". А ведь именно от характера общественных отношений зависит, станет или нет "материальное отрицание" "отрицанием человека человеком", т.е. эксплуатацией, неравенством, бесчеловечностью и т.д.

Антиисторизм и абстрактность рассматриваемой сартровской категории делают ее мало пригодной для объяснения как общего характера исторического процесса, так и отдельных общественных явлений. Не случайно так редко обращались к "редкости" К. Маркс и Ф. Энгельс, за что, кстати, Сартр подвергает их критике³⁰.

Установив, что "исторический процесс конституируется через поле редкости"³¹ (со всеми вытекающими из этого факта последствиями), Сартр переходит к следующей разновидности отношений практических организмов с неорганической материей. Теперь предметом его рассмотрения становится "общая теория отношений материи и практики"³², разумеется, в "неизбежных

²⁸ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 207.

²⁹ Ibid., p. 213.

³⁰ Ibid., p. 219-220.

³¹ Ibid., p. 214.

³² Ibid., p. 223.

рамках редкости"...³³. Проблема, которую по-своему пытается решить Сартр, заключается в следующем: каково отношение живого и овеществленного труда в процессе деятельности? Какое значение имеет для субъекта деятельности тот фундаментальный факт, что его сущностные силы и способности опредмечиваются, кристаллизуются в продукте?

Ключевой категорией, характеризующей отношение "практика - материя", является для Сартра категория "о б р а б о - т а н н а я м а т е р и я" (иногда Сартр употребляет также выражение "социализированная материя"). Что же представляет собой эта "обработанная" или "социализированная" материя?

По Сартру, "обработанная материя" есть не что иное, как объективации индивидуальной и коллективной практики. Прежде всего, это, конечно, "орудия", "инструменты", "машинны", одним словом, "техника" и вообще вся материальная культура. Под эту категорию у Сартра подпадают также и такие результаты человеческой деятельности, как материальные общественные отношения, институты, учреждения и т.д.

Если "редкость" есть "отрицание", то "обработанная материя" - это, с точки зрения Сартра, "угроза". "Обработанная материя" как "экстериоризация интериорности"³⁴ становится, в результате, чистой экстериорностью. Последняя же, по Сартру, "одновременно для всех и для каждого множества агентов есть угроза извне и угроза изнутри"³⁵. "... Находящаяся вне человека материя сводит его к неорганическому статусу в той самой мере, в какой он трансформирует ее в тотальность. Тем самым, он находится в опасности в универсуме; последний таит в себе возможность не - б ы т и я о р г а н и з м а"³⁶.

Для характеристики "обработанной материи" у Сартра не находится ни одного доброго слова. Она - только застывшая, угасшая, а потому, в общем-то, мертвая практика. Практика "трансформирует инертное в обработанную материю..."³⁷. Но от

---

33 Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 223.

34 Ibid., p.158.

35 Ibid.

36 Ibid., p.167.

37 Ibid., p.158.

этого последняя становится лишь активной инертностью, направленной против человека. "... Обработанная материя, - пишет Сартр, - отражает нам нашу деятельность как инерцию и нашу инерцию как деятельность, нашу интериорность в целом как экстериорность, нашу экстериорность как детерминацию интериорности; в ней живое трансформируется в механическое, а механическое возвышается до своего рода паразитической жизни; это есть наше превращенное отражение..."³⁸.

Постоянная и непреодолимая угроза человеку, исходящая от "обработанной материи" как "бытия", "появляется в действии как его застывшее и непостижимое противоречие, как невозможность идти дальше, желать или понять больше, как железная стена в прозрачности"³⁹. Практика, поглощенная ее "материалом", становится, по Сартру, "материальной карикатурой человеческого"⁴⁰.

"Машины", "инструменты", "объекты чистого потребления" и т.д., одним словом - "практические объекты", "обработанная материя", творят между людьми вполне отпределенный тип отношений, который Сартр называет "практико-инерт". Сфера "практико-инерт" или, как предпочитает выразиться Сартр, "практико-инертное поле" включает как обработанную материю, так и практику, которая наделяется в этом случае атрибутами инертности, пассивности и т.д. Деятельность индивида здесь как бы пропитывается "инерциальностью", а следовательно, лишается каких-либо проективных или телеологических структур. Обреченный на пассивность, человек слепо выполняет "требования" материальных объектов.

Внутри практики существует, по Сартру, "диалектическое движение и диалектическое отношение... между действием как отрицанием материи... и материей... как отрицанием действия"⁴¹. При этом отрицание действия материй означает, что "его позитивные результаты, поскольку они вписываются в объект, обращаются против него... в качестве объективных и негативных требований"⁴². Таким образом, объективные запросы и

³⁸ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 247.

³⁹ Ibid., p.299.

⁴⁰ Ibid., p.232.

⁴¹ Ibid., p.230.

⁴² Ibid.

потребности представляются Сартру не иначе, как "требования" самих вещей. В труде как "однозначном внутреннем отношении между человеком и окружающей материальной средой", - заявляет Сартр, - "осуществляется постоянная трансформация треования человека по отношению к материи в требование материи по отношению к человеку..."⁴³.

Нерасторжимое единство субъективных и объективных элементов в процессе практики, зависимость человека и его деятельности от материальных условий представляется Сартру как "господство неорганической материальности над человеком"⁴⁴. А "поскольку человек управляет материей, его деятельность... порождена в нем извне обработанной материей как практическим требованием неодушевленного объекта"⁴⁵. И вообще, согласно Сартру, "все формы императивов приходят к человеку через посредство обработанной материи"...⁴⁶, а потому последняя "проявляет себя как социальная сила, как социальная власть и как безусловное требование"⁴⁷.

"Требования" материи по отношению к человеку иллюстрируются Сартром, в основном, на примере "машин" и вообще техники. То и дело в тексте "Критики диалектического разума" можно встретить выражения типа: "машина требует", "фабрика требует", "реальное требование фабрики", "требование группы машин" и т.д. Машина и фабрики требуют - люди исполняют. "... Машина т р е б у е т быть поддерживаемой в рабочем порядке, и практическое отношение человека с материальностью становится е г о о т в е т о м на требования машины"⁴⁸. Собственно говоря, по Сартру получается, что не рабочие, а скорее машины являются подлинными субъектами практики. Именно они - по-настоящему деятельны, активны. И хотя Сартр указывает на то, что "индивиды интериоризируют требование материи, для того чтобы экстериоризировать его как требование

43 S a r t r e J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 235.

44 Ibid., p.377.

45 Ibid., p.252.

46 Ibid., p.254.

47 Ibid., p.255.

48 Ibid., p.254.

человека"⁴⁹, т.е., по существу, признает, что именно "через людей и посредством них эти требования появились"⁵⁰, все же социальное опосредование отношения "человек-техника" Сартром явно не учитывается. Как иначе можно истолковать, например, следующий его пассаж: "... В той мере, в какой он (человек - Ю.Ч.) делается инертной экстериорной силой..., она сама (т.е. машина - Ю.Ч.) становится живой вещью и псевдоорганизмом... Она делает из него практико-инертное бытие, которое будет машиной в той мере, в какой машина уже человечна..."⁵¹. Выходит, что овеществление человека и персонификация вещей есть следствие простого взаимодействия личных и вещных элементов, которое совершенно необходимо в любой практической деятельности.

Тот факт, что Сартр элиминирует социальное опосредование в отношении "человек-техника" становится наиболее очевидным в тех рассуждениях, где уже совершенно неприкрыто сквозит общее его негативное отношение к технике. Рабочий находит в фабрике, - пишет Сартр, - "свое бытие как безразличную общность, свою практику как уже материализованную в predetermined задачи - инертные требования, которые нужно лишь выполнять, свое будущее как бессилие, и, наконец, он открывает здесь свою судьбу, заранее сфабрикованную в инертном проекте машины, которая имеет целью уничтожить тех, кто ей служит"⁵². Та исходящая от материальности постоянная "угроза", та возможность "отрицания" и "небытия" человека, заложенная в материальном универсуме, нашла у Сартра свое конкретное воплощение в технике. Страницы сартровского трактата, посвященные орудиям и машинам, фабрикам и заводам, исполнены глубочайшего пессимизма.

С другой стороны, у Маркса можно найти положения, как будто вполне аналогичные тем, что высказывает Сартр.

1. "... Машина, - пишет, например, Маркс, - обладающая вместо рабочего умением и силой, сама является тем виртуозом, который имеет собственную душу в виде действующих в ма-

---

⁴⁹ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 256.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid., p.269.

⁵² Ibid., p.270.

шине механических законов и для своего постоянного самодвижения потребляет уголь, смазочное масло и т.д. (вспомогательные материалы), подобно тому, как рабочий потребляет предметы питания"⁵³.

2. "Деятельность рабочего, сводящаяся к простой абстракции деятельности, всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот"⁵⁴.

3. "Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины"⁵⁵.

4. "... Труд выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единство которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин, выступающей по отношению к единичной незначительной деятельности рабочего, в противовес ему, как могущественный организм... В системе машин овеществленный труд вещественно противостоит живому труду как господствующая над ним сила и как активное подчинение его себе, не только путем присвоения живого труда, но и в самом реальном процессе производства"⁵⁶.

Однако К. Маркс в этих положениях экономической рукописи 1857-1858 гг. иллюстрирует, как известно, лишь полное завершение отчуждения в рамках капиталистической системы общественного производства.

Нам не в чем было бы упрекать Сартра, если бы у него решительно и определенно речь шла о капиталистическом применении техники, о ее функционировании в рамках капиталистических общественных отношений. Но как раз этого-то мы и не находим у Сартра. Для него техника сама по себе, в своей сущности, антигуманна. Она, по Сартру, "есть в самом деле не

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.46, ч. II, с. 204.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 204-205.

- человек и даже... противочеловек"⁵⁷.

Основоположники марксизма много сделали для раскрытия и обоснования действительной социальной сущности техники. К. Маркс показал, что техника, будучи продуктом общественных отношений, несет на себе глубокий отпечаток социальных условий ее производства и использования. В той мере, в какой в ней находит свое воплощение творческая сущность человека и она служит его свободной самореализации, а также целям прогрессивного развития всего общества, — техника становится социальной ценностью.

Рассмотрением "требований", предъявляемых к человеку "обработанной материей", в частности техникой, сартровский анализ "практико-инертного поля" не заканчивается. Более того, особенно "коварный" характер материальности обнаруживается, по Сартру, в ее возможности выступать как помеха осуществляемой человеком цели, как угроза для нее и даже как ее полная ликвидация. Люди ставят перед собой определенные цели и действуют в направлении их реализации. Однако поскольку это происходит в "материальном поле", то зачастую результаты не совпадают с преследуемыми целями: налицо "искажение"^ж, причиной которого, по Сартру, является опять-таки материальность. "В неразрывной паре "материя — человеческое действие" каждый член отношения действует как трансформатор другого..."⁵⁸ — заявляет Сартр. В этом смысле, по Сартру, "материальность вещи или института есть радикальное отрицание изобретения или творчества..."⁵⁹.

Однако материальность не просто "искажает", "трансформирует" человеческие действия. Очень часто в "социальном поле" имеют место явления и процессы, которые никто не желал, но которые возникли из деятельности многих людей, поскольку они разъединены. По мнению Сартра, следует поэтому различать "живые цели, которые соответствуют собственному усилию личности, группы или класса, и неперсональные финальности, субпродук-

⁵⁷ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 285.

^ж alterité

⁵⁸ Ibid., p. 249.

⁵⁹ Ibid.

т ы нашей деятельности... Социальное поле полно актов без автора, конструкций без конструктора..."⁶⁰.

Эти "неперсональные финальности", возникшие из деятельности людей, зачастую, однако, обращаются против них. Для обозначения этого факта Сартр вводит понятие "к о н т р - ф и н а л ь н о с т ь"⁶¹.

Это все те же "ковни" материальности против людей, "пассивное действие, что осуществляет материальность как таковая на людей и на историю, возвращая им похищенную у них практику в форме контр-финальности"⁶².

И здесь опять-таки наиболее жуткое впечатление производит на Сартра техника. Философ пишет об "аппаратах" как о "чудовищных конструкциях без автора", где "человек теряет себя и которые беспрестанно его избегают..."⁶³, о "системах, аппаратах, инструментах", которые "в обществе и часто против него" преследуют "цели, которые не являются больше целями человека..."⁶⁴ и т.д.

Поскольку материальность, по Сартру, есть не что иное, как "обработанная материя", т.е. результат практической деятельности человека, постольку "человеческие цели, реализуясь, определяют вокруг себя поле контр-финальности"⁶⁵. Таким образом, "едва "кристаллизовавшись", человеческий труд ... избегает рабочего своей материальностью"⁶⁶. Материализованная практика - это, согласно Сартру, - "антипрактика", то есть "п р а к т и к а б е з а в т о р а"⁶⁷.

Воплощенная в материальности, практика теряет свои человеческие характеристики и обращается против человека, становится анти-практикой, практикой "без автора". "Опыт" этой

⁶⁰ S a r t r e J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 102.

⁶¹ contre-finalité

⁶² S a r t r e J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 202.

⁶³ Ibid., p.102.

⁶⁴ Ibid., p.101.

⁶⁵ Ibid., p.234.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid., p.235.

последней Сартр называет *н е о б х о д и м о с т ь ю*, которая получает абсолютно негативный смысл.

"Обработанная материя" "похищает у нас наше действие"⁶⁸, для того чтобы обратить его против нас. "Элементарный опыт необходимости" - это, согласно Сартру, "опыт другого не как врага, но как его практики, тотализованной посредством материи и возвращающейся ко мне, чтобы трансформировать меня..."⁶⁹.

После всего этого не вызывает удивления, что Сартр называет материю прямо-таки "*к о л д о в с к о й*"⁷⁶. Своим колдовством материальность "похищает" у людей их практику и обращает ее против них, "трансформируя", "искажая" их цели и деяния. "Заколдованная материя", по Сартру, и порождает "магическое поле квазидиалектической контр-финальности, где все действует на все на расстоянии..."⁷¹.

Исследователи отмечают, что для сартровской интерпретации человеческой деятельности вообще характерно отсутствие "содержательной внутренней связи между человеческими действиями и объективными условиями, в которых они осуществляются"⁷². Сартр хочет показать определяющую роль материальных условий в деятельности людей, но трактует этот факт исключительно негативно, как неизбежность трансформации, искажения целей и намерений людей в процессе их материально-предметной деятельности. Сартр хочет продемонстрировать факт наличия в обществе объективных сил и отношений, действующих помимо воли и сознания индивидов, но подает этот факт таким образом, что будто бы "колдовская" сила материальности господствует над людьми.

Такова - в самом общем виде - картина социального бытия человека, как она предстает перед нами со страниц "Критики диалектического разума" Ж.-П. Сартра. Как видим, социальные явления и процессы не просто угадываются в ней (как в случае

⁶⁸ S a r t r e J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 283.

⁶⁹ Ibid., p.285.

⁷⁰ Ibid., p.279.

⁷¹ Ibid., p.283.

⁷² Т а б а ч к о в с к и й Б.Г. Критика идеалистических интерпретаций практики. Киев: Наук. думка, 1976, с.209-210.

с другими философами экзистенциалистского толка), а непосредственно изображаются.

Конечно, "редкость", "обработанная материя", "практико-инертное поле", "искажение", "контр-финальность" и т.д. - слишком общие и недифференцированные понятия, чтобы с их помощью можно было адекватно отразить всю сложность и многообразие социального бытия, но ими вполне схватывается реальный факт тотального отчуждения человека в современном буржуазном обществе. "... Исходя из опыта отчуждения... обнаруживается практико-инертное поле"⁷³, - пишет Сартр. Последнее, по Сартру, есть "поле нашего рабства". И "все люди - рабы, поскольку их жизненный опыт разворачивается в практико-инертном поле, изначально обусловленном редкостью"⁷⁴.

Разумеется, во всякой модели - даже математической, не говоря уже о философской - обязательно присутствует субъект. В любой интерпретации мы видим не только то, что интерпретируется, но и того, кто интерпретирует. Не является исключением и Сартр. Воссозданный им образ человеческого бытия в современном буржуазном обществе несет на себе печать авторского мировоззрения, психического склада и т.д. Более того, он отмечен всеми особенностями несчастного, мифологизирующего, фетишистского сознания человека капиталистического общества вообще⁷⁵.

Отсюда, в частности, отмеченные выше характерные пороки сартровского анализа - абстрактность, антиисторизм, игнорирование характера общественных отношений при рассмотрении тех или иных социальных явлений и процессов. Этим объясняется и зачастую проводимая Сартром экстраполяция свойств исторически конкретного - в данном случае капиталистического - общества на общество вообще. В результате, верно подмеченные, глубоко и точно описанные реальные черты бытия человека в условиях буржуазного общества становятся неотъемлемыми чертами бытия человека в любом обществе, общест-

⁷³ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 373.

⁷⁴ Ibid., p. 369.

⁷⁵ См.: Мамардашвили М.К. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра. - В кн.: Современный экзистенциализм. М., 1966.

ве вообще, другими словами, становятся сущностными характеристиками социального бытия человека.

Все это, несомненно, ослабляет и даже в какой-то степени нейтрализует критический пафос работы Сартра. Однако общую антибуржуазную, антикапиталистическую позицию автора "Критики диалектического разума" вряд ли можно оспаривать. Современное буржуазное общество видится Сартру как "место насилия, мрака и колдовства"⁷⁶. Подлинной альтернативой его является именно социализм, о чем не раз и недвусмысленно заявлял Сартр⁷⁷. Кроме того, стоит принять во внимание и его — правда, не всегда и не во всем обоснованные — декларации о принятии учения Маркса. Как бы там ни было, субъективная честность и искренность подобных заявлений не может быть поставлена под сомнение.

Сартр верил в революцию, в возможность обновления мира. Однако проблема социального изменения в творчестве Сартра — это уже тема специального исследования.

Поступила в редакцию 20 декабря 1981 г.

---

⁷⁶ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, p. 358.

⁷⁷ Sartre J.-P. Autoportrait a soixante-dix ans. - Situations, X, p.217, 218.

Приложение

К 350-летию со дня основания
Тартуского государственного
университета

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ТТУ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Первая попытка организовать кафедру философии в Тартуском университете относится к марту 1946 г. И хотя приказ о создании кафедры в составе 3-х человек (зав. кафедрой - доцент, доцент и ассистент) был издан, но фактически кафедра организована не была, так как ее не удалось укомплектовать из-за отсутствия необходимых кадров. Преподавательскую работу по философии вел один зав. кафедрой А. Уйбо (1914-1957). При этом надо учесть, что собственно философские предметы (диалектический и исторический материализм и история философии) преподавались лишь на историко-филологическом и юридическом факультетах, а с 1947/48 учебного года и на биолого-географическом факультете. Начальные сведения по философии студенты всех факультетов получали в курсе истории партии, где была специальная тема "диалектический и исторический материализм".

Кафедра философии или, как тогда она называлась, кафедра диалектического и исторического материализма, формально просуществовала два учебных года. В связи с уходом А. Уйбо в 1948 году кафедра прекратила свою работу и в течение двух последующих лет философия как отдельный предмет в университете не преподавалась.

В сентябре 1950 г. кафедра диалектического и исторического материализма возобновила свою работу. Она была укомплектована присланными из Москвы и Ленинграда специалистами. В течение 1950/51 учебного года на кафедре работали: зав. кафедрой кандидат философских наук Д.И. Шардин, старшие преподаватели М.Г. Макаров, Н.Г. Ицкович и М.А. Чалый. По почасовой оплате с февраля 1951 г. стал работать на кафедре Р.Н. Влжм.

Вновь созданная кафедра встретила с большими трудностями в своей работе, которые усугублялись нездоровой обстановкой, сложившейся в коллективе преподавателей. В результате конфликта, возникшего между заведующим кафедрой и преподавателями, руководство университета пошло на крайнюю меру,

освободив от работы Шардина, Ипковича и Чалого, а Макаров перешел на кафедру истории партии, где читал лекции по философской части курса.

Присланные из Москвы после окончания Академии общественных наук кандидаты философских наук Г.М. Сапожников и Л.С. Моршкина, а также Р.Н. Блюм с сентября 1951 г. образовали новый состав кафедры. С этого времени на кафедре установилась необходимая для нормального функционирования преемственность состава преподавателей и относительная кадровая устойчивость.

Кафедра философии ТГУ в пятидесятые годы

Пятидесятые годы были годами создания и формирования кафедры как активно действующего учебного и научного коллектива. Введение преподавания диалектического и исторического материализма на всех факультетах университета (с 1954 г. — на экономическом факультете, с 1956 — на остальных) потребовало значительного расширения состава кафедры. Если с 1951 по 1954 г. на кафедре работало три преподавателя (с привлечением почасовиков — Л.Н. Столовича, аспирантов Н.Ф. Моосберг и других), то с 1954 г. она увеличилась до пяти человек, а с 1956 г. — до восьми человек. Сложился постоянный состав кафедры. М. Макаров (вернулся на кафедру в 1954 г.), Р. Блюм, Л. Столович, Т. Рейнвальд (Чернявская), Т. Лойт, К. Оя, М. Оямаа создали основной костяк преподавателей кафедры. Большую помощь во всей деятельности коллектива оказывала "управляющий делами кафедры", аккуратный и исполнительный работник — лаборантка Людмила Рудольфовна Коккина, пришедшая на кафедру в августе 1952 г.

В определенной мере затрудняло работу кафедры частая смена ее руководства. В эти годы кафедрой заведывали: доцент Г.М. Сапожников (1951—1953, 1956—1957), доцент О.Л. Юрис (1954, 1955), профессор О.М. Штейн (1958—1960), старший преподаватель М.Г. Макаров (1954, 1955—1956).

Несмотря на трудности, кафедра постоянно прогрессировала как в сфере организации учебного процесса, так и в области повышения научной квалификации кадров и развертывания научных исследований.

Естественно, что в первые годы функционирования кафедры основное внимание уделялось организации учебного процесса. Как правило, лекции и семинары преподавателей кафедры проводились на достаточно высоком уровне и вызвали живой интерес

у студентов. Не было, пожалуй, ни одного заседания кафедры без обсуждения текстов и тезисов лекций, результатов взаимопосещений учебных занятий, довольно часто на заседания кафедры приглашались представители студентов. Активное, товарищеское обсуждение лекций и семинаров всех без исключения членов кафедры было важным средством подъема качества преподавания.

Молодые преподаватели, только что закончившие университеты, успешно сдавали кандидатские экзамены и приступали к написанию своих диссертаций. При кафедре была создана аспирантура, ставшая главным источником пополнения состава преподавателей. Первые аспиранты были приняты в 1952 г. (Н. Моосберг и другие), в 1953 г. в аспирантуру поступил Т. Лойт, а в 1954 г. — Э. Лепик. Первой диссертацией, защищенной в 1955 г. членом кафедры философии, была диссертация Л.Н. Стреловича "Некоторые вопросы эстетической природы искусства" (защита состоялась в Ленинградском университете).

Существенные изменения в работе кафедры произошли после XX съезда партии. В свете решений съезда во всесоюзном масштабе были радикально пересмотрены программы, отброшены обедняющие диалектический материализм схемы "четырех" и "трех" основных черт, более полно стало использоваться богатство идей марксистско-ленинской философии и историко-философский материал, большее внимание стало уделяться проблемам теории познания и диалектики. Был взят курс на устранение элементов догматизма из преподаваемых курсов, на творческое освоение студентами основ марксистско-ленинской философии.

Характерной особенностью работы кафедры во второй половине пятидесятых годов было значительное повышение её научного потенциала. Второй диссертационной работой, защищенной сотрудником кафедры, стала диссертация Т. Лойта "Борьба материализма и идеализма в палеонтологии в конце XIX и начале XX веков" (защита в Тартуском университете в 1958 г.). Вошло в правило проведение на кафедре теоретических дискуссий по актуальным проблемам философии, в которых активное участие принимали все преподаватели. Так, например, в 1956 г. была проведена дискуссия о категориях единства и тождества, равновесия, противоположности, различия, конфликта, дискуссия по статье проф. Тугаринова "Соотношение категорий диалектического материализма", в 1958 г. дискуссия о сущности эстетического воспитания.

С 1958 г. стали регулярно выходить "Труды по философии".

В первом томе "Трудов" были опубликованы научные статьи работников кафедры М. Макарова, Т. Лойта, Р. Блюма, Г. Сапожникова и Л. Столовича. В помощь студентам члены кафедры подготовили и опубликовали два сборника лекций: один - по основным законам диалектики, другой - по проблемам исторического материализма. Особенно плодотворным в научном отношении был 1959 г., когда члены кафедры опубликовали 12 научных работ (в те годы это было значительное число), среди которых монография Л. Столовича, изданная в Госполитиздате (Москва) "Эстетическое в действительности и в искусстве" и статьи М. Макарова, О. Штейна, Т. Лойта в "Вопросах философии".

Была значительно улучшена работа по подготовке философских кадров через аспирантуру. В аспирантуру при кафедре поступили проявившие себя как способные научные работники Л. Вальт и Я. Ребане.

Кафедра философии ТГУ в шестидесятые годы

В шестидесятые годы, без всякого сомнения, кафедра достигла значительных успехов. Именно эти годы оказались временем формирования философских кадров высшей квалификации, интенсивной подготовки докторов и кандидатов философских наук через докторантуру и аспирантуру, функционирующих при кафедре, кадров, которые заняли ведущее положение не только на самой кафедре, но и в других философских учреждениях республики. Эти годы были временем интенсивной научной деятельности, разработки и публикации многочисленных интересных философских исследований, сделавших кафедру философии ТГУ одним из признанных центров философской мысли в стране. В эти годы оформились также основные научные направления, над которыми кафедра работает и по сей день. Совместное изучение и обсуждение наиболее трудных работ классиков философской мысли, постоянные горячие и плодотворные дискуссии по наиболее острым актуальным проблемам философии, взаимопомощь и товарищеская поддержка - вот характерные черты деятельности кафедры.

Об отмеченных изменениях свидетельствуют, в первую очередь, цифры. Прежде всего расширился состав кафедры. Если в 1960 г. на кафедре было 8 преподавателей, то в 1969 г. их стало уже 12. Если в начале 1960 г. на кафедре работало только три кандидата философских наук, то в 1969 г. в состав ее входило два профессора, доктора философских наук и семь кандидатов философских наук, из них пять доцентов. За эти

годы сотрудниками кафедры были защищены две докторские диссертации (Л.И. Столович - "Проблема прекрасного и общественный идеал", защищена в Ленинградском университете в 1965 г. и М.Г. Макаров - "Историческое развитие категории "цель" и значение ее в современной науке и философии", защищена в том же университете в 1967 г.), и восемь кандидатских (М.Г. Макаров - 1960; Р.Н. Блюм - 1961; Я.З. Хайкин - 1963; Л.О. Вальт - 1963; Я.К. Ребане - 1963; В.П. Хютт - 1965; Р.А. Вихалемм - 1969; М.Х. Титма - 1968). За это же время выпущено 13 томов "Трудов по философии" в "Ученых записках ТТУ", из них пять монографий: М.Г.Макаров. К вопросу категории "цель" в философии диалектического материализма. 1960; Р.Н. Блюм. Роль гегемонии пролетариата в перерастании демократической революции в революцию социалистическую в Венгрии. 1960; Я.З. Хайкин. Взаимодействие норм права и морали при переходе к коммунизму. 1963; Л.О. Вальт. Познавательное значение модельных представлений в физике. 1964; В.П. Хютт. Абсолютность и относительность в интерпретации квантовой механики. 1965.

Резко возросла научная продукция членов кафедры. В шестидесятые годы опубликовано 13 монографий и свыше двухсот научных статей. Начиная с 1964 г. работники кафедры активно сотрудничают в Эстонской Советской Энциклопедии. Почти весь философский и значительная часть социологического отдела Энциклопедии написаны и прорецензированы ими. Кандидат философских наук Л. Вальт возглавил общественную редакцию по философии (после ухода с кафедры он был назначен заместителем главного редактора Эстонской Советской Энциклопедии). Кроме того, написано большое количество научно-популярных статей для газет и журналов республики.

Состав кафедры в основном оставался постоянным. В течение всего этого периода работали М.Макаров, Л.Вальт, Л. Столович, Я. Ребане, Р. Блюм. Постоянно руководил кафедрой проф. М. Макаров (в течение 1965-1966 гг., во время пребывания М. Макарова в докторантуре, временно исполнял обязанности зав. кафедрой Л.Вальт). Из аспирантуры на кафедру пришли Ю. Таммару, Р. Вихалемм, В. Хютт, М. Титма, из других вузов - Э. Лооне и А. Горячева. Некоторое время преподавали философию в университете Х. Каллак, М. Оямаа, Т. Рейнвальд, Н. Кулли, Я. Кангиласки, М. Руус, Э. Рехе. Естественно, что рост и укрепление кафедры позволили послать ряд ее членов в другие философские учреждения. Т. Лойт был направлен на

должность заведующего кафедрой Эстонской сельскохозяйственной академии, В. Хютт - преподавателем этой кафедры, Э. Матров был переведен сперва на кафедру научного коммунизма ТГУ, а потом в Институт истории партии в Таллине, Я. Кангиласки перешел в Художественный институт, а Я. Хайкин начал работать доцентом на кафедре философии Челябинского политехнического института.

Активно функционировала аспирантура, которая стала основным источником пополнения кадров преподавателей. Всего в шестидесятые годы в ней училось (очно и заочно) 19 аспирантов. Далеко не все удачно завершили свою учебу. Часть (Хельбе, Рехе, Т. Таммару, Лаанемяэ) по разным причинам прервали свою аспирантуру, часть закончила аспирантуру без защиты диссертации. Но большинство аспирантов успешно выполнили свои задачи и защитили диссертации. Четыре преподавателя кафедры (Л. Столович, М. Макаров, Я. Ребане, Р. Блум) использовали докторантуру для завершения своих докторских работ.

Большую роль в повышении квалификации преподавателей и создании творческой атмосферы на кафедре сыграли теоретические семинары. Они отличались глубиной постановки вопросов и разнообразием обсуждаемой проблематики. Детальное обсуждение таких классических работ, как "Энциклопедия философских наук" и "Феноменология духа" Гегеля, "Критика чистого разума" Канта служили прекрасным поводом для выяснения сложных и актуальных проблем современного философского знания. На семинарах члены кафедры реферировали новую философскую литературу, в особенности иностранную, докладывали о дискуссионных проблемах философии и социологии (сущность политической деятельности, природа информации, проблема личности в марксистской философии, естественно-научные и философские интерпретации времени и пространства, азиатский способ производства, идеология нового левого движения и т.п.). Семинары проводились систематически и регулярно. Как правило, они проходили после заседаний кафедры, т.е. не менее двух раз в месяц.

Кафедра организовала также ряд научных конференций. Так, например, в 1968 г. была проведена конференция, посвященная 150-летию со дня рождения К. Маркса, в 1969 - конференция на тему "Вопросы реализации ленинских принципов развития марксистской философии".

Научная работа кафедры в 60-е гг. концентрировалась вокруг трех основных тем: I. категории материалистической диалектики, логические и гносеологические проблемы современной

науки; 2. основы марксистско-ленинской эстетики; 3. марксистско-ленинская теория революции. Большая часть усилий сотрудников кафедры была направлена на разработку первой темы. Здесь следует отметить монографии М. Макарова "Materialistliku dialektika kategooriad", Tallinn, 1963, "Eesmärk ja vahendid", Tallinn, 1966, Т. Лойта "Olemus ja nähtumus", Tallinn, 1967, статьи Л. Вальта, статьи и диссертация Р. Вихалемма ("Стадии развития учения о химическом родстве с точки зрения основных ступеней познания", 1969), в которых авторы, основываясь на обширном материале истории философии и науки, новейших научных данных, рассматривали и исследовали различные аспекты категорий материалистической диалектики. В книгах Я. Ребана "Mis on dialektiline loogika", Tallinn, 1963; "Tunnetuse ühiskondlikult iseloomust", Tallinn, 1967, а также в ряде его статей была заложена основа комплексного изучения социальной детерминации познания, в них исследовался широкий круг гносеологических и логических проблем, таких как природа общественной информации, специфические механизмы ее передачи, соотношение диалектического и формально-логического противоречия и т.д.

Методологические и гносеологические проблемы научного исследования были предметом анализа в работах Л. Вальта, Р. Вихалемма, Б. Хютта, Э. Лооне, Ю. Таммару, Т. Лойта.

Вопросами марксистско-ленинской эстетики занимались Л. Столович и Я. Кангиласки. Л. Столович разработал и выдвинул оригинальную концепцию эстетического, которую он подробно обосновал в книгах "Предмет эстетики", М., 1961, "Прекрасное в жизни и искусстве", М., 1964, "Категория прекрасного и общественный идеал", М., 1969, "Tlu ja ühiskond", Tallinn, 1969 и многочисленных статьях, опубликованных как в советских, так и в зарубежных изданиях. Выдвинутая Л. Столовичем концепция стала предметом оживленной дискуссии среди советских и зарубежных эстетиков, сыгравшей значительную роль в развитии современной марксистской эстетической мысли.

Философско-социологические аспекты теории социальной революции разрабатывались Р. Блюмом. Итоги его исследования были подведены в книге "Sotsiaalse revolutsiooni teooria", Tallinn, 1969 и в ряде статей, опубликованных в "Трудах по философии".

Кроме того, преподавателями кафедры основательно анализировались теоретические проблемы общественной психологии

(А. Горячева, "Ühisondlik Psühholoogia", Tallinn, 1966), проблемы соотношения этики и права (Я. Хайкин), моральные аспекты трудовой деятельности (Т. Рейнвальд).

Серьезное внимание уделяла кафедра организации социологических исследований в университете. При кафедре ряд студентов (П. Кенкманн, Я. Аллик, Е. Голиков) прошли по индивидуальным планам подготовку по социологии (руководитель Р. Блум). Совместно с лабораторией социологии ТГУ кафедра участвовала в организации всесоюзных встреч социологов ("Ценностные ориентации личности и массовые коммуникации" - 1967 г.; "Массовые коммуникации и проблема личности - 1968 г.; "Структурно-функциональный анализ в современной социологии" - 1968 г.).

Значительным событием, свидетельствующем об авторитете кафедры философии ТГУ среди научной общественности, явилось проведение всесоюзной конференции "Метод моделирования в естествознании" (23-28 мая 1966 г.). В конференции приняли активное участие философы и методологи из Москвы, Ленинграда, Одессы, Тбилиси, Томска и других городов Советского Союза. С докладами и сообщениями выступили известные советские философы В.А. Штофф, А.И. Уемов, А.М. Коршунов, А.И. Ракилов, В.Н. Сагатовский, В.Н. Садовский, Б.В. Бирюков и др.

Кафедра постоянно занималась вопросами улучшения учебной работы и повышения научно-теоретического уровня лекций и семинаров. Уделялось большое внимание повышению педагогического мастерства преподавателей (обсуждение лекций преподавателей, особенно молодых, взаимопосещение занятий и экзаменов, обсуждение текстов и тезисов лекций).

В начале шестидесятых годов, когда преподавание философии велось на старших курсах, были разработаны специализированные курсы диалектического материализма для физиков, химиков, геологов, биологов, медиков. Вообще кафедра взяла курс на тесную связь преподавания философских дисциплин с профилем факультетов. Это облегчалось тем, что большинство преподавателей имело специальное образование, пришло на кафедру после окончания того или иного специализированного факультета. Подобное направление деятельности имело и свои недостатки. В некоторых случаях студенты жаловались на слишком сложный характер преподаваемого материала, выявилось увлечение специальными вопросами за счет уменьшения внимания к собственно философским проблемам. Об этих недостатках шла речь на заседаниях кафедры совместно со студенческим активом и пре-

подавателями специальных факультетов, которые проводились 1-2 раза в год.

Помимо основных философских курсов преподаватели кафедры вели факультативные курсы по основам научного атеизма, эстетике, этике, логике научного познания. Кроме того, члены кафедры читали такие курсы, как история физики (Л. Вальт), история химии (Р. Вихалемм), история Англии, спецкурс по философии истории (Э. Лооне), история искусства (Я. Кангиласки). Активное участие в организации социологических исследований в университете принимали Л. Столович и Р. Блюм.

В помощь студентам было издано учебное пособие по курсу диалектического материализма ("Loenguid dialektilisest materialismist," Tartu, 1964). К сборнику лекций прилагались "Определения некоторых понятий курса диалектического и исторического материализма" (составители М. Макаров и Р. Блюм).

Большое внимание уделялось научной работе студентов в области философии и социологии. Функционировали философские кружки, как факультетские (медицинский ф-т, отделение физики), так и межфакультетские (эстетический, международных отношений, философско-социологический). Правда, работа большинства кружков продолжалась только 1-2 года - время изучения студентами курса философии. Постоянная работа была организована лишь в философско-социологическом кружке, который почти непрерывно работает при кафедре с октября 1966 г. Настойчивая работа кафедры среди студентов дала положительные результаты: значительно повысился интерес к изучению философии, возросла активность студентов, лучшие выпускники специальных факультетов поступали в философскую аспирантуру (Матьюс, Луйк, Ярве, Сутт, Горбунов, Кенкманн, Лаурастин и др.).

Кафедра философии ТТУ в семидесятые годы

В начале семидесятых годов состав кафедры философии был существенно ослаблен, поскольку в другие философские учреждения республики перешли проф. Макаров и доценты Вальт и Горячева. Взамен им пришли молодые работники, - в 1971 г. были зачислены на кафедру Ю. Матьюс и А. Силласте.

После ухода проф. Макарова заведующим кафедры с 1 сентября 1971 г. стал проф. Я.Ребане. В своей "программной" речи на заседании кафедры 13 сентября 1971 г. проф. Ребане подчеркнул необходимость всеми силами поднять престиж кафедры в университете, развить положительные моменты в ее

работе, усилить научный потенциал кафедры, ослабленный вследствие ухода ведущих ее работников, преодолеть имеющиеся между членами кафедры противоречия и создать нормальные условия для работы всех преподавателей.

Можно констатировать, что члены кафедры успешно справились с трудными задачами, стоящими перед ними, в течение ряда лет восстановили научный потенциал кафедры, создали работоспособный, сплоченный учебно-научный коллектив, умеющий удачно решать ответственные задачи. Значительно улучшилась организационно-методическая работа кафедры. Произошло увеличение учебно-вспомогательного персонала. Получено было место стажера.

Приказом Министерства высшего и среднего специального образования Эстонской ССР от 19 мая 1972 г. кафедра преобразована в базовую кафедру, задачей которой является координация научно-педагогической работы в республике в области философии, руководство студенческой научно-исследовательской работы по философии, организация теоретических и методических семинаров, издание Ученых записок по философии, обучение философии аспирантов нефилософских специальностей и подготовка философских кадров через аспирантуру.

Характерной особенностью жизни кафедры в 70-х гг. было существенное омоложение ее состава: почти 2/3 нынешних ее членов пришли на кафедру в эти годы (из 16 преподавателей 9 начали работать в 70-е годы). Кроме названных выше, кафедру покинули в связи с переводом в другие учреждения на более ответственные должности П. Ярве (1971), М. Титма (1974), Я. Аллик (1977).

Достаточно большая мобильность состава кафедры в первой половине 70-х гг. и ее существенное обновление остро поставили вопрос о повышении квалификационного уровня преподавателей. Несмотря на серьезные трудности, кафедра успешно решила эту задачу. В 1971 г. докторскую диссертацию "О социальной детерминации познания" защитил Я. Ребане (Москва, Институт философии), в 1975 г. - Р. Блум, тема его докторской работы "Проблема революции в общественной мысли второй половины XIX века" (Тбилисский университет). Докторская диссертация М. Титма "Социально-профессиональная ориентация молодежи" также была подготовлена на кафедре. Кроме того, завершил работу над своей докторской диссертацией "Теория познания и историческая наука" Э. Лооне. К концу 70-х гг. в составе кафедры было 3 профессора, доктора философских наук.

Добавим к этому, что заведующий кафедрой проф. Ребәне был в марте 1975 г. избран членом-корреспондентом Академии Наук ЭССР.

В 70-е гг. работники кафедры и бывшие ее аспиранты защитили 9 кандидатских диссертаций: П. Ярве (1972), Т. Сутт и Х. Силласте (1974), П. Кенкманн и Ю. Матюс (1975), М. Лаурстин (1976), А. Порк (1976), А. Аарелайд (1977), И. Грязин (1979), В. Зибен (1980), Ю. Чертин (1981).

В результате принятых мер по укреплению кафедры, во-первых, она выросла количественно (16 преподавателей против 12 в 1969 г.), во-вторых, значительно усилился ее квалификационный уровень: в составе кафедры кроме трех докторов наук состоит семь кандидатов наук (из них четыре доцента), из шести преподавателей без ученой степени двое закончили работу над своими диссертациями.

Как и прежде кафедра самое серьезное внимание уделяла научной работе преподавателей. Лучшие традиции кафедры были закреплены и умножены. Основной научной проблемой, разрабатываемой на кафедре, является "Историческое развитие форм мышления и социальная детерминация познания". Работы, проведенные в рамках этой проблемы, получили всесоюзное и международное признание. При исследовании этой проблемы главное внимание направлено на конструктивную разработку теории познания марксистской философии, на раскрытие органической связи между ней и материалистическим пониманием истории, на изучение философско-методологических вопросов, связанных с комплексным использованием данных современной науки о социальной детерминации познания, на анализ основных параметров социальной детерминации познания в условиях развитого социалистического общества и выдвижение на этой основе соответствующих рекомендаций для идеологической работы, на критику современных немарксистских концепций в области социальной детерминации познания. За разработку этой проблемы работники кафедры (Я. Ребәне - руководитель, Р. Блум, Л. Столович, Р. Вихалемм, Э. Лооне, П. Кенкманн, А. Порк) были в 1980 г. удостоены Государственной премии Советской Эстонии по науке и технике.

Выведенный Я. Ребәне на основе применения информационного подхода к изучению социальной детерминации познания принцип социальной памяти как характеристики своеобразного хранилища результатов практической и познавательной деятельности человека, открывает широкую возможность для комплексно-

го, междисциплинарного изучения различных аспектов человеческого познания. Принцип социальной памяти позволяет также связать воедино материалистическое понимание истории с решением конкретных теоретико-познавательных проблем, а также дать обоснованную критику современных буржуазных гносеологических концепций.

В трудах Л. Столовича исследуются коренные проблемы эстетического отношения человека к действительности — проблема эстетической ценности, категория прекрасного, эстетический идеал. Им предложена концепция структуры художественной деятельности, на которой базируется понимание основных типов художественного творчества и система функций искусства.

Главное внимание исследовательской работы Р. Влима направлено на изучение истории революционной мысли. Анализ отношения к радикальному социальному изменению в важнейших течениях общественной мысли осуществляется на основе разработанной им концепции двух основных направлений в развитии теории революции — политического и социального, которые являются выражением фундаментальных философско-социологических противоречий (субстанции и самосознания, необходимости и свободы, субъекта и объекта исторического изменения).

В работах Э. Лооне и А. Порка обсуждаются важнейшие методологические проблемы исторической науки и философии истории, понимаемой как теории исторического познания и исторического знания, дается детальный критический анализ современной буржуазной англоязычной методологии исторической науки.

Р. Вихалемм исследует проблемы методологии науки с точки зрения теоретической реконструкции истории науки, в первую очередь истории химии. Подвергая критическому анализу современные концепции развития в западной философии науки, он противопоставляет им марксистские принципы социально-исторического изучения науки, на основе которых раскрываются причины превращения физического знания в идеал научности и принципиальные противоречия, с которыми связана реализация этого идеала.

О научной деятельности работников кафедры говорит следующая таблица (см. табл.).

Общее число публикаций в научных изданиях превышает три сотни. К этому нужно добавить свыше двухсот научно-популярных статей.

Широкую известность получила монография Л. Столовича

Таблица

	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981
Монографии		1		1		1	2	2	4	5	5
Статьи в сборниках ЦТУ	7	8	7	9	18	5	5	3	12	21	11
в республикан. сборниках	1	2	3	2	5	2	16	1	17	4	2
в республикан. журналах	8	3	1	4	6	7	3	1		7	7
в союзных изданиях	5	4	2	8	10	2	9	5	7	9	8
в зарубежных изданиях		2	3		1	4	2	6	5	3	2
Всего публикаций	21	20	16	24	40	21	37	18	45	49	35

"Природа эстетической ценности" (М., 1972), которая была переведена на немецкий (1975), эстонский (Таллин, 1976) и венгерский языки (Будапешт, 1977). Кроме того, в центральных издательствах Л. Столовичем были изданы книги "Спор о судьбах искусства" (М., 1978) и "Философия красоты" (М., 1978). В республиканских издательствах напечатаны книги П. Кенкманна и М. Титма "Noore põlvkonna probleemid", (Тлн., 1977), А. Порка "Narrativism ja analüütiline ajaloo filosoofia", (Тлн., 1979) Т. Лойта, М. Макарова, Л. Вальга "Marksistliku dialektika põhilised seadused", (Тлн., 1971), Р. Блюма, П. Кенкманна, Ю. Матьюса "Klassid, klassisuhet, kaasaeg", (1981)", Э.Н. Лооне "Современная философия истории" (1980), А.А. Порка "Историческое объяснение" (1981), Р. Вихалемма "Ühe teaduse kujunemislugu" (1981). Вышли в свет коллективные работы преподавателей кафедры: сборник "Ajalooline materialism" /Тлн., 1970, второе издание 1977), в котором приняли участие Я. Ребане, М. Макаров, Э. Лооне, А. Горячева, Р. Блюм, Л. Столович, книга "Nüüdisaja teaduslik-tehnilise revolutsiooni filosoofilisi probleeme", (Tallinn, 1977) авторы Р. Блюм, Я. Аллик, Э. Лооне, Р. Вихалемм, П. Кенкманн, Л. Столович) и "Teaduse metodoloogia", Тлн., 1979) (среди авторов Р. Вихалемм, Я. Ребане, Ю. Таммару, Э. Лооне).

Я. Ребане написал главы во всеююзных монографиях "Методологические проблемы общественных наук" (М., 1979) и "Социальная природа познания" (М., 1979), статью "О комплексном изучении социальной детерминации познания" в сборнике "Социальная природа познания" (вып. I, М., 1973), Р. Блюм - статью "Понятия политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли" в сборнике "Проблемы теории социальной революции", (М., 1976). Высокая оценка научной деятельности кафедры проявилась в том, что главные философские журналы специально предоставили свои страницы для статей работников кафедры ("Вопросы философии", 1974, № 6 и "Философские науки", 1977, №№ 4, 5, 6). Статьи Я. Ребане, Л. Столовича, Р. Блюма, Р. Вихалемма, М. Лауристин, Н. Кулли, Ю. Матьюса были опубликованы в этих номерах журналов.

Расширились и международные научные связи кафедры. В первую очередь здесь надо отметить публикацию работ в зарубежных изданиях и выступления на международных симпозиумах и съездах. Монографии и статьи проф. Столовича изданы в Венгрии, Польше, ГДР, Румынии, на Кубе, в Швеции, Франции и

ФРГ, статьи проф. Ребане - в ФРГ, Югославии и Финляндии, проф. Блюма - в Венгрии, доцента Вихалемма в Югославии. Кроме того, ряд работников кафедры прочли курсы лекций в университетах европейских стран. Проф. Столович был в длительной командировке в г. Братислава (Чехословакия) в 1977 и 1977/78 учебном году, проф. Я. Ребане читал лекции в университете г. София (Болгария) в 1979 г., доцент Лооне в университетах Швеции в 1975, 1976 и 1978 гг. Члены кафедры были также участниками ряда международных философских конгрессов и совещаний. Проф. Ребане участвовал в работе XV (Варна) и XVI (Дюссельдорф) Всемирных философских конгрессов и международной конференции "Наука и общество" в Югославии (в 1975 и в 1977 гг.), проф. Столович - V, VII, VIII, IX Международных конгрессов по эстетике и Международной конференции по эстетике (Краков, 1979), на VIII конгрессе по эстетике был и доц. Ю. Матьюс. На Всемирных социологических конгрессах присутствовал доц. П. Кенкманн. Участником международных конгрессов был также доц. Э. Лооне.

В апреле 1979 г. на базе кафедры и ее силами была проведена межвузовская научная конференция "Современные проблемы философии истории". В работе конференции приняли участие многие ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Калинин, Томска и других городов Советского Союза. В живой, непринужденной обстановке были обсуждены актуальные и дискуссионные вопросы методологии исторического знания, теоретические проблемы исторического исследования.

Кафедра продолжала выпускать "Труды по философии" в "Ученых записках Тартуского университета". В 70-е гг. и к началу 80-х было издано девять томов "Трудов по философии" (с 14 по 22). Сдано в производство еще два тома.

Таким образом, в области научной деятельности кафедра сделала значительный шаг вперед^I. Есть все основания полагать, что созданы хорошие условия для еще более активной научной работы в сфере философско-социологического знания.

^I Подробнее о научной работе кафедры см.: Р.Н. Блюм, Л.О. Вальт и др. Развитие философской мысли в Эстонии за годы Советской власти. - Вопросы философии, 1968, № 3; Л.О. Вальт, Я.К. Ребане. О развитии философской мысли в Советской Эстонии. "Вопросы философии", 1974, № 6; Н.Ф. Кулли. О развитии философских исследований в вузах Эстонии (1971-1976). - Философские науки, 1977, № 5; J. Rebane. Filosoofia arengust Nõukogude Eestis. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 60-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Таллин, 1977, стр. 31-50.

Для реализации задачи непосредственной практической помощи народному хозяйству в 1975 г. кафедрой был заключен хоздоговор с Министерством легкой промышленности Эстонской ССР. Целью договора является изучение руководящих кадров легкой промышленности ЭССР с точки зрения их ответственности в деле обеспечения качества труда и продукции. Научный руководитель договора – проф. Я. Ребане, ответственный исполнитель – старший научный сотрудник М. Сийман. На основе исследования разработана оригинальная теоретическая концепция ответственности и даны конкретные рекомендации для повышения роли инженерно-технических работников в деле обеспечения качества труда и продукции, а также для улучшения дела подготовки инженерно-технических кадров для легкой промышленности ЭССР. В 1975–1977 гг. при кафедре выполнялись также хоздоговора: "Комплексное социально-психологическое исследование коллектива швейной фабрики "Сангар" (руководитель Л. Блум) и "Разработка методики выявления особенностей в требованиях к жилищу различных социально-демографических и региональных типов семей" (руководитель М. Хейдметс).

Доц. Кенкманн в течение ряда лет возглавляет лабораторию изучения коммунистического воспитания ТТУ, исследования которой, посвященные формированию студенческого контингента и воспроизводству кадров специалистов в республике, а также социально-профессиональной ориентации молодежи, получили широкую известность в стране. Под его руководством в течение ряда лет выполняются договорные работы. Лаборатория участвует в реализации международной и всесоюзной программ изучения молодежи.

При кафедре продолжала успешно функционировать аспирантура. Каждый год принималось 1–2 человека. С начала 70-х гг. по 1981 г. 8 аспирантов (П. Кенкманн; Т. Сутт, Х. Силласте, А. Аарелайд, А. Порк, И. Грязин, В. Зибен, Ю. Чергин) защитили свои диссертации и стали кандидатами наук, трое (В. Парве, В. Голиков, А. Уйбо) – представили кандидатские работы к защите, четверо (Л. Няппинен, И. Розенфельд, М. Сийман, А. Ранникмяэ) – продолжают свою учебу. А. Порк (научный руководитель проф. Ребане) закончил работу над диссертацией раньше установленного планом срока – в декабре 1974 г. он поступил в аспирантуру, а уже в июне 1975 г. кафедра рекомендовала диссертацию к защите. Досрочно справились с поставленными перед ними задачами аспиранты И. Грязин и А. Уйбо (научный руководитель проф. Я. Ребане). С 1975 г. не было случая невыпол-

нения плана аспирантами, все окончившие аспирантуру завершили работу над диссертациями. Существенную роль в подготовке кадров сыграло то обстоятельство, что многие кандидаты в аспирантуру получили дополнительную философскую подготовку по индивидуальным планам в студенческие годы (П. Кенкманн, А. Аарелайд, Т. Киллак, А. Порк, И. Грязин, В. Парве, Е. Голиков).

Главное внимание в своей работе кафедра уделяла организации учебного процесса. Она располагает опытными преподавательскими кадрами, которые ведут преподавание философских курсов на всех факультетах университета и аспирантам, осуществляют прием кандидатских экзаменов по философии. Между преподавателями сложилось известное разделение труда, диктуемое задачами чтения курса и необходимостью поддерживать постоянно высокий уровень компетенции. Курс диалектического материализма читают проф. Ребане и Столович, доц. Вихалемм, ст. преподаватели Луйк, Порк, Таммару, Грязин, курс исторического материализма — проф. Блюм, доц. Лооне, Кенкманн, Матьюс, курс основ научного атеизма, введенного на всех факультетах в 1974 г., — ст. преподаватели Силласте и Кулли, курс истории философии — проф. Блюм и ст. преподаватель Луйк, курсы эстетики и этики — проф. Столович и доц. Матьюс. Кроме того, преподавателями кафедры прочитано ряд спецкурсов и проведены спецсеминары на историко-психологическом и филологическом факультетах (проф. Столович, Блюм, доц. Матьюс). Были также проведены короткие курсы по методологии науки на У курсах медицинского, физико-химического, биологического и юридического факультетов в 1974/75 учебном году.

Постоянно обсуждались на заседаниях кафедры вопросы повышения качества преподавания. Для улучшения методической работы созданы две методические секции: секция диалектического материализма (руководитель доц. Р. Вихалемм) и секция исторического материализма (руководитель проф. Р. Блюм), функциями которых являются обсуждение текстов и тезисов лекций, результатов взаимопосещения занятий, утверждение экзаменационных билетов и календарных планов и т.п. Кафедра продолжает практиковать совместные заседания со студенческим и преподавательским активом факультетов университета. Такие обсуждения в семидесятые годы прошли практически со всеми факультетами.

В 70-е гг. заметно улучшилась работа по организации различных студенческих философских конкурсов. В первую очередь,

здесь следует отметить резкое увеличение количества реферативных студенческих работ. Если в 1971 г. их было 263, то в 1980 г. - 1189. Практически почти все студенты, изучающие курс диалектического и исторического материализма пишут рефераты. Увеличилось также количество конкурсных работ студентов, причем многие из них получили награды и поощрения на университетском, республиканском и всесоюзных конкурсах. Вот соответствующие данные: (в числителе количество конкурсных работ, в знаменателе - количество получивших награды).

1970	1971	1972	1973	1974	1975
9/8	4/4	17/12	24/7	34/12	11/11
1976	1977	1978	1979	1980	1981
32/15	25/16	28/13	48/18	46/26	65/26

За участие в V Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным наукам первой премии была удостоена конкурсная работа А. Порка "Историческое познание как проблема послевоенной буржуазной англо-американской аналитической философии истории" (научн. руководители проф. Я. Ребане и доц. Э. Лооне). За эту же работу он был награжден медалью АН СССР "За лучшую студенческую работу по общественным наукам". Первое место на VI Всесоюзном конкурсе студенческих работ получила работа А. Арро "К проблеме интуиции в связи с проблемой подсознательного" (руководитель доц. Р. Вихалемм). На VII Всесоюзном конкурсе второе место заслужила работа С. Каннике "Проблема насилия в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса" (руководитель проф. Р. Блюм). На VIII Всесоюзном конкурсе второе место заняла работа Я. Кивистика "Соотношение борьбы и единства противоположностей" (руководитель Р. Вихалемм) и почетной грамотой отмечена работа В. Блюма "Проблема социокультурного изменения в трудах этнологов-эволюционистов XIX века" (руководитель проф. Я. Ребане).

С 1977 г. на кафедре проводятся ежегодные конкурсы на лучшего знатока философии, в каждом участвует несколько десятков студентов, показавших хорошее знание проблем марксистско-ленинской философии. Эти конкурсы позволяют отбирать студентов, проявивших заинтересованность в области философского знания, для дальнейшей их специализации на кафедре. В течение 15 лет работает философско-социологический кружок

студентов (руководитель Р. Блюм). В нем ведут активную работу около 25 человек ежегодно.

Повысилась активное воздействие кафедры философии на работу других кафедр и организаций. Члены кафедры принимают деятельное участие в работе методологических семинаров на факультетах университета, оказывают помощь в выработке тематики семинаров, в подготовке докладов и выступлений, в организации теоретических конференций. Члены кафедры проф. Р. Блюм и доц. Р. Вихалемм по поручению ГК КПЭ руководят работой методологических семинаров в учебных заведениях и научных институтах города. Почти все работники кафедры ведут занятия в вечернем университете марксизма-ленинизма.

Постоянно функционирует теоретический семинар на кафедре философии. Он является местом обмена новой информацией между профессиональными философами республики, местом обсуждения актуальных и спорных вопросов философии. Ежегодно проводится 6-8 таких семинаров. К этому надо добавить, что кафедра, в качестве базовой, в мае каждого года (начиная с 1973) регулярно проводит республиканские теоретико-методологические семинары для всех преподавателей философий республики. Для выступления на них приглашаются ведущие специалисты по философии из других городов и республик Советского Союза. На обсуждение этих семинаров ставятся актуальные вопросы преподавания философии в вузах республики.

В заключении хотелось бы отметить внешне незаметную, но очень существенную роль в организации всей работы кафедры учебно-вспомогательного персонала и, в первую очередь, зав. учебным кабинетом Н. Кивимаа (с 1975 г.).

Таков краткий обзор деятельности кафедры философии за ее тридцатилетнее существование. Коллектив кафедры философии ТГУ вступает в восьмидесятые годы, годы юбилея университета, отчетливо сознавая, сколько еще нерешенных проблем стоит перед ним, и твердо надеясь, что он сумеет выполнить свой долг.

С о д е р ж а н и е

Р.А. Бихалемм. Современная буржуазная методология науки как идеология	3
И.В. Розенфельд. Методологические основания теории причин революции в современной американской социологии	29
Я.Л. Кивистик. О роли категорий "историческое" и "логическое" в философском осмыслении развития науки	48
А.А. Ранникмяэ. О понятии "стиль научного мышления" ...	66
В.В. Парве. О предметной отнесенности сознания. (Психофизиологический аспект бидсминантности сознания)	76
Л.Я. Няпинен. О значении терминов "организация" и "самоорганизация" в современной научной и философской литературе	84
Е.А. Голиков. Этический дуализм и политико-правовая теория И. Канта	105
Ю.Н. Чертин. Социальное бытие человека в философии Ж.-П. Сартра	123
<u>Приложение.</u>	
Р.Н. Влум. Кафедра философии ТГУ в советский период ...	141